

Ф. М е р и н г

ФРЕЙЛИГРАТ и МАРКС
В ИХ ПЕРЕПИСКЕ

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

БИБЛИОТЕКА МАРКСИСТА
ПОД РЕДАКЦИЕЙ Д. РЯЗАНОВА
ВЫПУСК XVII

Ф. МЕРИНГ

ФРЕЙЛИГРАТ И МАРКС
В ИХ ПЕРЕПИСКЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1929 ЛЕНИНГРАД

Отпечатано в типографии Госиздата
„КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ“,
Москва, Пименовская ул., д. 16,
в количестве 5000 экз.,
Главлит № 74 513
Гиз. № 16 347
Зак. № 10 180
11¹/₄ п. л.

☆

BÜCHEREI
DES INSTITUTS
FÜR SOZIALFORSCHUNG
FRANKFURT A. M.

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКЦИИ.

Издаваемая нами теперь работа Меринга вышла по-немецки в 1912 г., как приложение к научному органу немецкой социал-демократии „*Neue Zeit*“. Сейчас она является чуть ли не библиографической редкостью. На русском языке она в полном виде появляется впервые *).

Маркс и Энгельс — в большей степени первый — находились в очень близких отношениях с тремя крупнейшими представителями немецкой революционной поэзии — Гейне, Гервегом и Фрейлигратом. Но лишь последний из них является товарищем Маркса и Энгельса по партии, членом Союза коммунистов и соредактором „*Neue Rheinische Zeitung*“, на страницах которой он, в сильных и ярких поэтических образах, защищал взгляды и мнения, развивавшиеся Марксом в руководящих статьях.

В течение почти двух десятилетий, после поражения немецкой революции 1848—1849 гг., Фрейлиграт жил вместе с Марксом в Лондоне. Однако с конца пятидесятих годов (1859—60) старая тесная дружба величайшего мыслителя и теоретика пролетарской революции и талантливейшего певца германской революции 1848—1849 гг. начала ослабевать. Фрейлиграт, который до перехода в лагерь коммунистов считал своим лозунгом „*Deutschland und Freiheit über alles*“ (Германия и сво-

---

*) В 1924 г. извлечения из переписки Маркса с Фрейлигратом напечатаны были в виде приложения к изданию в Харькове книжке „Избранные стихотворения Ф. Фрейлиграта. Перевод С. Заяицкого (и С. Остроумова) под редакцией и с предисловием В. Фриче“.

бода — выше всего) и только под сильным и непосредственным влиянием Маркса усвоил себе „узкие“ и „классовые“ лозунги пролетарского движения, в последние годы своей жизни увлекся, как и многие немецкие революционеры, хотя и не в такой степени, „освободительным“ характером предпринятой Бисмарком борьбы за объединение Германии. Это, конечно, не могло не повлиять на взаимоотношения Маркса и Фрейлиграта.

Несколько слов о русском издании. Книжка Меринга должна была выйти к пятидесятилетию со дня смерти Фрейлиграта, т.-е. в 1926 году. Но этому помешало одно обстоятельство.

В распоряжении Института К. Маркса и Ф. Энгельса имеются фотоснимки с писем Фрейлиграта к Марксу (оригиналы находятся в архиве германской социал-демократической партии), но не было ни оригиналов, ни снимков, ни даже полных копий писем Маркса к Фрейлиграту. Зная, какой субъективизм проявляли иногда Бернштейн и Меринг при опубликовании рукописей Маркса и Энгельса, мы решили подождать с выпуском книжки и раздобыть сперва письма Маркса.

Меринг нигде не говорит, откуда он получил эти письма и кому их сдал после их использования. Но можно было предположить, что они находятся у кого-нибудь из оставшихся в живых детей Фрейлиграта — сына Вольфганга, живущего в Рейнской провинции, или дочери Луизы Винс, живущей в окрестностях Лондона. Попытки Института связаться с последней потерпели, однако, неудачу. На след этих писем Институт напал другим путем. Летом 1927 г., во время своего пребывания за границей, Д. Б. Рязанов, зайдя в антиквариат Бера во Франкфурте-на-Майне, узнал, что Бер, отец которого вскоре после смерти Фрейлиграта приобрел его библиотеку, еще в 1922 г. купил у Луизы Винс большую часть литературного наследства ее отца и продал ее городской библио-

теке в г. Дортмунде. Оказалось, что среди этих бумаг находятся и письма Маркса к Фрейлиграту, которые — с разрешения библиотеки — нами немедленно были сфотографированы.

Теперь, когда мы имеем в своем распоряжении всю переписку Маркса с Фрейлигратом, мы можем сказать, что Меринг ограничился немногими — хотя и весьма существенными — пропусками. Он выбросил все то, что, по его мнению, не касалось вопроса о взаимоотношениях между Марксом и Фрейлигратом, хотя в письмах Маркса был ряд мест, весьма важных для характеристики взглядов Маркса и их развития в эпоху контр-революции.

И все же мы издаем книжку Меринга в том виде, как она была опубликована по-немецки. Что касается всех выпущенных им мест из писем Маркса, то мы даем их в приложении.

Односторонность, отличающая статьи Меринга, в которых он освещает отношения между Марксом, с одной стороны, Лассалем и Бакуниным — с другой, заметно проявляется и в настоящей книжке. Стараясь оправдать или найти „смягчающие обстоятельства“ для Фрейлиграта, Меринг сгущает тени на стороне Маркса, а в случае с Фогтом впадает в прямое противоречие с фактами.

Русская литература о Фрейлиграте очень бедна. Кроме немногих строк или одной-двух страниц, посвященных ему в книгах по истории немецкой литературы, можно назвать только статьи: П. Вейнберга „Политический поэт Германии“ („Отечественные записки“, 1882 г., ноябрь, перепечатано в сборнике его статей „Страницы из истории западных литератур“) и В. О. „Жизнь поэта и его отношения к действительности“ („Вестник Европы“, 1882 г., ноябрь). В издании „Красной Нови“ вышел также маленький сборник избранных стихотворений Фрейлиграта „Вопреки всему“. Перевод, вступительная статья и примечания М. Зенкевича. Чтобы дать читателям

представление о лирике и революционной поэзии Фрейлиграта, мы помещаем в приложении несколько наиболее характерных его стихотворений.

Необходимые дополнения читатель найдет в вводной статье „Фрейлиграта и революционная поэзия 40-х гг.“, написанной т. Ф. Шиллером. Ему же принадлежат примечания. Перевод книжки Меринга сделан Е. Д. Зайцевой, перевод стихотворных отрывков в основном тексте — О. Б. Румером.

Ф. ФРЕЙЛИГРАТ И РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПОЭЗИЯ 40-х ГОДОВ.

(Вступительная статья).

„Я лишь трубач революции“.

Фрейлиграт.

I.

В своей статье о социалистической лирике (1914) Фр. Меринг пишет: „Спорить о Фрейлиграте можно лишь в том случае, если желают превратить его в современного патриота империи или современного социал-демократа; он не был ни тем, ни другим. Но если он по-своему стоял на „башне более высокой, чем вышка партии“, то в великом историческом смысле, как выразился Маркс, „он был поэтом партии“. Спор о Фрейлиграте, о ценности его поэтического творчества, продолжается и поныне. В то время как старые сказки о гуманном и добром поэте, который, ничего не подозревая, был вовлечен в шайку темных личностей, все еще не сходят со страниц некоторых новейших литературных исследований, — другие буржуазные историки литературы, в особенности после выхода в свет „Истории немецкой литературы XIX века“ Р.-М. Мейера и настоящей книжки Меринга, стараются дать более или менее объективную оценку политической поэзии Фрейлиграта. Если некоторыми из них влияние Маркса и его среды все еще изображается как влияние злого духа, от дуновения которого замолкла муза поэта, то другие буржуазные исследователи, как, например, Э.-Г. Гудде в своей книге о Фрейлиграте (1922), доказывают на основании конкретного исторического материала, что наш поэт в своем творчестве — по крайней мере, в отношении крупнейших его революционных стихотворений — многим обязан именно влиянию статей

и теоретических работ Маркса. Но как бы ни расходились критики в эстетической оценке творчества Фрейлиграта, все они сходятся на том, что в его творчестве революционная поэзия 40-х годов достигла своего высшего расцвета.

У пролетариата не может быть двух мнений в оценке революционного певца 48-го года. Фрейлиграт считается и всегда будет считаться талантливейшим поэтом первой стадии освободительной борьбы немецкого пролетариата. Меринг правильно замечает, что его песни близки по духу и теперешним немецким рабочим, что они моложе и современнее многих песен новых пролетарских поэтов. Вопрос об оценке Фрейлиграта осложняется, однако, и для нас, когда мы подходим к его творчеству 70-х годов. При анализе этого периода Меринг приходит к некоторым выводам, не подтверждаемым, по нашему мнению, историческими данными, главным образом перепиской Маркса и Энгельса. Характеристика поэта в этот период дана в слишком мягких тонах и в ущерб Марксу; Меринг, как известно, при всей своей добросовестности, несколько грешил этим (ср., например, его оценку Бакунина и Лассаля в биографии Маркса). Но прежде, чем исследовать этот вопрос и тесно связанный с ним вопрос об отношении Маркса к поэзии вообще, необходимо изложить ход развития Фрейлиграта от романтика и противника политической поэзии к самому яркому ее представителю.

В творчестве Фрейлиграта было два кульминационных пункта: экзотически-романтический и революционный. Его биограф В. Бухнер, а за ним и другие критики стараются доказать, что в произведениях нашего поэта всегда билась политическая жилка, что обращение его к революционной поэзии является поэтому логическим следствием всего его творчества. В этом же духе высказывался и сам поэт. Но такое утверждение можно считать правильным лишь с большой натяжкой, и то только в отношении средств выражения, поэтической формы; по содержанию же ранняя лирика Фрейлиграта является чем-то вроде транскрипции „Orientales“ (Восточных песен) Виктора Гюго, и когда впоследствии вышел немецкий перевод В. Гюго, многие поклонники нашего поэта были крайне удивлены поразительным сходством сюжетов. Этим мы, однако, не хотим умалить поэтическую ценность первого периода творчества Фрейлиграта: экзотический жанр — все эти поэтические вымыслы об Индии, Аравии и Конго, о верблюдах и

жираффах, калифах и шейхах, это воспевание уходящих и приходящих фрегатов, торговых кораблей — отражает стремление эпохи, — эпохи развертывающейся мировой торговли и империалистической экспансии Европы на Восток. Экзотический жанр господствовал в то время не только в литературе, но и в других областях искусства, особенно в живописи. Возвышавшийся тогда класс, буржуазия, жаждал контраста с обыденной жизнью, экзотической пестроты. По сравнению с тогдашней немецкой поэзией, с ее безобидно-кротким, разбавленным розовой водицей содержанием, лирику Фрейлиграта можно, конечно, назвать революционной, или, вернее, оппозиционной — по форме. Этим и объясняется ошеломляющий успех первого сборника его стихотворений, изданного Коттой в 1838 году. Старики — Шамиссо и Брентано — пришли в восторг, а молодежь попросту обоготворяла поэта и изо всех сил старалась подражать ему. Так, например, в числе многих других обаянию его подпал и молодой Энгельс, — до знакомства с „Молодой Германией“. В его скромном поэтическом творчестве наблюдается исключительное влияние Фрейлиграта, выражающееся как в форме стихотворений, так и в выборе экзотических сюжетов. Но, ознакомившись с произведениями Берне и Гуцкова, Энгельс, при всем своем уважении к таланту поэта, уже называет его стихи „гербарием“ и, зная честность и наклонности поэта, пишет 9 апреля 1839 г. Фр. Греберу: „Ты увидишь, что Фрейлиграт примкнет еще к „Молодой Германии“.

Примкнуть к „Молодой Германии“, в споре с которой Фрейлиграт принял ранее сторону Менцеля, в это время не имело уже смысла, да и сам Энгельс вскоре отвернулся от нее. „Молодая Германия“, имевшая несомненно большие заслуги в истории немецкой литературы, в начале 40-х годов пришла в состояние упадка; „она утратила, — как пишет Энгельс, — свое идейное содержание и погрязла в целом омуте скандалов и личных дрызг“. Поднимавшийся и революционный в то время класс немецкой буржуазии выдвинул новую литературную форму — политическую лирику 40-х годов. У „отца“ политической лирики, австрийского поэта А. Грюна, и его соотечественников, Н. Ленау, К. Бека, А. Мейснера и М. Гартмана, лирика эта облекалась еще в чересчур пестрое одеяние и ограничивалась мечтаниями утопического социализма и идеями Ж.-Ж. Руссо о вреде цивилизации и спасении чело-

вечества на лоне природы. В Германии сильный толчок новой лирике был дан „Песней о Рейне“ Н. Беккера и последовавшей за ней полемикой. Но настоящим годом рождения политической поэзии нужно считать 1841 год, когда появились „Стихи живого человека“ Г. Гервега. Они в страстно-увлекательной форме выразили чаяния времени, лозунги дня, ударили, словно молния, в атмосферу смутного недовольства и возвестили наступление зари свободы. Гервег, в противовес романтическому пониманию поэзии, проповедывал, что она должна быть орудием общественной борьбы. И вот против этого понимания поэзии выступил Фрейлиграт: он тогда уже порвал с романтикой, но все еще продолжал стоять на точке зрения чистого искусства, выраженной в знаменитых строках: „Поэт на башне более высокой, чем вышка партии, стоит“. На это последовал ответ Гервега, и возникла известная полемика между сторонниками Гервега и Фрейлиграта. Маркс, хотя и не принимал непосредственного участия в этом споре, но вместе с кружком „младогегельянцев“ в Кельне, издававшим самый радикальный орган предмартовской Германии „Рейнскую Газету“, — главным редактором которой в это время он состоял, — чествовал Гервега в Кельне во время торжественной поездки поэта по Германии и после его изгнания защищал его от многочисленных и ядовитых нападок реакционной печати. Фрейлиграт, скромности которого претило это триумфальное шествие, опубликовал 20 января 1843 г. в „Кельнской Газете“ свое „Письмо“ против Гервега, вызвавшее бурю негодования в лагере радикальной партии. После этого в „Рейнской Газете“ появился ряд ответных едких стихотворений и статей (Гейнцена, Пруца и др.). Но одно, особо грубое стихотворение Людвиг Вилля „Рейнская Газета“ не решилась даже напечатать, и оно вышло в 1843 г. в „Пилоте“ Мундта *).

Полемика принимала очень резкую форму. Предметом иронии служила главным образом королевская пенсия, которую выхлопотал поэту Александр фон-Гумбольдт в 1842 г. у прусского короля. Фрейлиграт считался придворным поэтом и сторонником консервативной партии, и еще в ноябре 1843 г. Маркс называет его врагом Гервега и свободы **).

*) См. A. Volbert, F. Freiligrath als politischer Dichter. Münster i. W. 1907, p. 49.

**) См. W. Buchner, F. Freiligrath. Ein Dichterleben in Briefen. 2. Bd., 1882, p. 88.

Но „Письмо“ против Гервега вызвало недовольство также в кругах близких к Фрейлиграту поэтов и друзей. Л. Шюккинг, Ад. Шульц, Г. Кинкель и другие выражали свое недовольство: Фрейлиграт, хотевший стоять „выше партии“ и защищать вечные права поэзии от посягательств на нее со стороны политических лириков, оказал на самом деле громадную услугу консервативной, реакционной партии. Это обстоятельство заставило его задуматься: полемика, против воли, втянула его в политику. До сих пор дело шло только о том, на чьей стороне он хочет сражаться, отныне он начинает следить за политическими событиями; так, в феврале 1843 г. он пишет одному из своих друзей *): „Запрещение „Рейнской Газеты“, „Немецких Летописей“, изгнание Гервега, увольнение в отставку без пенсии Гофмана, — все это опечалило меня, как и всякого разумного приверженца свободы и прогресса, тем более, что только тщеславие, эгоизм и дубоватость наших радикальных коноводов несомненно вызвали реакцию к этой мере“. И еще в конце 1843 г. он хочет стоять на платформе „либерализма, одинаково далекого как от реакции, так и от сумасбродства радикалов“. Но окружающая его действительность должна была убедить его, что причины надвигающейся реакции кроются не в „сумасбродстве радикалов“. Хотя Фрейлиграт и прожил целое лето 1843 г. в С.-Гоаре с другим королевским поэтом-пенсионером, Гейбелем, вдали от политической жизни, однако все новые и новые знамения времени разбивали надежды тех, кто верил в либеральные реформы Фридриха-Вильгельма IV; к числу этих лиц принадлежал и наш поэт. И именно летом 1843 г. он мог воочию убедиться, как король в своих высокомерных, деспотических приказах отказывал 7-му рейнскому ландтагу в одном либеральном требовании за другим. К тому же поэт встретился в августе 1843 г. с автором „Неполитических песен“, проф. Гофманом фон-Фаллерслебен, лишенным к тому времени кафедры. Если эта встреча, имевшая место в Кобленце, и не „обратила“ Фрейлиграта к политической лирике, как это долго думали, все же она несомненно повлияла на него в этом направлении. Все это, вместе взятое, — а также осу-

---

*) Перевод отрывков из писем Фрейлиграта цитируется по П. Вейнбергу, Политический поэт Германии. (Страницы из истории западных литератур). СПб. 1907, стр. 1 — 44.

ждение либерального профессора Иордана и непрекращающиеся нападки на Фрейлиграта, как на королевского пенсионера, со стороны радикальных лириков, вроде Гервега, Пруца и других, — не могло не произвести сильного впечатления на такого честного человека, каким был Фрейлиграт. Кроме того, нельзя забывать, что „Кельнская Газета“, в которой печатал свои стихотворения Фрейлиграт, в начале 1844 г., уступая требованиям времени, решительно повернула в сторону радикализма, что не мало повлияло на нашего поэта. И вот, в конце 1843 года и начале 1844-го его поэтическое творчество все более и более наполняется злободневным, политическим содержанием, — правда, пока еще в очень мягкой форме. Даже заглавие предполагаемого нового сборника стихотворений, „Патриотические фантазии“, было заимствовано у патриота Мезера. Перед отправкой этих стихов издателю Котте он пишет Шюккингу: „Я должен дать свободу моему чувству; я хочу, сообразно моему убеждению, занять то чистое, недвусмысленное положение, которого жаждет моя честность; я выбью дно из бочки, будь что будет из этого, — мне все равно“. Дальнейший толчок к переходу поэта в лагерь оппозиции дала сама прусская цензура, вычеркнув добрую часть даже и этих, столь безобидных, стихотворений. Когда поэт получил отказ и в высшей цензурной инстанции, он напечатал этот сборник нелегально под заглавием „Символ веры“, снабдив его предисловием, в котором, отказываясь от пенсии, открыто перешел на сторону оппозиции.

Стихотворения „Символа веры“ по существу еще чрезвычайно невинного характера. Автор в нерешительности колеблется между красивыми либеральными фразами и смелыми действиями; он обращает еще слишком много внимания на данные общественные условия, на исторически установленное. В нескольких словах сборник этот можно охарактеризовать следующим образом: поэт стоял тогда не за революцию, а за основательные реформы общественной жизни в духе умеренного либерализма. Что касается поэтической ценности этого сборника, то она гораздо ниже его первых, романтически-экзотических стихотворений; в „Символе веры“ Фрейлиграт является эпигоном политической лирики Гейне, Гервега, Пруца и других; не видно еще той оригинальности, того революционного вдохновения, которые отличают его творчество 1848 — 1849 годов. Однако, несмотря на эти недостатки, сборник вызвал

бурю негодования в консервативном лагере; книга была запрещена, и был отдан приказ об аресте поэта и привлечении его к ответственности за оскорбление величества и злоупотребление пенсией. Но Фрейлиграт заблаговременно уехал за границу и поселился в Брюсселе.

Переход Фрейлиграта к оппозиции и революционной поэзии не совершился, таким образом, внезапно, а явился результатом длительной внутренней борьбы поэта и коренится в общественном движении Германии 40-х годов. После того как поэт вступил на путь оппозиции, дальнейшее развитие его, как революционера, идет быстрым темпом. В Брюсселе он познакомился с Марксом и жизнью политической эмиграции. Правда, несколько месяцев, проведенных им в Брюсселе, не были плодотворны для его поэтического творчества, но зато они помогли ему осознать самого себя. Не так давно найденный фрагмент стихотворения о силезских ткачах, написанного им в это время, показывает, что Фрейлиграт, хотя и перешагнул через умеренный либерализм, еще не сделался, однако, настоящим революционным лириком. В другом стихотворении, написанном в декабре 1844 г. на день рождения жены, уже воспевается революция путем насилия в образе большой метлы, выметающей рабство „из Германии и всего мира“.

Но жизнь в Брюсселе не могла вдохновить нашего поэта; здесь уже намечается то, что впоследствии, во время длительной эмиграции в Лондоне, становится роковым для Фрейлиграта: для своего поэтического творчества он нуждался в драматических эффектах, в ярких красках и образах, которые могли ему дать лишь революционное массовое движение, лишь злободневные политические события. „Либералы, радикалы, социалисты, коммунисты, — все это ругает и неистово преследует друг друга, вместо того, чтобы не медля кинуться на общего врага и уже потом приняться за взаимное уяснение своих принципов“ — так характеризует он жизнь эмиграции в письме к одному из друзей.

В марте 1845 г. он, вместе с К. Гейнценом, переселился в Швейцарию и попал как раз в самую гущу политических событий — борьбу либералов с реакционным цюрихским правительством. Под впечатлением этих событий и последовавших вслед за тем волнений в Германии Фрейлиграт написал в 1845 — 1846 гг. свои лучшие революционные песни, из

которых шесть были опубликованы в 1846 г. под заглавием „*Ça ira*“. Затрагивая в них исключительно злободневные политические вопросы, автор призывает немецкий народ к насильственному перевороту. Но поэтическая ценность этих шести стихотворений далеко не одинакова. Если, например, „*Снизу*“ принадлежит к наилучшему из созданного революционной лирикой всех времен, то некоторые другие довольно слабы как по форме, так и по содержанию.

Знакомство поэта с Марксом в Брюсселе было лишь поверхностным, так что автор „*Ça ira*“ еще во многом находится под влиянием К. Гейнца и „истинного социализма“. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Маркс и Энгельс в „Немецкой идеологии“, критикуя поэзию „истинного социализма“, довольно иронически отозвались о сборнике „*Ça ira*“. Бернштейн, Каутский и Меринг решили не опубликовывать этой критики, ибо, как пишет Меринг, „по существу их отрицательное отношение объясняется тем, что именно к тому времени они выработали свое новое мирозерцание и с презрением смотрели на все, что для них являлось уже изжитым пониманием. При этом они забыли о праве поэта говорить на своем собственном языке, который по своей логической яности не должен и не может равняться с языком научным“. Но если отделяться такими замечаниями и скрывать критику Маркса и Энгельса от читателя, то может создаться впечатление, что эта критика отличается особенной резкостью. На самом же деле Маркс и Энгельс из шести стихотворений с неодобрением отзываюся лишь о двух: „*Перед отплытием*“ и „*Как это делается*“, — и для этого они имели кое-какие основания, ибо всякий объективный критик не может не согласиться с тем, что эти стихотворения — самые слабые. По словам Гудде, „*Перед отплытием*“ создано под влиянием статьи К. Гейнца в „*Deutsches Bürgerbuch*“ (I, p. 8), а „*Как это делается*“ — под влиянием идей некоторых „истинных социалистов“, согласно которым революция должна была совершиться именно таким наивно-вульгарным путем, как это изображает Фрейлиграт в своем стихотворении. Мы поэтому не видим причин к тому, чтобы опубликование этой критики могло повредить Фрейлиграту или Марксу-Энгельсу. Наоборот, она лишней раз доказывает их тонкое эстетическое чутье. В главе об „истинных социалистах“ они пишут:

„Так как мы говорили как раз о стихотворениях, то ска-

жем еще несколько слов о шести призывах к революции, обнародованных нашим Фрейлигратом в Геризау, в 1846 г. (в рукописи ошибочно — 1847) под заглавием „Ça ira“. Первый из этих призывов — немецкая марсельеза, в которой воспевается смелый пиратский корабль, называемый в Австрии и Пруссии революцией. К этому кораблю, на котором развевается его собственный флаг и который везет значительные подкрепления знаменитому немецкому флоту, он обращается с призывом смело стрелять

Из пушек собственных во флот,
Груженный собственным добром.
Богатство алчных пусть гниет
На красноватом дне морском.

Впрочем, вся песня отличается таким добродушием, что ее лучше всего петь на мотив: „Вставайте матросы, снимайтесь с якоря“, хотя она и написана другим размером. Характернее всего стихотворение „Как это делается“. Наступили тяжелые времена, народ голодает и ходит в лохмотьях; „откуда ему достать хлеб и одежду?“ Тут является „смелый парень“, который может дать хороший совет. Он ведет всю толпу к арсеналу государственного ополчения, захватывает его и раздает народу мундиры, в которые немедленно все облачаются. „Для пробы“ хватают также и ружья и находят, что недурно было бы и их захватить с собой. При этом случае нашему „смелому парню“ приходит в голову, что ведь эту проделку с мундирами можно, пожалуй, назвать даже бунтом, кражей со взломом и грабежом и что необходимо поэтому „оскалить зубы“. С этой целью схватывают кивера, сабли и патронташи, а вместо знамени водружают суму нищего. В таком виде выходят на улицу. Тогда появляются „королевские войска“, генерал отдает приказ стрелять, но солдаты восторженно обнимаются с людьми, нарядившимися в мундиры ополченцев. А так как теперь все равно двинулись в путь, то шутики ради идут и к столице, встречают там поддержку и, таким образом, в результате игры с мундирами, низвергается трон, падает корона, потрясаются основы государства, и народ победоносно поднимает так долго подвергавшуюся унижениям голову. Все это совершается так быстро, так весело, что во время всей этой процедуры не пострадал ни один из членов пролетарского батальона. Следует признать, что ни-

где революции не совершаются так весело и просто, как в голове нашего Фрейлиграта. В самом деле, только при ипохондрии, свойственной „Всеобщей Прусской Газете“, можно усмотреть государственную измену в такой невинной идиллической прогулке“.

Но не все стихотворения „Са ига“ были такого наивно-революционного содержания. В „Ледяном дворце“ — сюжет заимствован у английского поэта Т. Мура — Фрейлиграт сравнивает „Священный союз“, заключенный в 1815 г. Россией, Австрией и Пруссией, этот оплот реакции, с Ледяным дворцом, выстроенным Анной Иоанновной в Петербурге. И как лед тает при приближении весны, так и реакция не сможет устоять пред наступающей весной народной свободы. В стихотворении „Свободная печать“ рабочие переливают шрифты наборных касс в пули, чтобы кровью тиснуть манифест свободы. Но лучшее из этих стихотворений — „Снизу“. Машинист-пролетарий везет короля на пароходе и, в сознании своей силы, говорит *):

Король, ведь ты совсем не Зевс!
Пожалуй, я скорей титан:
Я сдерживаю под тобой
Всегда kloкочущий вулкан.
Ведь все зависит от меня:
Лишь поворот руки один —
И роскоши твоей конец,
И ты падешь с своих вершин.
И палубу разметет взрыв,
И с ней взлетишь на воздух ты.
Освобождаясь, выйдем мы
На свет дневной из темноты.
Мы — сила! Государство вновь
Скуем, — оно пришло в разлад.
И божьей ненавистью мы
До сих пор пролетариат!

Материальная нужда заставила поэта переселиться в июне 1846 г. в Лондон, где он работал в конторе крупного банкирского дома. Февральская революция в Париже застала его в приготовлениях к переезду в Соединенные Штаты, куда звали его друзья. Этот план был теперь оставлен, ибо поэт

---

*) Перевод стихотворения цитируется по книжке: Ф. Фрейлиграта, Вопреки всему; Перевод, вступительная статья и примечания М. Зенкевича.

не хотел быть „солдатом, дезертирующим с поля сражения“. Развертывающиеся революционные события дали ему опять то вдохновение, в котором он всегда нуждался. „В горах раздался первый выстрел“ — гимн революции, первое приветствие поэта; в нем революция сравнивается с лавиной, катящейся по всей Европе. Последовавшие за этим стихотворения „Революция“, „Черно-красно-золотое“ и другие, написанные в Лондоне, печатались листовками и распространялись в Германии, и когда в марте революция вспыхнула и там, то первую же песню он посвящает борцам берлинских баррикад:

Земля дрожала, и одни,
Не дрогнувши в теченье
Тринадцати часов, они
Дрались в ожесточеньи.
Не песни вроде „Ça ira“,
Лишь стон и крик осипший!
Дрались в молчании тогда.
Скользя в крови налипшей!

Так спите! Вечный вам почет!
Склонясь над смертным ложем,
Поцеловать ваш бледный рот,
Вам руку сжать не можем.
И долг последний вам отдать,
Осыпать вас цветами,
Но можем мы мечи сковать
И в бой вступить за вами!

В мае 1848 г. Фрейлиграт переехал в Германию и поселился в Дюссельдорфе. Он сразу примкнул к демократическому союзу, но его участие в активном революционном движении было невелико; заслуги его перед революцией заключаются, конечно, в его революционной поэзии. Появление каждого стихотворения на злободневно-политические темы было событием в Германии. В особенности это относится к стихотворению „Мертвые — живым“, в котором бойцы, павшие на берлинских баррикадах, призывают оставшихся в живых не останавливаться на полпути, а докончить начатое революционное дело. Мертвые говорят:

Мы думали: не даром, нет,
Мы головы сложили.
Теперь навеки можем мы
Спокойно спать в могиле.

Вы обманули нас! Позор
Живым! Вы проиграли
В четыре месяца все то,
Что мы завосвали.
И подвиг наш, и нашу смерть
Вы предали их тоже!
Все слышим мы, все знаем мы.
В могилах братских лежа!
.....
И верьте мертвым нам: опять
Тот гнев воскреснет скоро!
Он в вас живет. И вспыхнет вновь,
От спячки всех пробудит.
И революция уже
Не половиной будет!
Он лишь мгновенья ждет в тиши
И ширится неслышно,
И в буре рук, голов опять
Пожаром встанет пышно.
.....
Пока же не пробил тот час,
Пусть наш могильный голос
Вольет вам мужество в сердца,
Чтоб дальше вы боролись.

Это стихотворение справедливо считается наивысшим достижением революционной поэзии 48-го года. Роберт Пруц называет его поэтическим шедевром, имеющим мало равных себе в мировой литературе. Содержание его то же, что в передовицах Маркса, которые последний в то время писал в „Новой Рейнской Газете“. Вообще с переездом Фрейлиграта в Германию его поэтическое творчество подпадает под сильное влияние взглядов Маркса на революцию, высказываемых им на страницах названной газеты. Так, например, в „Вопреки всему“, написанном еще в июне, Фрейлиграт выступает уже против двусмысленной роли буржуазии и называет ее опорой трона.

После оправдания судом присяжных, к которому Фрейлиграт был привлечен за стихотворение „Мертвые — живым“, он последовал приглашению Маркса и вступил в редакцию „Новой Рейнской Газеты“. Осенью 1848 г. он вступил также в Союз коммунистов. Если поэт в предисловии к „Символу веры“ писал, что он спустился со своей „высокой башни“ на „крепостные стены партии“, то там под партией подразумевалась оппозиция вообще; а сейчас, вступив в редакцию „Но-

вой Рейнской Газеты“ и в Союз Коммунистов, Фрейлиграт сделался поэтом определенной партии, партии революционного пролетариата. Если он позже и мог с полным правом писать Марксу, что он был поэтом пролетариата и революции еще задолго до того, как стал членом Союза и членом редакции, то вопрос о партии ставится тут чисто формально, ибо стихотворения „Снизу“, „Мертвые — живым“ и другие отражают теорию пролетариата, выкованную партией Маркса. Все стихи, написанные осенью 1848 г. и в первой половине 1849 г. и напечатанные в „Новой Рейнской Газете“, — в той или иной мере мысли Маркса, облеченные в поэтическую форму. В ноябре было написано стихотворение „Вена“, в котором выражается точка зрения Маркса, в противовес точке зрения А. Руге: лучшая помощь Вене — подавление контр-революции в собственной стране. Немного позже было напечатано стихотворение в память расстрелянного в Вене Роберта Блюма; зимою 1848-1849 г. появились „Венгрия“ — гимн борющимся мадярам, и „Reveille“, по образцу „Марсельезы“, в честь праздника революции в Кельне. Последние два стихотворения стоят ниже прежних: слишком много в них напыщенной декламации. Но зато великая творческая сила поэта обнаруживается еще раз в „Прощальном слове Новой Рейнской Газеты“. 19 марта 1849 г. эта газета вышла в последний раз, вынужденная замолкнуть под натиском торжествующей реакции. Словами Фрейлиграта она прощается с читателем:

Так прощай же, воюющая земля,
Так прощайте, лхне солдаты!
Так прощайте, покрытые дымом поля,
Так прощайте, мечи и латы!
Так прощай же, мир, но не навсегда!
Дух они не убили, о братья!
Скоро, скоро опять я вернусь сюда
И за меч свой возьмусь опять я!

И лишь молния битвы опять сверкнет,
Лишь венцы, как стекло, разлетятся,
Лишь „виновен“ скажет великий народ,
Вновь мы встанем и будем сражаться.
Над Дунаем над Рейном, мудра и сильна,
Пролетит она, чудо - девица...
И над миром навек воцарится она,
Величавая бунтовщица.

После закрытия газеты Маркс уехал из Германии. Фрейлиграт, после неудачной попытки перебраться через голландскую границу, вернулся в Кельн и несколько позже переехал опять в Дюссельдорф. 1849—1850 годы ничего не дали его поэтическому творчеству: трудно было петь после полной победы реакции. Он приготовил к печати сборник стихотворений, написанных еще в начале 40-х годов, и издал его под заглавием „Среди снопов“, а некоторое время спустя выпустил и первый том „Новых политических и социальных стихотворений“. Во второй половине 1850 г. было написано еще несколько стихотворений, в числе их „Калифорния“ и „Битва у березы“, которые не уступают стихотворениям 48-го года. В первом поэт развивает мысль Маркса о последствиях открытия золотых россыпей в Калифорнии, высказанную им в статье, помещенной во второй тетради „Ново-Рейнского Обозрения“. Еще ценнее второе стихотворение, „Битва у березы“. Оно состоит из двух частей: в первой, набросанной поэтом еще в 1829 г., повествуется, как юноша сидит у опушки леса и переводит „Мазепу“, а во второй разработано сказание о битве у березы: к этому юноше подходит старый вестфальский пастух и рассказывает ему, как он уже три раза видел приближающийся решительный бой; и теперь, когда он говорит, он опять видит перед собой битву: сражаются две враждебных армии — свободное союзное войско народов Запада, французов и немцев, против войск реакции, пруссаков и русских. По словам Гудде, стихотворение создано под влиянием статьи Маркса в „Новой Рейнской Газете“ от 24 июня 1848 г., где эта мысль ярко выражена. В начале 1851 г. Фрейлиграт готовит к печати второй том своих „Новых политических и социальных стихотворений“ (1849—1851) и, правильно предвидя новый процесс, переезжает в мае в Лондон. На прощанье он написал свою „Революцию“ — восторженный гимн революции, которая не может умереть: она — „в могилах, в тюрьмах и в цепях“, скитается „изгнанницей в чужих углах“; но новый класс — за нее, и поэтому она никогда не погибнет.

С переездом поэта в Лондон можно считать революционное поэтическое творчество Фрейлиграта законченным. То, что он писал здесь, носит лишь случайный характер и не может идти в сравнение с прежними работами.

Творчество Фрейлиграта 1846—1851 гг., по своей пластичности и богатству форм, являет собой наивысшее достижение

революционной поэзии того времени. Лучшим доказательством поэтической ценности этих стихотворений может служить то обстоятельство, что они, несмотря на то, что были написаны почти сто лет тому назад, все еще живут в современном поколении. Некоторые критики называют Гервега певцом, а Фрейлиграта — поэтическим живописцем революции. Но это не верно: Гервег замолк еще задолго до наступления революции; он имеет, правда, некоторые преимущества перед Фрейлигратам — он проявлял больше инициативы и умел мастерски выражать лозунги дня в зажигающих читателя стихах, — но первая же неудача убила его творчество. Революционное вдохновение Фрейлиграта явилось первоначально результатом внешних впечатлений, но он быстро освободился от них и потом всегда отстаивал свои идеалы.

Поэтическая живопись его стихотворений — основная часть его поэтической техники вообще, при помощи которой он — как и в своей экзотической поэзии — рисует драматические сцены. Недаром же стихотворная форма Фрейлиграта в течение столь долгого времени имела так много последователей и подражателей в немецкой лирике; целая мюнхенская школа находилась под ее влиянием. Но в революционной лирике Фрейлиграта эта поэтическая живопись соединена с горячим энтузиазмом и пафосом революционной борьбы, и сочетание этих двух элементов придает ей ту свежесть и силу, которые делают ее родной и нам.

II.

Дальнейшие отношения Маркса и Фрейлиграта подробно освещаются Мерингом в настоящей книжке. Мы ограничимся здесь лишь некоторыми дополнениями и двумя-тремя замечаниями в тех случаях, когда мы не можем безусловно согласиться с точкой зрения Меринга.

После переезда Фрейлиграта в Лондон он, как и раньше, продолжал состоять членом Союза Коммунистов и считаться поэтом партии. Его резкое стихотворение против Кинкеля написано, если можно так выразиться, по заказу партии. Этим Фрейлигратам открыто признавался в своей принадлежности к партии Маркса-Энгельса. Все попытки различных эмигрантских группировок привлечь его на свою сторону были напрасны. Так, например, на приглашение А. Руге, от 4 июля

1851 г., на собрание, где должно было быть основано нечто вроде клуба или союза, он ответил следующим отказом: „Я не могу принять ваше предложение вступить в учреждаемый вами клуб и потому не появлюсь сегодня вечером в квартире господина Фиклера. Мой отказ не удивит вас, когда вы узнаете, что я,— по основаниям внешним и внутренним,— считаю вас автором статьи в бременской „Хронике дня“, датированной: Лондон, 19 января 1851 г. Эта статья не только нападает самым отвратительным образом на моих друзей Маркса и Энгельса,— она пытается также унижить „Новую Рейнскую Газету“ — орган, к которому я в течение семи месяцев принадлежал в качестве соредактора—и, наконец, венчает господина Мюллера-Теллеринга за грязный памфлет, который не только грубо марает Маркса и Энгельса, но охотно забросал бы грязью и меня. „Антецеденты“ подобного рода не могут, право, побудить меня действовать с вами заодно. К тому же я уже в течение многих лет состою членом существующей партии и не нуждаюсь в вступлении в партию, только что организуемую. То, что вы говорите о „частном деле“, не имеет никакого отношения ни ко мне, ни к моим союзникам-друзьям здесь и в Германии“.

Но и после ликвидации Союза Коммунистов в 1852 г. долгие годы не было никаких разногласий между Марксом и Фрейлигратам. Разногласия эти проявились в 1858—1859 гг. по трем изложенным ниже вопросам, и в гораздо более резкой форме, чем это явствует только из переписки и комментариев Меринга. Этими тремя вопросами были: отношение Фрейлиграта к Кинкелю, тесно связанная с этими отношениями позиция его на шиллеровских торжествах и, наконец, поведение Фрейлиграта в конфликте Маркса с Фогтом.

Что касается первого вопроса, то опубликованная теперь переписка Фрейлиграта с Кинкелем *) бросает некоторый новый свет на их отношения. В конце 1855 г. они встретились снова и возобновили свою дружбу, хотя, как подчеркивает Фрейлиграта, „в политике мы почти никогда не будем тянуть одну и ту же веревку (хотя, быть может, повесят нас на одной)“. Дружба сделалась гораздо интимней после безвременной кончины поэтессы Иоганны Моккель, жены Кинкеля. 24 ноября 1858 г. Маркс пишет по этому поводу Энгельсу: „Фрейлиг-

---

*) M. Bollert, F. Freiligrath u. G. Kinkel. Bromberg. o. J.

рат так тронут, что собирается в течение по крайней мере двух недель избегать меня как фривольного человека". Стихотворение, написанное Фрейлигратом в память покойной и сблизившее его еще более с Кинкелем, также не оставило Маркса равнодушным. С одной стороны, он боялся, что оно послужит сигналом к воскрешению влияния Кинкеля в Германии, с другой же стороны он пишет 10 декабря 1858 г. Энгельсу: „Фрейлиграт, который не мог найти в своей лире ни одного скорбного звука при „трагических“ событиях, будь то в собственной партии (смерть Даниэльса) или вообще на свете (Кайенна, Орсини и т. п.), вдруг принимается воспевать это жалкое происшествие“. Разногласия еще больше углубились в 1859 г., но,—пишет Маркс Энгельсу (6 января 1859 г.)— „в настоящее время для нас важно, что Фрейлиграт решительно порвал с этими свиньями“ (т.-е. кинкельянцеми).

Наш поэт чувствовал себя не в своей тарелке в борьбе эмигрантских группировок и решил держаться нейтрально. В своем политическом простодушии он пишет Энгельсу, что за „Германом“, жалким журналом Кинкеля, вскоре последует „Новая Рейнская Газета“, за что и получил достойную отповедь от Энгельса. Переписка Маркса и Энгельса в 1859 г. изобилует очень резкими замечаниями об отношениях Фрейлиграта и Кинкеля. „Чорт бы побрал этот цех поэтов!—восклицает Маркс 7 июня и затем 3 ноября;— с появления своего стихотворения о Моккель Фрейлиграт общается с нами, как со своими друзьями лишь „совершенно секретно“, открыто же он идет рука об руку с нашими врагами“. Вследствие участия Фрейлиграта в устроенном Кинкелем шиллеровском торжестве в Лондоне отношения еще больше испортились, и когда появились затем обвинения Беты в „Gartenlaube“, терпенье Маркса подверглось очень жестокому испытанию, и ему стоило больших усилий не порвать окончательно с Фрейлигратом, тем более, что этот последний не предпринял никаких шагов для опровержения столь тяжких обвинений. Это обстоятельство вызвало резкое суждение Маркса в письме к Энгельсу от 19 ноября 1859 г. „Выходит, что я виноват в том, что господин Фрейлиграт, оригинальное творчество которого никогда не отличалось особой плодovitостью, занимается в течение многих лет банковским делом вместо поэзии... Он был шокирован тем, что его изобразили публике, как находящегося под моим влиянием. Он не видит, как фаль-

шиво и двусмысленно он ведет себя с точки зрения партийной и личной". Но — пишет Маркс — „я не могу и не должен доводить до открытого разрыва с этим господином“. Об этом он неоднократно пишет Энгельсу. Он не хочет разрыва, которого так жаждали Кинкель и иже с ним и все вульгарные демократы, не исключая жены Фрейлиграта. Энгельс, осуждавший поступки Фрейлиграта еще строже, нежели Маркс, соглашался с этим. 28 ноября он пишет Марксу: „Лупус (В. Вольф) так же, как и я, держится того мнения, что вследствие поведения Фрейлиграта дальнейшие партийные сношения с ним вряд ли возможны, но что ты, тем не менее, совершенно прав, исключительно из партийных соображений... избегая пока всякого разрыва с ним, если только есть к тому возможность, так как это было бы для Кинкеля со товарищи настоящим триумфом, и они приложили бы все усилия, чтобы протрубить о нем и использовать его“. В позднейшем письме к г-же Маркс, от 22 декабря, Энгельс отзывается о Фрейлиграте в очень резких выражениях. Надо, однако, принять во внимание, что он хотел успокоить г-жу Маркс, которая в то время много страдала от надменного обращения с ней „демократической“ мелко-буржуазной эмиграции, в особенности же семьи Фрейлиграта. Также и при оценке суровых замечаний Маркса нужно иметь в виду, что он тогда находился в очень раздраженном состоянии, вызванном гнусными нападками Фогта, хотя, с другой стороны, он был совершенно прав, когда писал Энгельсу 9 февраля 1860 г.: „За исключением Фрейлиграта, почти весь мир держится прилично по отношению ко мне в этом столкновении (с Фогтом), даже лица далеко от меня стоящие“. И однако в более спокойные моменты этого бурного периода высказывались иногда и другие суждения. „При всех его недостатках мне лично он нравится“, — пишет Маркс Энгельсу 26 ноября 1859 г.

Но факт остается фактом: начиная с 1859 г., — времени интимного сближения Фрейлиграта с Кинкелем, — для Маркса и Энгельса он уже больше не партийный товарищ прежних лет, а „толстый филистер“, — как он с этого времени называется в переписке, — с которым пока еще нельзя порвать из-за партийных соображений. Это положение длилось не до 1860 г., как полагает Меринг, а до июля 1862 г. После заверений во взаимной дружбе в начале 1860 г. Маркс пишет Энгельсу (16 апреля 1860 г.): „Еще не видел Фрейлиграта. Мне про-

тивно встречаться с этим господином, но нужно проглотить и эту пилюлю, хотя бы из политических соображений, после наших взаимных уверений в дружбе. Вдобавок, он написал мне в очень любезном тоне“. Отношения 1860—1862 гг. можно было бы назвать своего рода вооруженным миром. Все это время Фрейлиграт продолжал поддерживать связь с Кинкелем, хотя отнюдь не был согласен с его политическими взглядами; между тем, вступление Кинкеля в конце 1860 г. в Национальный союз и его дальнейшее уклонение вправо оттолкнули от него Фрейлиграта, который в его действиях усмотрел отказ от идеалов революции 48-го года. Интимные отношения между ними прервались весной 1862 г., когда в „Германе“, ставшем к тому времени анти-кинкельянским, появилось стихотворение Фрейлиграта против Кинкеля, написанное в 1852 г. В недошедшем до нас письме Фрейлиграта к Кинкелю он грозит включением этого стихотворения в полное собрание своих сочинений и просит его, чтобы тот „перестал обнаруживать сходство с хамелеоном“. На это последовало резкое письмо Кинкеля от 9 июня 1862 г., и таким образом интимные отношения их прервались окончательно. И только после этого отношения между Марксом и Фрейлигратом стали прежними. 21 июля Маркс пишет Энгельсу: „Был у Фрейлиграта, — все обстоит благополучно“.

Эти отношения оставались, повидимому, таковыми до 1864 г. По крайней мере, нет указаний на разногласия между Марксом и Фрейлигратом: оба одинаково отрицательно относились к агитационной деятельности Лассалья, и когда последний обратился к нашему поэту с предложением написать новый гимн в честь рабочего движения, тот отказался. Об этом Маркс говорит в письме к Энгельсу от 29 мая 1863 г.

Как известно, новый гимн был сочинен Гервегом. Но начиная с 1865 г. отношения опять испортились. Как явствует из писем Маркса к Энгельсу от 1 мая 1865 г. и 10 мая 1866 г., Фрейлиграт поддался влиянию К. Блинда и даже А. Руге и отошел очень далеко от нового рабочего движения в Германии и Международного Товарищества Рабочих, основанного в 1864 г. Маркс и Фрейлиграт делали иногда друг другу визиты вместе со своими семьями, но мировоззрения их резко разошлись. В переписке Маркса и Энгельса за 1865—1868 гг. Фрейлиграт нередко фигурирует в виде „семейного“, „благородного“, „толстого“ поэта ильц филистера. Особенно сурово

осуждается поведение Фрейлиграта во время сбора пожертвований, „фрейлигратовской дотации“ или „публичного попрошайничества“, как Маркс и Энгельс неоднократно называли это дело. В вопросе о книжке Струве и Раша Энгельс, Либкнехт и Кугельман высказывались еще более резко. Теперь, как и в 1859 г., в вопросе о статье Беты в „Gartenlaube“, Маркс удовлетворился весьма малодоказательными объяснениями Фрейлиграта. В переписке с Энгельсом за период 1869—1870 гг. Маркс еще несколько раз упоминает о Фрейлиграте в связи с торжественной встречей его в Рейнской провинции, говорит о разных семейных празднествах, устроенных в честь поэта. Отношение Маркса ко всему этому могло быть только отрицательным. Так же отрицательно отзывался он и о поэтическом творчестве Фрейлиграта 70-х годов, об „Ура, Германия!“ *) и других стихотворениях. 2 сентября 1870 г. он опять пишет Энгельсу: „Что ты скажешь о поэте семейного очага, Фрейлиграте? Даже происходящие ныне исторические катастрофы служат ему лишь предлогом для воспевания собственных ребятишек“.

Хотя Фрейлиграт и написал в период войны 1870—1871 гг. еще несколько ценных с поэтической стороны стихотворений, но они имели уже мало общего с его прежней революционной поэзией. Правда, он не видел в творении Бисмарка осуществления своих политических идеалов, он не был ренегатом; вроде Руге, — но его разногласия с буржуазией были, во всяком случае, гораздо менее принципиальны, нежели разногласия его с Марксом. Фрейлиграт примирился, с некоторыми оговорками, с существующей действительностью; более того: чтобы угодить своим благодетелям из рейнской буржуазии, он на одном собрании, устроенном в честь его возвращения на родину, когда напомнили ему о его революционной поэзии, сказал: „Эти вещи давно уже перешли в область истории и не должны более волновать общество“. Фрейлиграт никогда не был революционером на практике, революционером в узком смысле слова. Он был, как он сам назвал себя в 1848 г., „лишь трубачом революции“; он чувствовал историческую роль пролетариата и воспевал его, пока борьба сопровождалась богатством форм и красок, свойственным революции 48-го года. Когда же рабочее движение вылилось в другие,

---

*) См. письмо от 22 августа 1870 г.

непонятные нашему поэту формы, он начал относиться к нему равнодушно.

Несмотря на это, имя Фрейлиграта вошло в немецкую и мировую литературу как имя выразителя высшего расцвета революционной поэзии 40-х годов. Пролетариат тем более имеет право назвать Фрейлиграта своим поэтом, что его революционное поэтическое творчество, в эпоху его высшего расцвета, находилось, как мы видели, под сильным влиянием создателя революционной теории пролетариата, Карла Маркса.

Ф. Шиллер.

ФРЕЙЛИГРАТ и МАРКС В ИХ ПЕРЕПИСКЕ

Поэт на башне более высокой,
Чем стража партии, стоит.

Ф. Фрейлиграт.

Под словом „партия“ я понимал партию в широком историческом смысле.

К. Маркс.

Столетие со дня рождения Фердинанда Фрейлиграта было отпраздновано в июне 1910 года не так, как это соответствовало бы национальному значению этого поэта. Теперь, когда воспетый им пролетариат стал могущественной ратью, его революционные стихи далеко не так приходятся по вкусу буржуазному миру, как сорок лет тому назад, когда та же буржуазия создала поэту уют на склоне его дней, и буржуазия сама, вопреки своим собственным успокоительным уверениям, не слишком верит в то, что Фрейлиграт, написав песни 1870 года, примирился с новоявленным великолепием Германской империи.

Но и мир пролетариата, как бы мало он ни придавал значения этой басне, все же находился под впечатлением, точно с Фрейлигратом не все обстоит благополучно. Недаром ведь он прожил последнее десятилетие своей жизни в тихом отчуждении от друзей, с которыми некогда, в славные дни, сообща возглавлял натиск рабочего класса! Если в одном из социал-демократических воззваний по случаю столетия со дня рождения Фрейлиграта было сказано, что он был честным, убежденным демократом, — не более, но и не менее, нежели Бертольд Ауэрбах и Готфрид Кинкель, — то это был комплимент весьма сомнительный. Ибо „честность“ и „убежденность“ этих „демократов“ была довольно странного свойства, а Ауэрбах, особенно после 1870 года, стал настоящим, прямо-таки образцовым национал-либералом.

Значительная доля вины в обманчивом представлении, создавшемся относительно фигуры Фрейлиграта, принадлежит книге, тридцать лет назад выпущенной Вильгельмом Бухнером под названием: „Фердинанд Фрейлиграт. Жизнеописание поэта в письмах“ (в двух толстых томах). Семья Фрейлиграта первоначально обратилась к Валесроде с просьбой написать биографию поэта, и в самом деле Валесроде был бы вполне подходящим лицом для выполнения этой задачи. Однако болезненное его состояние и преклонный возраст помешали ему взять ее на себя, и вдове Фрейлиграта пришлось согласиться на предложение Бухнера и доверить работу ему. Он ссылаясь при этом на то, что отец его принадлежал к числу старейших,—хотя отнюдь не вернейших или разумнейших,—друзей поэта, и несомненно приступил к работе с наилучшими намерениями и с похвальным трудолюбием. Но ему недоставало свободы и широты кругозора, которые дали бы ему возможность быть одинаково справедливым к автору „Льва-наездника“, „Гравелотского трубача“ и „Березы“. Будучи имперским патриотом средней руки, он стремился обесцветить все революционные элементы в личности Фрейлиграта или даже затушевать их; так, например, взаимоотношения между Фрейлигратом и Союзом Коммунистов он пытается изобразить так, точно поэт доверчиво и даже наполовину бессознательно попал в общество „темных личностей“; с другой стороны, Бухнер чересчур яркими красками описывает веселую склонность героя своего повествования к хорошей выпивке и к прочим дарам божиим. Метод этот, правда, не был нов, и Фрейлиграту уже пришлось испытать его и при жизни; по поводу „сантиментального фельетона“, посвященного ему „одним из юных германских лириков“,—об этом поклоннике нам придется еще говорить дальше,—он писал 10 февраля 1858 г. Марксу: „В благодарность за то, что я в честь этого молодца сварил отличную жженку, он прежде всего выбил мне зубы и вдобавок всунул мне в рот кусок ветчины“. Однако к исчерпывающей биографии приходится предъявлять требования более высокие, нежели к случайному фельетону, написанному в пути, а такого рода требованиям труд Бухнера несколько не удовлетворяет.

Поэтому мне представилось разумным и желательным подвергнуть отношения между Фрейлигратом и Марксом проверке на основании первоисточников, руководствуясь неизвестной доселе перепиской. Правда, от нее уцелели лишь осколки:

около сотни писем Фрейлиграта к Марксу, от Маркса же всего каких-нибудь писем двенадцать к Фрейлиграту, между тем как эта переписка тянулась почти двадцать лет. Однако на самом деле потери не столь значительны, как может показаться на первый взгляд.

В течение этих двадцати лет оба были в разлуке настолько далекой, чтобы ограничиваться одними письменными сношениями, лишь в течение двух лет—от лета 1849 до лета 1851 года, когда Маркс жил в Париже и Лондоне, а Фрейлиграт—в Дюссельдорфе и Кельне; с 1851 года по 1868 год, когда переписка обрывается, оба жили в Лондоне, и личные встречи были настолько часты, что письма представляли собой лишь вспомогательное средство при сношениях. Письма Фрейлиграта, сохранившиеся в несколько более значительном количестве,—по большей части короткие записки, посылаемые на дом с тем, чтобы условиться о встрече, предварить о посещении или предупредить об отмене его, сообщить о болезни детей и, в особенности, устроить небольшие денежные дела, в которых опытный в коммерции Фрейлиграт всегда готов был притти на помощь другу, постоянно тесному заботами. Как ни маловажно содержание этих записок, их часто трудно понять из-за пристрастия Фрейлиграта к шуточным прозвищам и игре слов: когда он пишет о „главе Синедриона“, или о „Темном“, когда он собирается добыть билет на вход в „храм великого Пана на предмет беспрепятственной дремы“, не трудно понять, что он имеет в виду Маркса в качестве главы Союза Коммунистов, или Лассаля—издателя Гераклита Темного, или Паницци, который, будучи хранителем Британского музея, выдавал билеты на право входа в читальный зал библиотеки. Но когда в письмах Фрейлиграта появляется „лапландец“, или „акушерка высшего типа“, или иные фигуры с подобного рода прозвищами, то установить, кто из бесчисленной массы немецких эмигрантов имеется при этом в виду, едва ли возможно, а если бы это и было возможно, то вряд ли стоило бы тратить на это время и труд.

Для потомков живой интерес представляет лишь часть переписки, позволяющая нам узнать обоих корреспондентов в том, что составляет основу их существа, и, к счастью, часть эта сохранилась, если и не вполне, то с достаточной полнотой, чтобы дать нам исчерпывающее понятие об интересующих нас отношениях. И, как это часто бывает, полная

историческая истина проливает на обоих несравнимо более благоприятный свет, нежели та полу-истина, которая была известна доселе; относится это как к тому, что их объединяет, так и к тому, что их разделяет.

I

Фрейлиграт был на восемь лет старше Маркса, и до встречи с ним жизнь его протекала в совершенно иных условиях. Он был сыном школьного учителя в Детмольде; бедность отца еще в большей степени, нежели призрачное и никогда не осуществившееся ожидание наследства от богатого дяди в Эдинбурге, заставила молодого Фрейлиграта выйти из последнего класса гимназии и заняться торговлей.

Недостаток в высшем образовании он постоянно ощущал как больное место, в противоположность Энгельсу, который также дошел только до восьмого класса гимназии, с тем, чтобы заняться торговой деятельностью. Правда, перед сыном крупного барменского заводчика с самого начала открывались иные перспективы, нежели перед сыном скромного детмольдского учителя, который принужден был начать с того, чтобы в течение пяти лет отвешивать бакалею для почтенных граждан вестфальского городка Сест. Таким образом, становятся вполне понятными горькие жалобы Фрейлиграта на разлад между его торговой деятельностью и поэтическими склонностями. Однако принимать их чересчур буквально тоже не следует. Вряд ли эти жалобы звучали бы иначе, если бы Фрейлиграту удалось закончить свое образование и, подобно земляку его Граббе, члену суда, или его покровителю Иммерману, судьбе, отправляться „по утрам с бумагами подмышкой в канцелярию, а по вечерам на Геликон“. Поэта удручала не столько торговая деятельность, сколько деятельность мещанская вообще. Прекрасные отзывы, полученные им со всех мест, где он служил по торговой части, сами по себе свидетельствуют о том, что он обладал несомненными способностями к этому делу, а следовательно, и некоторой склонностью к нему. Торговля дала ему первые представления о течении мировой жизни, сообщившие его поэзии столь оригинальный и увлекательный отпечаток, и благодаря занятиям торговлей он, будучи в эмиграции, имел возможность питаться „бифштексами изгнания“, вместо того, чтобы голодать, подобно большинству его соотарищей.

Любопытнее то, что, несмотря на необычайно богатые познания, приобретенные им собственными силами, Фрейлиграт никогда не обнаруживал сколько-нибудь глубокого интереса к какой-либо из специальных отраслей наук, в особенности тех наук, которые с неотразимой силой привлекали юного Маркса. Еще в старости он признавался, что политико-экономом он был лишь в душе; философия представлялась ему докучливым и кропотливым занятием *), в области же политики он необычайно долго пребывал в состоянии полнейшей невинности, даже тогда, когда область эта соприкасалась с чистой литературой. Ему было уже 26 лет, когда он яростно напал на безобидных человечков Молодой Германии, из числа которых Гуцков даже проявил по отношению к нему некоторое дружелюбие, и обличал „проклятые стремления этой заклеянной Менцелем школы“. В безвкусном споре, поднятом мелкотравчатыми швабскими поэтами против Гейне, Фрейлиграт, ничто же сумняшеся, встал на сторону швабов, не взирая на то, что он этим наносил тяжкое оскорбление старику Шамиссо, любившему „Фрэликрата“ больше, чем самого себя. И в самом деле, с его любовью к экзотическим темам, с его нежными и задушевными стихотворениями на семейные темы, с его зачатками политической поэзии, Шамиссо является предшественником Фрейлиграта в немецкой литературе.

Вместе с тем Фрейлиграт был совершенно прав, когда в позднейшие годы писал: „Первый мой фазис, фазис поэзии львов и пустынь, по существу своему был также революционер; это была решительнейшая оппозиция как по отношению к чересчур ручной поэзии, так и к чересчур ручному обществу“. Именно этим и объясняется огромное впечатление, произведенное первыми его стихотворениями на современников-немцев, — впечатление, которое кажется нам теперь непонятным при чтении его „Князя мавров“ или „Морской сказки“. Однако мы тем яснее видим революционную искру в первом же собрании его стихотворений, от „Настойки из мхов“ до „Клича знаменосца“:

В груди недаром сердце бьется:
И нашей жатве час пробьет;
День близится, когда займется
Великая заря свобод.

---

*) Непереводимая игра слов: hecheln und Hegeln, с явным намеком на Гегеля. (Прим. ред.)

Я вижу, как она сверкает
Сквозь долгих лет унылый ряд;
Она придет и воспыхает,—
И не вернется ночь назад.

На первых порах этот революционный элемент еще не доходил до сознания самого поэта. Как бы отрицательно мы ни относились к рассуждениям по поводу расовой психологии, якобы определяющей сущность человека, у Фрейлиграта трудно не отметить того, что принято называть особенностью вестфальцев: в нем сильнейшая мужественность соединялась с почти женственной мягкостью и нежностью восприятия. Был во всяком случае один властелин, перед которым он всегда покорно склонял непокорную выю—это смерть-властительница. Гвидо Вейс в некрологе, посвященном Фрейлиграту, очень правильно заметил: „Эти, ныне смежившиеся, глаза, которые, опьяняясь красками, вобрали в себя всю вселенную, все же с наибольшей любовью всегда останавливались на том, что было покрыто бледным багрянцем смерти. Будь то неумолчно звучащая в сердце песнь запоздалого раскаянья:

Когда ты плачешь у могил,

или

Зимой, на английской земле,

или

Свой взор вперяя
В кудрей потоки,

или же

Мы двинулись верхом; окрест
Огни сторожевые рдели,

или, наконец, в последнем из его стихотворений, посвященном Германии, с его трижды повторяющимся скорбным возгласом:

В могиле, в могиле, в могиле,—

вот те настроения, которыми его муза сильнее всего действовала на душу*.

Опубликованные впоследствии письма Фрейлиграта доказали, насколько величие смерти, где бы она ему ни встречалась, волновало и потрясало его.

Ничего не может быть поэтому легкомысленнее, нежели упрекать его, как это делалось, в том, что в его первых стихах слышится скорее стук копыт, нежели биение сердца—*mehr Hufschlag als Herzschlag*. На это Фрейлиграт не без основания возражал, что тот, кто в его пустыне приложит ухо к земле, услышит не только стук копыт, но и биение чувствующего, больше того—судорожно сжимающегося человеческого сердца. Это-то биение сердца и сделало из него мало-по-малу политического поэта. Очень скоро после его опрометчивого суждения о Молодой Германии изгнание семи профессоров из Геттингена заставило его задуматься о том, стал ли бы Гельти писать „Майские песни“, если бы в 1773 году семь профессоров подверглись изгнанию *par ordre du mufti* (по капризу власть имущих). Он прибавил к этому: „Душное ныне время, поэт в нем чувствует себя одиноким и заброшенным, как ненужное орудие! Благо ему, если он задачи времени понимает так, как Грюн и Бек“. В особенности восторгался он Беком,—„благороднейший либерализм и вместе с тем бурно-пламенная фантазия“,—но Грюн и Ленау также вызывали в нем „беспокойную бессонницу Фемистокла“, которому, как известно, не давали спать лавры Мильтиада.

Реакция, повидимому, наступила, когда в 1841 году Гервег далеко затмил своими „Песнями живого“ славу Бека, Грюна и Ленау. Однако было бы неверно говорить о зависти Фрейлиграта к Гервегу. Ни один человек не мог быть более чужд зависти, нежели этот поэт. В интимных письмах он говорит о Гервеге, как о „великолепном“, о „достоинейшем малом“, „поэте до мозга костей“, „огромном таланте“, отличающемся „подлинной убежденностью“. Отталкивал его от Гервега его „туманный, теряющийся в высях, фанатизм“, именно то самое, чего не мог выносить в Гервеге и Гейне, притом в тех же почти выражениях. В противоположность этому Фрейлиграт полагал, что защищал вечные права поэзии, выставив лозунг о том, что поэт „на башне более высокой, чем стража партии, стоит“.

Это „дерзновенно брошенное слово“ постигла судьба многих других крылатых слов: оно принималось не в том смысле, какой вложил в него поэт, а в том, какой вычитывали из него читатели и слушатели. Фрейлиграт не столько хотел нападать на Гервега, сколько защищать самого себя, когда прибавил к стихам по поводу расстрела испанского роялиста:

Так чувствую... Вам по душе иное?
Что до того поэту? Знает он:
Грешат равно и в Трое, и вне Трои
С седых Приамовых времен.

Он в Бонапарте чтит владыку рока,
Он д'Энгиена палачей клеймит:
Поэт на башне более высокой,
Чем стража партии, стоит.

Если вникнуть в содержание этой строфы, она не заключает в себе ничего, кроме доморощенной истины о том, что поэт-творец возвышается над своими творениями, что он в силу своего суверенитета создает образы людей независимо от того, нравятся ли они ему, или нет, подобно тому как Шиллер в высшей степени антипатичного ему Валленштейна сделал трагическим героем. Однако строфа эта была истолкована как выпад против политической поэзии Гервега, и Фрейлиграт согласился с этим толкованием; он считал, что было бы ужасно, если бы можно было писать стихи исключительно политического содержания.

Гервег ответил в „Рейнской Газете“, главным сотрудником, а затем и редактором которой был Карл Маркс, стихотворением во славу партии; заключительная строфа этого стихотворения гласит:

Примкните же к какому-либо стану!
Позор—вкушать заоблачный покой;
Стих, как и меч, врагу наносит рану,—
Разите ж им, вступив в великий бой!

Должна быть верность избранному стягу;
Пусть вашим будет этот или тот!
Я своему принес навеки присягу,
И мне венок пусть партия сплетет.

Фрейлиграт находил это стихотворение „прекрасным“ и предполагал ответить на него в стихах; Гервег со своей стороны проявил весьма миролюбивое настроение, написав 24 марта 1842 года Фрейлиграту, что стихотворение его направлено отнюдь не против него, а против „безнадежного индифферентизма наших поэтов вообще“, которым Фрейлиграт своим „прекрасным, но справедливым на одном только Олимпе оборотом“ вложил в руки слишком опасное оружие. Гервег уверял, что был бы в восторге, если бы мог шествовать по од-

ному пути с Фрейлигратом, но, несмотря на искреннее желание сойтись, он испортил дело бестактным выпадом против „мира преданий и избитых сказочек“, имея при этом в виду „Сказание о Рейне“, в котором Фрейлиграт только что послал к чорту львов и верблюдов, чтобы дать шуметь в своих стихах старому немецкому Рейну.

Фрейлиграт не отозвался ни на письмо, ни на стихотворение Гервега. Но после неудачного окончания победной поездки Гервега по Германии он, в негодовании на его, Гервега, „мальчишество“ и „мешковатость“, набросал в январе 1843 года исполненное горечи стихотворение, где примирительное настроение слышится до известной степени только в заключительной строфе:

Прощай до возвращенья!
Чужда Свободе месть:
Тебе дар песнопенья
Вернет былую честь.

Златое Музы знамя
Внеси, поэт, опять!
Хотим забыть о сраме,—
Скорей его заглады!

Вполне понятно, что Фрейлиграт, скромной и честной личности которого противна была всякая мишура и похвальба, отнесся весьма отрицательно к победному шествию Гервега с допущенными в течение его многими бестактностями; однако не весьма удобно было высмеивать поэта, только что препровожденного с жандармами на границу Прусского королевства. Фрейлиграт признавал это неудобство, но, во-первых, он полагал, что в данном случае надобно сделать исключение, а затем он поставил опубликование стихотворения в зависимость от совета друга его Бухнера, который с жаром уговаривал автора стихотворение напечатать. Оно появилось в „Кельнской Газете“, и тотчас же „Рейнская Газета“, почти уже доживавшая свой век, обрушилась на него градом нападок. Таким образом, первое соприкосновение между Фрейлигратом и Марксом носило вполне неприязненный характер.

Однако Фрейлиграт был чересчур искренним человеком, чтобы не раскаяться немедленно в своем поспешном поступке, и угрызания совести по этому поводу очевидно способствовали тому, что у него раскрылись глаза на безобразия предмар-

товской реакции. Весьма привлекательной задачей было бы проследить, как он мало-по-малу становился политическим поэтом, но подобное исследование завело бы нас далеко за пределы настоящей работы, и поэтому мы скажем только, что это превращение протекало совершенно естественно. Фрейлиграт сам не без вины в том, что часто высказывались противоположные мнения; в частности стихотворение его, обращенное к Гофману фон-Фаллерслебену и в эстетическом отношении относящееся к числу слабейших его произведений, давало пищу ошибочному представлению, будто революционером он стал внезапно, вопреки своей собственной природе, поддавшись чужому влиянию. Сам он всегда упорно протестовал против этого представления, и, припоминая слова своего старого покровителя Шамиссо, точно определил положение, весьма удачно выразившись: „Как только я раскрыл глаза на самого себя, я оказался революционером“.

Его „Исповедь веры“ заставила его осенью 1844 года покинуть Германию. Он отправился сначала в Остенде, оттуда в Брюссель, где лично встретился с Марксом, который, будучи выслан в начале 1845 года из Парижа, также поселился в Брюсселе. По свидетельству Генриха Бюргера, сопровождавшего его, Маркс в первый же день по прибытии в столицу Бельгии сказал: „Мы должны пойти сегодня к Фрейлиграту; он здесь, и я должен загладить то, чем провинилась перед ним „Рейнская Газета“, когда он еще не стоял на „башне партии“: его „Исповедь“ все исправила. А Фрейлиграт писал 10 февраля 1845 года Карлу Бухнеру: „С неделю уже здесь находится и Маркс, интересный, приятный, скромно держащий себя человек.“ Однако дело тогда не дошло еще до постоянной дружбы, хотя бы по одному тому, что встречи прекратились через несколько недель: в начале марта Фрейлиграт переселился в Швейцарию.

Кроме того, оба находились в состоянии внутреннего брожения, которое помешало бы им идти рука об руку. Фрейлигратовская „Исповедь“, несмотря на искорки социального протеста, по временам в ней блиставшие, вращалась еще в кругу мыслей буржуазной оппозиции, между тем как раз в это самое время Маркс боролся с своей философской совестью, чтобы приступить к обоснованию научного коммунизма. Даже когда в 1846 году Фрейлиграт выпустил свое „Ça ira!“, где уже открыто предвозвещал пролетарскую классовую борьбу-

бу, Маркс и Энгельс в не напечатанном донныне очерке высказывали довольно насмешливое суждение об этом великолепном сборнике стихотворений. Радуюсь недавно достигнутой ими ясности, они давали своим экономическим и политическим взглядам чересчур сильно подчинять себе их эстетический вкус. Я уже заметил по этому поводу в изданном мною „Nachlass“, что „в частности их эстетическое суждение о Фрейлиграте было чересчур связано с их экономическими и политическими убеждениями“. Диссонанс этот, который вскоре как будто бы притупился, впоследствии вновь выявился и вызвал новые трения*).

В том же году, когда Фрейлиграт напечатал свое „Ça ira!“, он переселился в Лондон, где получил место корреспондента в большой торговой фирме. Два года спустя мартовская революция увлекла его обратно в Германию, и он вошел в состав Демократической Партии — но в качестве поэта, а не политика, все мысли и чувства которого поглощены партийными делами. Если и не вполне достоверно, то хорошо придумано то, что Генрих Бюргерс рассказывает о возникновении самой могучей из песен революции Фрейлиграта летом 1848 года. В заседании Комитета Демократического Союза в Дюссельдорфе, где поселился поэт, обсуждался вопрос о том, откуда добыть денежные средства; при этом Фрейлиграт равнодушно поглядывал в окно, за что председатель сделал ему замечание, и тогда разгневанный поэт написал свою мощную песнь „мертвых к живым“, доход от продажи которой — по зильбергрошену с экземпляра — помог Союзу выйти из денежного затруднения. Больше, чем о ком бы то ни было, о Фрейлиграте можно сказать, что он вкладывал в дело всю душу,

---

*) В номере „Vorwärts“, посвященном столетию со дня рождения Фрейлиграта, Бернштейн упоминает о статье, в которой Маркс и Энгельс высмеивают, между прочим, фрейлигратовское „Ça ira!“, прибавляя, что, если авторы не предали гласности этот критический отзыв, они тем самым показали, что не придают ему особого значения. Это неверно постольку, что только из-за неимения издателя статья эта, резко разносившая „истинный социализм“, залежалась в портфеле авторов. Бернштейн сам рассказал однажды в „Neue Zeit“, что лишь внешние соображения помешали Энгельсу напечатать это произведение в восьмидесятых годах прошлого столетия. Верно же то, что статья, по меньшей мере ныне, не может претендовать на „особое значение“; когда в девяностых годах прошлого столетия возник обидный вопрос о напечатании ее в „Neue Zeit“, Бернштейн, Каутский и я единогласно пришли к заключению, что делать этого не стоит.

но к будничной работе, необходимой во всякой политической деятельности, он принудить себя не мог, — этим он резко отличался от Маркса и Энгельса, которые как раз в эти годы с неослабевающим никогда терпением трудились в тесном кругу, чтобы собрать горсточку последователей.

Боевой клич „мертвых к живым“ подал повод обвинить поэта в государственной измене, но он был оправдан присяжными заседателями 3 октября 1848 года. И когда „Новая Рейнская Газета“, вызванная к жизни Марксом и Энгельсом в июне месяце, но временно закрытая вследствие сентябрьских беспорядков в Кельне, вновь вышла 12 октября, она могла сообщить, что Фрейлиграт вошел в состав ее редакции. 21 октября он переехал в Кельн, и с этого времени завязалась его дружба с Марксом.

II

О первой поре их общей деятельности мы знаем мало. Так как они встречались ежедневно, им не было никакого повода вступать в письменные сношения, писем же к третьим лицам, в которых они бы высказывались о своих взаимоотношениях, не сохранилось за это время ни от Фрейлиграта, ни от Маркса.

В редакции Фрейлиграт должен был заведывать английским отделом; но надо полагать, что редакционная деятельность вряд ли пришлась ему по вкусу, и чем больше членов рассеянной после сентябрьских беспорядков редакции собиралось опять в Кельне, тем более он ограничивался участием в фельетоне газеты, которую он украшал своими стихотворениями. В политическом отношении он теперь стоял вполне на платформе Маркса и вступил не только в члены редакции, но и в Союз Коммунистов, где и оставался до конца его существования *).

19 мая 1849 года „Новая Рейнская Газета“ погибла под ударами победоносной контр-революции. Маркс был выслан

---

*) По поводу „Прощальной песни“ Фрейлиграта, напечатанной в последнем номере „Новой Рейнской Газеты“, В. Бухнер пишет: „Бурное, но прекрасное и благородное стихотворение Фрейлиграта, помещенное в начале номера, производит впечатление редкостного пурпурного цветка среди колючек. Он олицетворял собою поэтический, идеальный элемент газеты. Правда, многое из того, что в ней говорилось, было ему неприятно; правда, он не одобрял многого из того, что ему приходилось подписывать вместе с остальными членами „шайки поджигателей“ (Schwefelbände), — этой, по всей вероятности, изобретенной самим Марксом кличкой редакторы обозначали самих себя, — не

из Пруссии и отправился в Париж; прочие члены редакции также рассеялись во все стороны; один Фрейлиграт остался в Кельне¹. Первые письма, которыми обменялись после того Фрейлиграт и Маркс, касаются вопроса о ликвидации дел закрытой газеты—вопроса, который ныне выяснить не представляется более возможным и который, впрочем, особого интереса и не представляет. 29 июля 1849 года Фрейлиграт отвечает на просьбу о помощи лично Марксу, с которой тот обратился к нему—соответственное письмо Маркса не сохранилось. Маркс отдал все свое состояние на газету и отчасти и на Союз Коммунистов и находился в тем более печальном положении, что 19 июля французское правительство выслало его в департамент Морбиган. В ответе своем Фрейлиграт обещал сделать все от него зависящее, горько сетуя при этом на Лассалья, к которому Маркс обратился с подобной же просьбой: Лассаль, по его словам, взялся за дело с чрезвычайной неделикатностью и сделал его темой болтовни и лишних разговоров. Письмо Фрейлиграта заканчивается следующим образом:

„Высылка твоя в провинцию является гнусностью из гнусностей. Доктор Даниэльс уверяет, что Морбиган—самая нездоровая полоса Франции, болотистая и зараженная лихорадкой: Понтийские болота Бретани. Если бы ты теперь, в августе, туда отправился, не миновать бы тебе перемежающейся лихорадки. Поэтому, если только возможно, он советует тебе отправиться лучше в Англию. Даниэльс сердечно кланяется“.

Даниэльс был молодым кельнским врачом и товарищем по убеждениям; Фрейлиграт и Маркс оба высоко его ценили.

31 июля Маркс отвечал:

было недостатка во всякого рода спорах и недоразумениях, и лишь великая доброта Фрейлиграта и свойственный ему дух солидарности позволяли улаживать возникавшие столкновения“. Все сие,—скажем мы,—является патриотической фантазией. Достаточно будет указать, что „шайка поджигателей“ представляет собою творение не Карла Маркса, а цветок красноречия Карла Фогта, притом созданный лишь в 1859 году; во-вторых, Фрейлиграт и после закрытия „Новой Рейнской Газеты“ оставался в течение долгих десятилетий связанным узами теснейшей дружбы не с одним Марксом, но и со всеми прочими членами редакции газеты—с Энгельсом, Веертом, Дройке, обоими Вольфами и пр.

„Должен признаться, что поведение Лассалья меня сильно удивляет. Я обратился лично к нему, и так как я некогда сам одолжил графине деньги и, с другой стороны, я знаю доброе отношение Лассалья ко мне, то я никак не мог предвидеть таких компрометирующих действий. Наоборот, я рекомендовал ему крайнюю осмотрительность. Я предпочитаю сильнейшую нужду публичному попрошайничеству. Я ему написал об этом. Вся история невыразимо меня злит. *Parlons de politique* (давай поговорим о политике),—это отвлекает от дрызг частного характера“.

Следуют политические рассуждения, которые мы, к сожалению, принуждены здесь выпустить, так как для понимания их необходимо было бы предпослать им подробное описание тогдашнего положения Европы. Как и многие другие письма Маркса, они показывают, что его ясный и широкий взгляд на общественные дела никогда не становился менее отчетливым даже в моменты величайших личных забот.

6 августа Фрейлиграт возвращается к поведению Лассалья.

Он пишет:

„Люди цепко держатся за деньги, в особенности когда дело идет о кругленькой сумме, и при этих условиях все же хорошо, что Лассаль помог тебе заткнуть самую зияющую из дыр. Правда, образ действий его при этом остается не менее недопустимым. На мой взгляд, твое письмо к Лассалю могло иметь лишь один результат, а именно вызвать деликатным образом его или графиню на дешевый реванш (ввиду того, что ты сам раньше одолжил графине деньги). Из скупости (ибо я никак не могу предположить, что это было по нужде) сделано это не было, показалось предпочтительным *согат риблицо* выступить в роли твоего покровителя. В несколько видоизмененной форме я это прямо высказал Лассалю и за это принужден был выслушать целую массу казуистической чепухи. Если бы мы: Штрон, я, Даниэльс, пожелали преступить на лассалевский манер твой мандат, мы бы, конечно, смогли послать тебе столько же, сколько и он. Кстати, грязная сторона дела заключается не в сборе самом по себе, а в сборе через тех людей, которые в благодарность тебе за твои денежные одолжения и твоей газете за внимание, посвященное их семейным дрызгам (вокруг чего, по их мнению, вращается

вся мировая история) обязаны были сделать все, что бы ты ни пожелал.

„Несколько дней тому назад Лассаль сказал мне, что у него лежит еще около 92 талеров для тебя и что он предоставил тебе выписать их или от них отказаться. Конечно, ты должен был выбрать первое. Дело сделано, деньги возвращены быть не могут, и обидный для тебя момент, как я уже говорил тебе, не в самом вопросе, а в предшествовавших личных отношениях между тобою и Гатцфельдтами, о которых ничего не известно широким кругам. Поэтому я на твоём месте, не задумываясь, распорядился бы тем, что имеется.

„Все это, конечно, строго между нами. Я твердо полагаюсь на это, так как не имею ни малейшего желания продолжать ссориться с Лассалем. Вообще я бы никогда не коснулся этого дела в моих письмах, если бы не счел необходимым в оправдание мое и Штрона сделать это. Даниэльс повторяет предостережение свое относительно Морбигана. Повидимому, тебя, впрочем, и не торопят. Твои сообщения о политике так ясны и великолепны, что с горечью думаешь о невозможности немедленно отнести их в типографию“...

Вина Лассалья, впрочем, как будто бы была не столь велика, как полагал Фрейлиграт в первой вспышке справедливого гнева. Это можно заключить из следующего из имеющихся писем Маркса. Текст его таков:

Лондон, 5 сентября.

„Дорогой Фрейлиграт!

По адресу Карла Блинда: 18, Робертс-стрит, кофейня Петерсона Гровенор-сквер; письмо для меня вложить в особый конверт.

„Я в состоянии написать тебе только несколько строк, так как уже дня четыре-пять страдаю своего рода холериной и чувствую себя невыразимо слабым.

„Жена моя писала мне, чтобы я известил тебя о получении твоего письма со вложением 100 франков. Вообрази подлость парижской полиции: стали притеснять и мою жену; ей с трудом удалось добиться разрешения остаться в Париже до 15 сентября, до какого числа была нанята нами там квартира. Я, право, в весьма затруднительном положении. Моя жена на-сносях, 15 числа она должна выехать из Парижа, и я не

знаю, где мне взять денег на ее поездку и на устройство здесь. С другой стороны, я имею все основания рассчитывать на то, что мне удастся основать здесь ежемесячный журнал, но время не терпит, и первые недели затруднительнее всего.

„Лассаль, очевидно, обижен моим письмом к тебе, а также моим письмом к нему. Я во всяком случае далек был от подобного намерения и опять написал бы ему, если бы мое настоящее состояние не делало для меня писание писем истинной тяготой.

„Как только я буду опять сколько-нибудь в силах, напишу тебе поподробнее о *Politica*. Надеюсь получить вскоре от тебя несколько строк. Клянись твоей жене, Даниэльсу и прочим от меня.

Твой К. Маркс“.

Дальнейшая переписка в течение этого года касается, главным образом, задуманного ежемесячного журнала, которого, как известно, вышло в 1850 году шесть выпусков². 11 января Маркс просит дать ему рекомендацию к Конраду Шрамму, чтобы тот попытался добыть денег в Америке; из ответа Фрейлиграта от 26 января следует упомянуть о следующей фразе: „Дана (с которым я ведь у тебя и познакомился) близок тебе столько же, сколько и мне, и рекомендации от тебя было бы вполне достаточно. Однако, если ты этого желаешь, я охотно готов присоединить и мою“. До сих пор предполагалось, что связь между Марксом и Дана, издателем „*New-York Tribune*“, корреспондентом которой Маркс был потом в течение многих лет, была установлена при посредстве Фрейлиграта. Оказывается, что Дана посетил Маркса еще в 1848 году в Кельне.

Фрейлиграт с жаром взялся за распространение журнала в Рейнской области, однако эти деловые подробности не представляют больше никакого интереса. Примечательно еще за этот год одно письмо Фрейлиграта к Марксу, так как в нем речь идет о человеке, призванном сыграть большую роль во взаимоотношениях обоих друзей, а именно о Готфриде Кинкеле.

Кинкель был первоначально теологом и даже теологом ортодоксальным: приват-доцентом Боннского университета, законоучителем в местной гимназии и вторым проповедником евангелической общины в Кельне. Женившись на Иоганне

Мокель, католичке и разводке, он отрезал себе путь ко всякой теологической карьере и перешел на философский факультет в Бонне, где сделался даже экстраординарным профессором по истории искусств. Скромный поэтический талант, который он разделял с женой, в остальном превосходившей его в умственном отношении, помог ему войти в круг рейнских поэтов, где он и познакомился с Фрейлигратом; однако тесных отношений между ними не завязалось. Как поэт, Кинкель далеко не сравним с Фрейлигратом, а риторические черты в характере Кинкеля, оставшиеся у него со времен теологических, решительно не подходили к резким манерам Фрейлиграта.

В революционное движение 1848 года Кинкель ринулся с величайшим жаром. Он стал издавать в Бонне демократическую газету и вступил в личное соприкосновение с Марксом, в наследии которого остались еще некоторые письма от Кинкеля и его жены. Письма эти касались, однако, лишь внешних вещей, вроде просьбы о присылке английских газет и т. п. В мае 1849 года Кинкель принял участие в попытке взятия приступом Зигбургского цейхгауза боннскими демократами. После неудачи этого предприятия он сражался в рядах баденско-пфальцских повстанцев, где вместе с Энгельсом служил в добровольческой дружине Виллиха, и был взят в плен при последних боях на Мурге. Если до тех пор он держался стойко, то в защитительной речи, произнесенной им перед военным судом в Раштате, риторика его увлекла вплоть до признаний, которые не могли быть истолкованы иначе, как бестактное отречение от его соратников и столь же бестактное восхваление „принца-громителя“ (Kartäischen-Prinz). Однако речь эта оставалась вначале неизвестной, и всеобщие симпатии, которыми Кинкель пользовался в качестве борца за свободу, еще усилились, когда Фридрих-Вильгельм I имел низость „помиловать“ осужденного к пожизненному заключению в крепости мятежника, заменив это наказание пожизненным же заключением в каторжной тюрьме.

После этого против Кинкеля возбуждено было еще обвинение за участие в нападении на Зигбургский цейхгауз. Поэтому в первых числах мая 1850 года он предстал перед присяжными в Кельне, которые его и оправдали. За месяц до того он дал напечатать в берлинской „Abendpost“, фритредерской газете ликвидаторского направления, раштатскую речь, которую

Маркс и Энгельс в своем журнале подвергли резкой критике. По поводу кельнской речи Кинкеля Фрейлиграт писал 6 мая Марксу и Энгельсу:

„Я не присутствовал при этом и не нахожу, чтобы речь, которая лежит передо мною в напечатанном виде, была так замечательна, как я ожидал, судя по разговорам. То, что Кинкель в ней и теперь признает себя сторонником революции, право же не заслуга. Если бы он поступил наоборот, он бы выставил себя негодяем и идиотом. Гюнербейн может выдвигать тот факт, что он находился на улице только „на предмет защиты личностей и их достояния“, мы это ему прощаем из-за его „исключительного положения“ портного; к профессору же Рейнского университета имени Фридриха-Вильгельма мы предъявляем иные требования.

„Оскорбительнее всего для моего чувства и для моего вкуса была проклятая риторика, которая подчас проглядывает в этой речи, взывая прямым путем к слезным железам истерических баб и адвокатов. „Глаза-фиалки моих детей“. Так ли выражается глубокое и истинное горе! Кляурен перед судом!

„Жаль, что Кинкель не может освободиться от этих уснащающих фраз и заковык. В остальном у него кое-что есть, на мой взгляд. И судьба его во всяком случае заслуживает интереса и участия. Правда, — никак не культя, какой хочет здесь установить почтеннейший Штротдман, в чем ему ревностно помогает рыжий Беккер. Новая революция, боюсь, все же подведет Кинкеля под „топор палача“. Он только за пролетариев, он не хочет стать одним из них. Вот если бы я попробовал внушить кому-либо здесь в Кельне такую критику! Это назвали бы кощунством и меня побили бы камнями!“³

Штротдман выпустил в 1850 году биографию Кинкеля в двух томах. „Рыжий Беккер“ редактировал в Кельне „Westdeutsche Zeitung“, с весьма малым успехом стремившуюся следовать по стопам „Новой Рейнской Газеты“. Он был в дружбе с Марксом, во время кельнского процесса коммунистов приговорен был к нескольким годам крепости, но впоследствии, как известно, преуспел и стал обер-бургмистром города Кельна и членом прусской палаты господ. Письмо Фрейлиграта заканчивается так:

„Первые три книжки журнала, насколько я узнал, имели большой успех и заключают в себе некоторые совсем отличные вещи. Таковы, например, в третьей книжке „Последствия 13 июня 1849 года“, свежая и живая критика Энгельса по поводу восстания в защиту имперской конституции, разнос Даумера, место о Калифорнии во второй книжке, еще многое другое. Вы должны меня простить, что я ничего вам с тех пор не посылал. Дети мои хворали, я сам часто бывал дурно настроен. На будущей неделе мы собираемся выехать куда-нибудь в деревню; не могу еще определить куда.—Итак, мои старания по поводу твоей венгерской книги остались тщетными, милый Энгельс. Я тут, право, не при чем, я все сделал и писал всюду, куда только мог. Чорт бы побрал Созиев! *) Сердечный привет!“

Пристанище в деревне, какое Фрейлиграт искал, он нашел в Бильке близ Дюссельдорфа, где он прожил с июня 1850 года по май 1851 года. За это время до нас не дошло никаких писем ни от него к Марксу, ни от Маркса к нему. „Дурное настроение“ Фрейлиграта очевидно не позволяло ему часто писать письма. Объяснялось оно обстоятельствами, в которых он жил. Из дюссельдорфского кружка художников („Malkasten“), в который он был избран в качестве чрезвычайного члена, его выжили благодаря рабей угодливости директора фон-Шадова и нескольких других членов, а полиция еще в ноябре 1850 года собиралась выслать его из Пруссии, так что он принужден был месяцами вести с ней борьбу, чтобы заставить признать его гражданские права. Его поэтическое творчество замерло не вполне: как раз к этому времени относятся некоторые из наиболее сильных его революционных песен, как, например, „Бой у березы“. Но в общем он ограничивался тем, что собирал свои разбросанные произведения; второе собрание его стихов, „Меж снопов“, было издано в это время; оно в эстетическом отношении значительно превосходило первое, но далеко не имело такого успеха; не потребовалось даже второго издания. Вероятно, и это не мало способствовало „дурному настроению“ поэта.

---

*) Созиев—владелец самой крупной- книготорговой фирмы в Ринне во времена Горация; отсюда—вариант для популярных книготорговцев вообще. (П р и м. р е д.)

Однако Фрейлиграт не каялся и не унывал. Наоборот, он стал собирать также и революционные свои стихи, появившиеся в виде листков или печатавшиеся в „Новой Рейнской Газете“, и издал их в двух книжках. Он знал, что благодаря этому дни его на родине были сочтены, и, победоносно завоевавши свое право гражданства в Пруссии, 12 мая 1851 года направился в изгнание.

Благодарное же отечество в августе послало ему вдогонку два приказа об аресте: один—за участие в заговоре, имевшем целью низпровержение правительства, другой—за призыв к восстанию, нарушение общественной тишины и спокойствия и оскорбление величества. Поводом к последнему обвинению послужила вторая книжка его революционных песен, поводом к первому—его участие в Союзе Коммунистов. 10 мая Нотъюнг был арестован в Лейпциге в качестве эмиссара этого Союза; не зная об этом аресте, Фрейлиграт, тем не менее, счастливо избежал опасности стать жертвой кельнского процесса коммунистов.

III

Письма, которыми в течение 1851—1852 годов обменивались Фрейлиграт и Маркс, часто касаются этого процесса; подготовка к нему тянулась целых полтора года. Дело идет о подробностях, давно ставших с тех пор известными по другим напечатанным материалам, в частности по „Разоблачениям“ Маркса по поводу кельнского процесса коммунистов. Из них явствует, однако, одно, а именно, что Фрейлиграт продолжал принимать живое участие в Союзе, как раньше, когда жил в Кельне и Дюссельдорфе.

Относительно рейнского периода жизни Фрейлиграта это видно по письму к Марксу (без числа), написанному, как явствует из его содержания, вскоре после прибытия поэта в Лондон. Он говорит в нем, что арестом доктора Клейна в Кельне взят был врасплох и боится оговора, и прибавляет:

„К. в Союзе держался всегда пассивно, заседания посещал редко или, вернее, совсем не посещал и поэтому пользовался у фанатиков (как, например, у Отто) дурной славой“.

Как только Фрейлиграт прибыл в Лондон, различные фракции, на которые делилась тамошняя немецкая эмиграция, стали ревностно обхаживать знаменитого поэта. На все попытки

завербовать его он, однако, отвечал, что, „встречается только с Марксом и с его ближайшими друзьями“ и что начиная с осени 1850 года, убедившись в том, что революция временно затихла под влиянием промышленного благосостояния, держится вдалеке от всяких эмигрантских дел, все больше и больше вырождающихся в некрасивые споры и дразги. Попытка вновь объединить немецких эмигрантов была сделана и по отношению к Фрейлиграту в виде письма от Руге, с которым он был знаком со времени эмиграции в Швейцарии. В этом письме, помеченном 4 июля 1851 года, Фрейлиграт приглашали на митинг, где должен был быть основан „своего рода клуб или союз“, „уничтожающий партикуляризм и не исключаящий из революционной социал-демократической партии никого, кроме тех, кто желает держаться в стороне, или таких личностей, характер и прошлое которых делают их нежелательными“. Фрейлиграт отклонил и это приглашение и хорошо сделал, так как митинг, на котором принимали участие, в частности, бывшие баденские революционеры, привел лишь к новым и усиленным дразгам в эмигрантской среде.

В том же письме от 17 июля 1851 года, в котором Фрейлиграт сообщал Марксу о „свалившемся на него, как с неба“, приглашении от Руге, он высказывает пожелание „повидать, наконец, Эккариуса, Бауэра, Пфендера и прочих“, т.-е. старых лондонских членов Союза Коммунистов. Фрейлиграт стал опять правильно принимать участие в заседаниях „синедриона“, при чем далекие лондонские расстояния повидимому затрудняли его; он обращается однажды к Марксу с просьбой извиниться за него перед гражданами за непоявление на заседаниях и поставить ему в счет его шесть пенсов („Шеня эта, право, столь огромна, что взыскивать ее можно только с „привилегированных эмигрантов“ — предлагаю понизить размер ее!“); 22 декабря Маркс сообщает ему, что еженедельные заседания, имевшие место по четвергам, будут перенесены на Феррингдон-стрит; „все общество справедливо указывает на то, что помещение это находится в твоем районе“.

Вскоре началась общая борьба обоих друзей против Кинкеля, освобожденного Шурцем осенью 1850 года из каторжной тюрьмы в Шпандау и выступавшего в Лондоне с помощью всякого рода рекламы в роли интересной жертвы реакции. Маркс, как и Фрейлиграт, особенно возмущались его революционной увеселительно-боевой поездкой по Америке,

где он собирал деньги на новую революцию. В письмах Фрейлиграта к Марксу встречаются самые суровые суждения по поводу тогдашнего поведения Кинкеля, выступавшего в Северных Штатах в качестве противника рабовладельчества, но открепившегося от всякой связи с северными аболиционистами, как только он переехал границу южного штата Луизианы. 7 января 1852 года Фрейлиграт писал Марксу,—и это было еще сравнительно мягкое суждение о поведении Кинкеля:

„Подлость Кинкеля, право же, превосходит всякое вероятие. Ничто, однако, не могло меня так позабавить, как то обстоятельство, что ему удалось выудить кое-что даже у негров. Дело это такое, что непосредственно касается тебя—Мавра—и меня—князя Мавров. Это есть вторжение в нашу область, которое мы обязаны строжайше опротестовать“¹.

Вышло так, что в это же время Иосиф Вейдемейер, только что переселившийся в Нью-Йорк и намеревавшийся основать там орган для коммунистической пропаганды, обратился к лондонским друзьям с просьбой прислать свои произведения, в особенности какое-либо стихотворение Фрейлиграта, что обеспечило бы наибольший успех изданию. 22 декабря 1851 года Маркс пишет Фрейлиграту:

„Обрати на это внимание и сооруди новогоднюю песнь в честь Нового Света. При нынешних обстоятельствах мне кажется более легким делом писать в стихах, чем в прозе, будь то в патетическом или в юмористическом духе. Если бы ты когда-нибудь вздумал художественно претворить юмор, свойственный твоему африканскому величеству в частной жизни, ты, я уверен, и в этой области приобрел бы большое значение—ведь твоя жена правильно заметила, что у тебя недаром в глазах мальчишки прыгают“.

В том письме от 7 января, в котором Фрейлиграт скорбит о „кинкелевой подлости“, он сообщает о всякого рода мыслях, пришедших ему в голову в бессонную ночь, которые могли бы быть обработаны в виде поэмы, но затем принужден признаться (в письме, где не помечено число):

„Мысли, о которых я тебе писал недавно, не выросли в законченное целое. Я набросал на бумаге около дюжины строф, но, перечитав их, увидел, что в них не заключается

почти ничего, кроме личных колкостей, что все же не поэзия. Я выбросил этот сор в печку и оборвал нить. Все вместе было бы, пожалуй, не лишено некоторых достоинств; шарж и пафос сменяли друг друга, и если бы я не бросил этого дела, быть может я бы напал на новый ход в шахтах моего мозга. Но и так хорошо“.

16 января Маркс, однако, отослал Вейдемейеру стихотворение Фрейлиграта,—то великолепное послание, в котором бичуется достойное Нарцисса тщеславие Кинкеля и его попрошайничество в Соединенных Штатах. К этой посылке Маркс прибавил следующие слова к Вейдемейеру, характерные для его отношения к Фрейлиграту:

„Напиши Фрейлиграту любезное письмо. Не скупись даже на комплименты, ибо поэты все plus ou moins (более или менее), даже наилучшие из них—des courtisanes et il faut les saïoler pour les faire chanter (куртизанки и, чтобы заставить их петь, их необходимо улещать). Наш Фрейлиграт—милейший, свободный от всяких претензий человек в частной жизни, скрывающий под подлинным добродушием un esprit très fin et très gaillieur (весьма тонкий и едкий ум)—у него пафос настоящий, хотя он сам от этого не становится суеверным и не лишается критического чутья. Он—истинный революционер и насквозь порядочный человек—похвала, которую я расточаю не многим. Несмотря на это, поэт, каким бы он ни был как homme (человек), нуждается в выражениях одобрения, в admiration (поклонении). Я думаю, что это зависит от самой сути вещей. Говорю тебе все это только для того, чтобы обратить твое внимание вот на что: в переписке с Фрейлигратом не забывай разницы между поэтом и критиком“.

Совет весьма правильный, которому Маркс, однако, сам не всегда следовал, и именно по отношению к Фрейлиграту.

Неделю спустя Фрейлиграт отправил второе послание прямо Вейдемейеру. В нем кипучая жизнь огромного города выставлялась в подавляющем противоречии с мелким тщеславием поэта, и несколько строк вновь задевали Кинкеля. Главным же отпугивающим примером должен был послужить датский поэт Андерсен, некогда посетивший Фрейлиграта на Рейне, а при случайной встрече в Лондоне, из раболепия перед придворными кругами, не признавший поэта-эмигранта. В конце

Фрейлиграт прославляет свою собственную судьбу — смело закалиться в лондонской жизни, которая

Меня, хоть в „лаврах“ я, как ветер, качает
И—с корнем рвет? О нет, лишь укрепляет.

По поводу этого послания Фрейлиграт пишет 25 января 1852 года Марксу:

„Номер второй послан Вейдемейеру вчера (т.-е. с отошедшим вчера из Ливерпуля пароходом). После того мне пришла в голову еще одна строфа по поводу Кинкеля, про которого тебе, вероятно, известно, что ему лишь после несказанных хлопот и поклонов удалось добиться помещения его физиономии в „Illustrated News“. Для ясности прилагаю также предъидущую строфу, тебе уже известную“.

Поэт германский, как ты здесь некстати!
Пусть в лексикон Брокгауза ты попал,
Пусть Коттой издан в маленьком формате,
Пусть даже, как альбомы, украшал
Стихами стены, сидя в каземате,—
Здесь все же верный ждет тебя провал.
Спеши же в Висконсин: ведь нет вопроса,
Что там вздохнешь ты после Чаринг-Кросса.

Есть, впрочем, выход: лить на Вавилон
Дождем статьи, заметки и посланья,
Присвоить голосу смиренный тон,
Чтоб в прессе заслужить упоминанье,
В себе использовать со всех сторон
Способности к искусству пресмыканья,—
Чтоб, наконец, увидеть свой портрет
В какой-нибудь из праздничных газет.

На это Маркс отвечает 26 января:

„Строфа, которую ты мне прислал на прочтение, очень хороша и художественно выражает *corpus delicti* (суть преступления), но мне кажется, что она повредит впечатлению от всего стихотворения. D'abord (прежде всего), неужели Кинкель действительно „германский поэт“? Я и множество других добрых людей позволяю себе несколько сомневаться в этом. Затем, противоположение „германского поэта“ „торговому“ Вавилону разве не становится слабее, если опять-таки противопологается „свободный“ поэт „раболопствующему“? Тем более, что в „Андерсене“ исчерпывающе обрисованы взаимоотношения между

напыщенным литератором и миром, которому противопоставляется „поэт“. Так как, на мой взгляд, здесь нет внутренней необходимости для вовлечения Кинкеля, это только подало бы противникам внешний повод подхватить такое упоминание, как выражение личного раздражения или соперничества. Но так как строфа очень удачна и жалко было бы дать ей затеряться, ты, конечно,—если только ты согласишься с выказанным мною мнением,—найдешь случай вставить ее в другой раз в одно из следующих твоих писем в стихах. Рисунок ведь очарователен. — Так как Энгельс-Веерт⁵ не вернули копию твоего первого стихотворения, которую я им послал, то я вчера мог угостить рыжего Вольфа лишь несколькими уцелевшими у меня в памяти отрывками, которых, однако, оказалось достаточно, чтобы вызвать один из его припадков энтузиазма“.

28 января Фрейлиграт отвечает:

„Относительно добавочной строфы ты совершенно прав. Итак, я ее пока что отложил *ad acta* (к делам) и посмотрю, можно ли будет использовать ее в каком-либо из следующих писем“.

Таких писем, однако, больше не было, так как публицистические затеи Вейдемейера лопнули. Ему удалось выпустить только две книжки с „18-м Брюмера“ Маркса и обоими стихотворениями Фрейлиграта.

Немалое место в письмах Фрейлиграта, относящихся к 1851 и 1852 годам, занимают попытки его найти издателя для работы по политической экономии, уже тогда задуманной Марксом⁶. Фрейлиграт, все же располагавший наибольшими среди немецких эмигрантов связями с буржуазными издателями Германии, не пожалел для того никаких усилий, и не его вина, если эти попытки остались безуспешными. Он обратился к помощи Лассалья, который в конце ноября 1851 года ответил ему:

„Что ты скажешь на следующую мысль: мы оснуем акционерное общество, которое на свой счет выпустит книгу у любого издателя — тот будет, таким образом, лишь коммиссионером. Расходы по печатанию в самом крайнем случае обойдутся в 1.000 талеров (вряд ли так много). Кроме того, Марксу надобно немедленно выплатить 1.000 талеров. Таким образом, нужно собрать путем распространения акций

2.000 талеров. Если акцию пустить по 25 талеров, таких акций потребуется 80. Первые 2.000 талеров, вырученные от продажи книги, должны пойти на амортизацию общественного капитала, т.-е. на выплату денег акционерам (беспроцентное погашение ссуды). Дальнейший доход от первого издания, как и от всех последующих изданий, остается нераздельной собственностью Маркса, так как акционерное общество, конечно, не может рассчитывать ни на какой доход, а разве что на безубыточность. — Предложи этот план Марксу. Я прошу ему передать, что если он с ним согласится и поручит мне распространение акций в Кельне, Дюссельдорфе и Бреславле, то я думаю, что смогу разместить от 36 до 40 акций в этих трех городах, лично и при помощи моих знакомых. Таким образом, остается еще 40, которые вы, вероятно, сможете разместить в Эльберфельде, Бармене, Аахене, Кобленце, Гамбурге, Берлине и Лондоне.

„Если Маркс согласен, времени терять не приходится. Он должен в таком случае дать отпечатать или литографировать краткий проспект содержания предполагаемого труда и указать также, почему при настоящих обстоятельствах пришлось прибегнуть к образованию союза акционеров (нерешительность издателей, их опасения перед правительственными притеснениями и проч.). Проспект может быть написан так, точно он исходит от общества, уже образовавшегося, и подписать его можно „Союз акционеров“ и проч. И в самом деле, общество уже образовано, если только двое объявят, что они его образуют. Формуляры акций также должны быть отпечатаны или литографированы. Как только Маркс перешлет мне отпечатанные проспект и акции, я немедленно возьмусь за дело“.

Фрейлиграт переслал Марксу копию с этого письма и советовал ему принять предложение, если только он не найдет буржуазного издателя. Маркс, однако, отказался, отчасти потому, что дело казалось ему безнадежным, отчасти из боязни скомпрометировать себя. См. по этому поводу письмо Лассаля к Марксу в изданном мною „Nachlass“, IV, 49.

Фрейлиграт и в других случаях оставался всегда готовым прийти на помощь другом. Сам он только в июне 1852 года получил место приказчика с годовым окладом в 200 фунтов стерлингов, как он имел обыкновение говорить, но еще за полгода до того, в январе 1852 г., он писал Марксу:

„Возвращаюсь опять к вопросу о презренном металле для того только, чтобы разрушить двойную иллюзию, которой ты, по моим наблюдениям, вчера вечером предавался. В о-п-е-р-в-ы-х, динарии, которые я до сих пор имел возможность тебе передавать, были отнюдь не мои,—для этого я, к сожалению, в течение последних трех месяцев сам был недостаточно богат. Во-в-т-о-р-ы-х, они не взяты в долг. The fact is (дело в том), что в то время, когда Г[ёрингер] так подло с тобою поступил, а я сам не в силах был оказать тебе помощь, я обратился деликатным образом к некоторым друзьям, охотно оказывающим услуги нашему делу, и попросил у них денег „для настоятельных нужд партии“. Таким путем я сразу же получил 20 фунтов стерлингов, а сейчас—еще 10 фунтов стерлингов добавочных. Итак, не нужно „впадать тебе в ужас“. Дело сделано, все в порядке, это никого не касается, кроме тебя и меня. Никто не думает о возвращении этих денег. Разве что мне следовало бы попросить у тебя прощения за то, что я таким способом раздобыл деньги, но другого выхода у меня не было, а негодяя Г[ёрингера] необходимо было ведь устранить. К тому же, повторяю, я действовал осторожно и деликатно. Надеюсь, что вопросы презренного металла, трактуемые нами обоими, не нуждаются в буржуазном жеманном прикрытии. Итак, если ты меня любишь, плюнь на это, и баста!“

Разумеется, многое в письмах этих годов касается мелких происшествий повседневной жизни. То Фрейлиграт сообщает Марксу, что зайдет за ним для того, чтобы сделать сообща визит г-же Шмидт-Штирнер-Денгардт, которую „любезная записка галантного Фрица Энгельса весьма порадовала“, то г-жа Фрейлиграт достает в христианско-германском общепитии немало желудочного кофе для захворавшей дочки Маркса и т. п.

Осенью 1852 года вынесен был в Кельне приговор над Союзом Коммунистов. Известно, какими гнусными средствами прусское правительство добилось осуждения большей части обвиняемых. Фрейлиграт не мало возмущался тем, что значительная часть английской буржуазной прессы оказалась склонной внимать лживым выдумкам прусского правительства. Он пишет: „Как будто эти ослы не обязаны также своими „гражданскими свободами“ тем же sturdy beggars (крепким голышам) XVII и XVIII столетий. Vivent les gueux! (Да здравствуют босяки!)“

Это почетное звание всегда и всюду пользовалось успехом". 30 октября Фрейлиграт вместе с Марксом, Энгельсом и Вильгельмом Вольфом поместил в целом ряде английских газет сообщение, обращающее внимание английской публики на разоблачения, которые защита собиралась дать по поводу *forgerу, perjury, falsification of documents* (подлогов и клятвопреступлений), говоря короче — по поводу гнусностей прусской полиции.

После кельнского процесса Союз Коммунистов был распущен. От него остался лишь комитет для вспомоществования осужденным по кельнскому процессу и их семьям; в этом комитете Фрейлиграт занял место казначея.

IV

Затем последовал ряд мирных лет, в течение которых не только Фрейлиграт, но и Маркс воздерживались от всякой активной политической деятельности. За эти годы сохранилось сравнительно немного писем, писанных Фрейлигратом, и ни одного, писанного Марксом.

Некоторые указания на их дружеские встречи попадают в письмах Фрейлиграта к буржуазным друзьям, опубликованных Бухнером. Так, в августе 1853 года Фрейлиграт пишет Теодору Эйхману, что дети Маркса были в гостях у его детей и что он для их развлечения пустил воздушный шар. Толпа народа собралась поглядеть на это зрелище, „но восемь эмигрантских детей с их воздушным шаром были героями вечера. Целый полк! И как же они кричали ура!“. А в мае 1855 года он пишет Генриху Кестеру: „Бедные Марксы в страстную пятницу потеряли единственного своего сына — потеря так печальна, так ужасна, что я сказать не могу, как глубоко я принимаю к сердцу это горе. В понедельник на святой мы похоронили милого мальчика — сколько горя на свете бывает!“

Осенью того же года скончался на тридцать седьмом году жизни Роланд Даниэльс. Хотя он и был оправдан по кельнскому процессу коммунистов, но в течение полугодового предварительного заключения у него развилась чахотка. В сохранившемся потрясающем письме к Марксу жена Даниэльса сообщила лондонским друзьям о кончине мужа; Маркс передал это письмо Фрейлиграту, который возвратил его 6 октября 1855 года со следующими строками:

„Фрау Даниэльс—прекрасная женщина. Это скромное, простое, разумное изображение действует более горячо и волнующе, нежели самый напыщенный набор фраз. Чтение это меня опечалило и прямо убило. Он умер—это говорится так легко, — если присмотреться, как это случилось, что кто-то умер, — если заглянуть за кулисы смерти, — то сердце все же сжимается! И к тому же такой друг и такой человек! И такое убийство! Это ужасно!

„То, что ты еще не можешь отойти от понесенной тобой самим потери, бесконечно меня печалит. Тут ничего не поделаешь и ничего не посоветуешь. Горе твое я понимаю и уважаю, но постарайся справиться с ним, чтобы оно тобою не овладело всецело. Этим ты не совершишь измены по отношению к памяти твоего милого мальчика“⁷.

В этом году Фрейлиграт отказался от места приказчика, которое он занимал в течение трех лет в магазине шелковых материй некоего Оксфорда — из-за чрезмерных требований, предъявлявшихся этим слишком ловким дельцом к его работоспособности. Приблизительно с год он существовал литературной работой, которую он в эмиграции никогда и не бросал. В первые годы он издал английскую, а затем и немецкую антологию, из которых первая имела большой успех; затем он мастерски перевел „Гаїавату“ Лонгфелло, но эти „индейские выдумки“, — как окрестили поэму дочери Маркса, когда он им поднес экземпляр, — далеко не имели в Германии такого успеха, как в Америке. Помимо английской антологии постоянно выходило в новых изданиях, но почти без изменений, первое собрание стихотворений Фрейлиграта, что приносило ему изрядные гонорары; некоторый доход он имел также в качестве обозревателя немецкой литературы в „Атенеуме“, одном из лучших английских еженедельников. Но всего этого было не достаточно, чтобы обеспечить его с семьей, и чувствуется, какая тяжесть свалилась у него с плеч, когда 5 июля 1856 года он мог сообщить Марксу:

„Пишу тебе с Трэднидль-стрит, так как я (вот ты будешь смеяться) с начала этой недели состою управляющим (manager) здешнего отделения континентального *Crédit mobilier* (Промышленного кредита). Вознаграждение хорошее, уже сейчас много лучше, нежели у Оксфорда; начиная со второго года службы содержание будет повышаться и пр. и пр. Если не слишком

быстро наступит tremendous crash (великий крах) и не увлечет за собой все mobiliers et fonciers (движимости и недвижимости), то я, чего доброго, еще сделаюсь банкиром. Пока что я рад, что ощущаю твердую почву под ногами. К тому же дело довольно интересное“.

Банк, назначивший поэта управляющим лондонским агентством, был женевский Banque Générale Suisse. Во главе его стоял Фази, лидер демократической партии в Женеве; венгерский революционный генерал Клапка также был членом правления этого банка. Южно-германские демократы устроили поэту это место, благодаря которому он в течение десяти почти лет мог прожить сравнительно без забот. Вознаграждение его во второй же год его службы было повышено с 300 фун. до 350; если прибавить к этому побочные доходы от литературы, он располагал достаточными для лондонской жизни средствами. Тем охотнее он стал оказывать помощь товарищам по изгнанию, с большим трудом боровшимися с нуждой, в частности Марксу, которому Фрейлиграт в новом его положении был в состоянии оказывать не мало финансовых услуг. Так, например, он имел возможность выплачивать Марксу досрочно деньги, в особенности гонорары „New-York Tribune“, часто запаздывавшей с платежами. О таких мелких делах и о разных семейных происшествиях и идет преимущественно речь в письмах Фрейлиграта по конец 1858 года, поскольку они сохранились.

Если оба друга в течение этих лет и держались вдали от политической агитации, то Маркс благодаря своей научной работе, и в особенности благодаря корреспондентской работе для „New-York Tribune“, сохранял некоторую связь с политической, между тем как Фрейлиграт немногочисленные свои часы досуга посвящал поэзии, вступив в более или менее тесные сношения с буржуазно-литературными кругами. Даже с Кинкелем ему пришлось встречаться, хотя и не на дружеской ноге: они встречались в нейтральных местах, и Фрейлиграт был слишком добродушен, чтобы отказаться позвать протянутую ему Кинкелем руку. Молодые таланты в Германии тоже мало-помалу отваживались обращаться к знаменитому поэту; в 1852 г. его старый приятель Кюнцель, с которым он собирался некогда издавать в Дармштадте английско-немецкий журнал, резко от него отвернулся во время гастролей немецкой труппы в Лондоне, в которых Кюнцель участвовал. Но спустя пять-шесть

лег воспоминание о революционных годах сгладилось настолько, что даже патриотически настроенные юноши решались подойти к ославленному коммунисту.

При этом Фрейлиграт строго соблюдал свое политическое достоинство и честь. Когда осенью 1858 года прусский принц-регент сам стал главою государства, все почти немецкие поэты и поэтики приняли участие в посвященном ему „Альманахе Муз“, издаваемом Христианом Шадом,—Кинкель также дал туда четыре стихотворения; один только поэт отказался, это был Фрейлиграт. Его нельзя было убедить участвовать в этом сборнике. Весьма показательным было его отношение к тому юному лирику, который посетил его в Лондоне и затем воспел—с наилучшими, впрочем, намерениями— в фельетоне. Этот юный лирик был Юлий Роденберг, нынешний редактор „Deutsche Rundschau“. Он, несомненно, питал искреннее расположение к Фрейлиграту и был им обласкан, но сам с похвальной откровенностью рассказал, как мало действовали на революционные убеждения Фрейлиграта дружеские литературные связи.

Когда Роденберг весной 1859 года переселился в Берлин, он держался на почтительном отдалении от „чрезвычайно не-симпатичного ему Лассала“, но заключил тем более тесный дружественный союз с Георгом Гезекилем, сотрудником, больше того—поэтом „Kreuzzeitung“, воспевавшим в неуклюжих виршах гербы и прочую пустяковину эльбских юнкеров. Оба друга решили, что Гезекиль должен посвятить собрание своих рифм „единственному великому поэту современности“, т.-е. Фрейлиграту, и Роденберг в декабре 1860 года сообщил об этом намерении в Лондон. Неистощимое добродушие Фрейлиграта заставило его и при этом случае высказать несколько любезностей, за которыми следовала тем более решительная отповедь:

„Решение мое не принимать посвящения объясняется просто тем, что господин Гезекиль является одним из сотрудников „Kreuzzeitung“, между тем как я—революционер и вот уже десятый год опять живу за границей в эмиграции. Нельзя нам друг друга взаимно ставить в неловкое положение. А это непременно бы так вышло, согласись я принять посвящение его стихов. Вы сообщаете мне эниграф книги: „Я и о шу в а ш и цвета, но не в ашу л и в р е ю!“ Сие, не в обиду будь сказано господину Гезекилю, просто ложная антигеза! Стиг, ко-

торый он имеет в виду, и ливрея — одних цветов. И если цвета, которые он носит, не его собственные, то совершенно безразлично, носит ли он их в руке или на спине“.

А когда немного спустя Роденберг вновь посетил Лондон, „король пустыни“ приветствовал его таким львиным рыком, что несчастный, по его собственному признанию, был вполне „уничтожен“. Когда буря улеглась, Фрейлиграт опять стал тем же добрым малым и предложил предать все дело забвению. Однако много лет спустя Роденберг все же писал в своих воспоминаниях о Фрейлигратае: „Да, если бы такое можно было забыть!“

V

Пресловутое „мычание волгов“ по случаю коронации и „новой эры“ нашло отклик в в кругах немецких эмигрантов; более или менее значительная часть их возлагала надежды на амнистию, которую дарует прусский принц-регент, и при этом условии они готовы были сражаться на германской земле за вторую революцию, после того как, по язвительному замечанию Фрейлиграта, так удачно прозевали и проворонили первую. В центре этого движения опять-таки оказался злополучный Кинкель с его органом „Her mann“ *)—еженедельником, выходившим в Лондоне, начиная с 1 января 1859 года⁸.

До того еще Кинкеля постиг удар, обеспечивавший ему сочувствие „по человечеству“ даже его политических противников. 15 ноября 1858 года жена его упала из окна и разбилась на смерть. Со всех сторон предполагали, что она добровольно покончила с собой; официальное постановление коронаера о том, что смерть была следствием несчастного случая, не изменило этого взгляда, так как известно, что если только бывает возможность малейшего сомнения, самоубийство принято отрицать, чтобы дать возможность похоронить покойника по христианскому обряду. Кинкель сам на следствии отрицал, чтобы жена его имела какие-либо основания покушаться на самоубийство, что, в частности, семейная жизнь у них была счастливая. Правда, с этими показаниями плохо вязалось то, что он вскоре после смерти жены имел бестак-

---

*) Her mann— Арминий, вождь германцев, восставших против римского владычества.

ность опубликовать роман, найденный в оставшихся после нее бумагах, — роман, в котором он выставлялся в довольно двусмысленном свете.

Однако все это было лишь спустя некоторое время, и даже сомнения, возникшие немедленно после смерти фрау Кинкель, способствовали усилению чувства участия к ней и ее детям. Она, несомненно, была более сильной натурой, нежели ее муж; благодаря ее неутомимой энергии он был освобожден из каторжной тюрьмы, и в прежние времена сам Кинкель учредил целый культ „Иоганне“, над чем не раз подсмеивался Фрейлиграт в письмах к Марксу. При встречах женщина эта внушила Фрейлиграту большое уважение; он явился отдать ей последний долг и увековечил память ее в прочувствованном стихотворении.

Стихотворение это он 6 декабря 1858 года послал Марксу и при этом писал:

„Я бы давно тебе написал, как меня позабавило твое веселое послание по поводу изготовления великих людей, если бы со мной не произошло с того времени много всякой всячины. Двое моих детей хворали (теперь они, славу богу, поправляются), потом разная деловая неразбериха и, наконец, смерть фрау Кинкель, которая глубоко нас потрясла—в особенности жена моя была после того почти что больна в течение целой недели. Случай этот действительно один из наиболее печальных, какие я когда-либо видел, и мне кажется, что и у друзей, и у врагов может быть по отношению к Кинкелю (и к его бедным детям) одно только чувство: искреннее, чисто человеческое сочувствие. Погребение, на котором я присутствовал, навеяло даже на меня несколько строф, которые при сем прилагаю; в них есть, быть может, та хорошая сторона, что в момент почти всеобщего помешательства по случаю амнистии и хныканья насчет тоски по родине (NB. Слова, произнесенные Кинкелем у открытой могилы, не были сказаны в этом тоне—он говорил, правда, о возвращении, но только о возвращении революционном) они могут послужить своего рода протестом или выражением недоверия по адресу либерально-фельдфебельского шулерства на родине“.

И действительно, этот протест так и был понят „на родине“: даже „Кельнская Газета“ решила напечатать стихотворение

лишь в урезанном виде „сгрухнула, как ей и подобало“, пишет Фрейлиграт в письме к Роденбергу, с которым он был еще тогда в дружбе, и прибавляет: „ее авто-цензура лучше всего показывает, что я прав. Революционеру пока что не приличествует умирать нигде, кроме как в изгнании“.

С другой стороны, Маркс был также несколько недоволен стихотворением, так как он предполагал, что оно послужит сигналом к возрождению культа Кинкеля в Германии. Он резко осуждал Фрейлиграта за то, что тот чересчур поддался театральному поведению Кинкеля у гроба жены, и, пожалуй, осуждение это и было до известной степени справедливо, так как Фрейлиграт перед лицом смерти дал умолкнуть всем вопросам и сомнениям. Однако Фрейлиграт все же был далек от того, чтобы способствовать политическому культу Кинкеля, и было бы совершенно неверно заключить из его стихов на смерть Иоганны Кинкель, будто он сколько-нибудь отклонился вправо. Уже 1 января 1859 года — он по ошибке помнил письмо 1 января 1858 года — он пишет Марксу:

„Милый Мавр! Сердечные ответные пожелания к Новому году со стороны неизменно к тебе благосклонного князя. Хотелось бы мне поскорее с тобой повидаться. Не собираетесь ли вы вскоре посетить *en famille* (всем домом) замок мавританских князей? Свет становится с каждым днем все хуже и смешнее. Необходимо нам с тобой опять о нем как-нибудь позлословить. Как правится тебе заглавие некоего нового еженедельника? *Ex ungue leonem...*“

Хотя намек на кинкелевский „*Nerdmann*“ здесь уже достаточно ясен, Фрейлиграт пишет 7 января 1859 года Марксу:

„Совершенно с тобой согласен, милый Маркс! Само собой разумеется, что если я и сожалею от всей души Кинкеля по случаю его тяжкого горя и трагических обстоятельств, ему сопутствовавших, я тем не менее никоим образом не сочувствую его политике. Правда, он прислал мне проспект своего „*Nerdmann*“ — еще до Нового года — с просьбой иногда в нем сотрудничать, но я ему даже не ответил на это приглашение и уж, конечно, не обещал принимать участие в его журнале. Верно то, что я из-за одного только недостатка времени (место мое отнимает у меня с каждым днем все больше часов) не имею возможности думать о систематической литературной

деятельности. Немногие стихотворения, которые я от времени до времени еще стряпаю втихомолку, я намерен через некоторое время выпустить отдельным изданием. Таким образом, мне в худшем случае придется отвечать только за свои собственные глупости,— а не по солидарности и за те, которые будут совершаться кругом меня. Что „Hermann“ вскоре осрамится, можно предположить заранее. Чего стоит одно допотопное заглавие! „Pensiero ed Azione“ (Мысль и Дело) звучит лучше и смелее! Не знаю, будет ли Блинд участвовать в „Hermann'e“. Я скорее имею в виду Бухера и Рудольфа Шрамма, помешавшегося на амнистии и в настоящее время, вероятно, уже явившегося с повинной в Берлин. Этот доблестный муж спросил меня недавно, не может ли он быть мне чем-либо полезен в Пруссии. Я ответил ему *by return* (обратной почтой) — и сохранил копию, чтобы он убирался к черту. Дамоклов меч амнистии, который уж так давно нам угрожает, не так скоро еще размножит нам череп!“

Что касается лиц, упомянутых в этом письме, то Карл Блинд, эмигрант-баденец, был в дружбе как с Фрейлигратом, так и с Марксом; с первым, впрочем, в более близкой, нежели со вторым. Рудольф Шрамм был прусский эмигрант, которого Фрейлиграт оценил по заслугам, ибо он стал впоследствии даже прусским генеральным консулом в Милане. С другой стороны, упоминание о Бухере в этой связи указывает на то, что Фрейлиграт в то время не особенно тщательно следил за политикой: в качестве корреспондента берлинской „Nationalzeitung“ Бухер защищал во время европейского кризиса 1859 года совершенно иные взгляды, нежели Кинкель в своем „Hermann'e“.

Кризис этот повел, как известно, также к резкому расхождению во взглядах по вопросу о тактике революционной партии между Марксом и Энгельсом, с одной стороны, и Лассалем—с другой. Что касается подробностей, отсылаю к письму Лассала к Марксу и Энгельсу, помещенному с моими примечаниями в IV томе „Nachlass“. Здесь же нас интересует прежде всего Фрейлиграт, не занимавший никакой определенной позиции в этой сложной и запутанной проблеме. В письме к одному из буржуазных друзей, приводимом Бухнером, Фрейлиграт 12 июля 1859 года пишет: „Мировое положение весьма своеобразно, особенно с точки зрения демократа и эмигранта.

Я желаю Италии свободы, это разумеется само собой, и пускай Габсбурги провалятся в тартарары, но Наполеон, герой 2 декабря, убийца Орсини, кайеннский тюремщик, не в праве на мой взгляд выступать в качестве освободителя. Если он,—что для меня, впрочем, все еще сомнительно,—впоследствии пожелает вести войну и с Германией, то положение демократов станет еще запутанней. Им, в качестве немцев, придется относиться к Наполеону с вдвойне обостренными чувствами, а вместе с тем в качестве демократов им нельзя будет объединиться с династией против Франции“. В этих строках проглядывает некоторая беспомощность, объясняющая, почему Фрейлиграт, получивши помеченное 1 апреля письмо от Карла Фогта из Женевы, в котором тот излагал ему определенную программу действительной политики демократической партии и предлагал вместе с тем сотрудничать в швейцарском еженедельнике, защищавшем эту программу,—обратился за советом к Марксу; Маркс ответил, что вся программа—одна болтовня, и Фрейлиграт на этом успокоился.

В программу Фогта входил нейтралитет в вопросе об итальянской войне, покуда она не касалась территории Германского Союза: полная боевая готовность в ответ на возможные захватнические тенденции со стороны Франции; подержание народного отвращения к императорскому режиму во Франции и к клерикально-абсолютистскому режиму в Австрии; требование более тесного объединения внутри Германского Союза и полного исключения из него провинций не-немецких; требование свободного развития внутри страны и поддержание направленного к этому движения; противодействие шумихе, поднятой „Allgemeine Zeitung“ и ее приверженцами (за войну с Францией, с целью поддержать иноземное австрийское владычество в Италии). Ясно, почему Маркс в этой программе, с ее „требованием более тесного объединения внутри Германского Союза и свободного развития внутри страны“, узрел одну только болтовню, притом самого плоского и неясно-либерального пошиба: из такой программы отнюдь не следовало, что имеется какая-то связь с бонапартистской пропагандой. Только когда Фогт издал особой книгой „Очерки настоящего положения Европы“, Маркс убедился, что Фогт действует в интересах Бонапарта и орудует лозунгами его официальной прессы.

До того еще Карл Блинд возбудил против Фогта обвинение

в том, что он подкуплен Бонапартом и в интересах его пытается подкупить и прочих немецких писателей; Блинд обратился к Фрейлиграту с такой же просьбой о сотрудничестве в качестве публициста и с такой же программой, как и Фогт. На митинге, созванном Урквартом 9 мая 1859 года в Лондоне с целью выставить итальянскую войну в виде плода русско-французских интриг, Блинд обратился к Марксу с тем, чтобы сообщить ему целый ряд конкретных подробностей о попытках к подкупу, произведенных Фогтом; такое же обвинение он бросил вкратце, хотя и не упоминая имени Фогта, но с явными на него намеками, в „Free Press“ от 27 мая, (органе Уркварта), притом анонимно; после этого он выпустил листок, озаглавленный „Остерегайтесь!“ (Zur Warnung!) и подписанный литерой X., где обвинения Фогта в продажности и в попытках подкупа повторены были в самых грубых выражениях.

С этим листком дело обстояло следующим образом. Предсказание Фрейлиграта о том, что „Neumann“ вскоре осрамится, впоследствии действительно оправдалось, но пока что Кинкель успел убить „Neue Zeit“, издаваемый Эдгаром Бауэром—орган Лондонского Просветительного Рабочего Союза, из которого Маркс и его ближайшие друзья выступили после раскола Союза Коммунистов осенью 1850 года. По тем временам „Neue Zeit“, как рабочий орган, должен был бороться с большими затруднениями; выход его зависел в значительной степени от кредита, оказываемого типографией, и поэтому когда Кинкель предложил той же фирме печатать для него „Neumann“, этот маневр погубил журнал,—зато успеха у лондонских немцев выходка Кинкеля не имела. На том же урквартовском митинге, когда Блинд сделал Марксу разоблачения насчет Фогта, к Марксу обратился и Фаухер, проживавший в Лондоне в качестве секретаря Кобдена и корреспондента манчестерской газеты „Morning Star“, и предложил ему участвовать в газете „Volk“,—новом органе, основанном Элардом Бискампом, эмигрантом из курфюршества Гессенского, который до того участвовал в „Neue Zeit“, а теперь собирался издавать новую газету при поддержке Лондонского Рабочего Просветительного Союза. Фаухер подчеркнул, что он не разделяет тенденций „Volk“, но прибавил, что решительно протестует против монополии в лондонской немецкой прессе, и вместе с несколькими знакомыми образовал финансовый комитет на предмет поддержки новой газеты.

Маркс сначала не дал определенного ответа, ссылаясь на недостаток времени, но на другой день, когда его посетили Бискамп и Либкнехт, и речь зашла об уркварттовском митинге вообще и о разоблачениях Блинда в частности, он высказал свое мнение о сведениях, сообщаемых Блиндом, правда, в весьма осторожной форме, и поэтому был очень удивлен, когда во втором же номере „Volk“ Бискамп воспользовался ими для статьи, в которой бывший „имперский правитель“ Фогт именовался „имперским предателем“. Бискамп послал эту статью Фогту, тот ответил в „Bieler Handelskurier“ статьей о „шайке поджигателей“ и „проходимцев“, о якобы существовавших кружках заговорщиков, задававшихся целью, под руководством Маркса и в тайном сговоре с полицией, погубить немецких рабочих. Маркс ограничился тем, что пасквиль этот, более глупый, нежели гнусный, просто перепечатал в „Volk“ и тем самым пригвоздил к позорному столбу.

В начале июля он отправился к Энгельсу в Манчестер, где собрал по подписке около 25 фунтов стерлингов для „Volk“. Во время его отсутствия Либкнехту в типографии этой газеты попала корректура листка „Остерегайтесь!“. По содержанию он немедленно отгадал автора—Блинда; кроме того, поправки были сделаны рукой Блинда, а наборщик Фегеле рассказал к тому же, что рукопись была передана Блиндом для набора самому владельцу типографии, Фиделио Голлингеру. От него Либкнехт и получил экземпляр корректуры и отослал его в Аугсбург в редакцию „Allgemeine Zeitung“, в которой он состоял корреспондентом; он прибавил, что автор—один из наиболее уважаемых немецких эмигрантов в Лондоне и что все факты, сообщаемые в листке, могут быть доказаны. Газета опубликовала текст листка вместе с соответственными примечаниями, за что Фогт возбудил против нее обвинение в клевете.

По вполне понятным соображениям редакция потребовала от Либкнехта обещанных доказательств, а тот обратился за ними к Марксу и Блинду. Маркс мог бы отказаться участвовать в этом деле, и теперь, когда мы знаем, сколько оно ему стоило волнений и хлопот, какое огромное количество сил и времени он потратил на него без всякой пользы для своего основного труда,—приходится пожалеть о том, что он не отказался. Вмешаться в эту жалкую историю заставил его

отчасти маневр Фогга, пытавшегося свалить на него авторство листка, отчасти дружба к Либкнехту, а отчасти также желание выступить в защиту „Augsburger Zeitung“ которая, как враждебны ни были его взаимоотношения с этой газетой, на его взгляд совершила доброе дело, разоблачивши Фогга. Правда, единственное, что он мог сделать — это письменно подтвердить показания наборщика Фегеле, и такое удостоверение он и отправил в Аугсбург. Зато Блинд, поднявший обвинение против Фогга, совершенно спасовал: правда, он не мог отрицать, — и не пробовал этого делать, — что он написал заметку в „Free Press“, и на словах сообщил Марксу о проделках Фогга, но он отрицал то, что является автором листка, и решительно отказался вмешиваться в дела чуждой ему газеты.

Пока, таким образом, в этой области собирались грозовые тучи, Фрейлиграт и Маркс находились еще в ничем не омраченной дружбе. В страстную пятницу 1859 года Фрейлиграт так отвечает на обращенную к нему просьбу Маркса перевести на немецкий язык прекрасные стихи греческого поэта Антипатра об изобретении водяной мельницы:

„Я случайно открыл давно написанный перевод прелестных двустуший и посылаю их тебе с тем, чтобы ты сделал с ними, что захочешь. Мне кажется, этот перевод вполне достаточен для твоей цели. Правда, с 1782 года немецкая поэзия научилась обтачивать более корректные гексаметры и пентаметры, нежели то умел делать Штольберг старший, но я-то, к сожалению, не из тех, кто этому научился. Итак, возблагодарим господу за то, что благородный граф сделал этот перевод уже 77 лет тому назад, притом лучше, чем это сделал бы я.—Ты, конечно, придашь твоей работе особую прелесть, если приведешь в подкрепление твоей мысли „голос из народа“ того времени. Что может быть более трогательным, наивным, детским, нежели этот восторг по поводу того, что стала ненужна работа на ручной мельнице?“

В „Капитале“ Маркс действительно привел стихи Антипатра в переводе Штольберга.

8 апреля 1859 года Фрейлиграт пишет Марксу по поводу трагедии Лассала:

„Лассалевский „Зиккинген“ удивил меня постольку, по-

сколько я не подозревал в нашем друге такой способности творить образно. Правда, во многих случаях диалог смахивает на судоговорение, а по части спотыканий в пятистопном ямбе Лассаль имеет право на патент; однако это не окончательное мое суждение. Пока что, я скорее перелистывал, нежели читал“.

В этом, как и в остальных письмах, относящихся к лету 1859 года, встречаются горькие намеки на Кинкеля, которому достается в качестве „патера Брея“, и на его „Hermann“, фигурирующий под именем то Арминия, то Готфрида, а также на партию „помешавшихся на амнистии“, — на зло ей Фрейлиграт еще в октябре 1858 года перешел в английское подданство. Однако между Фрейлигратом и Марксом возникло некоторое разногласие по поводу того, что фракция Кинкеля попыталась использовать шиллеровские торжества 1859 года для своих собственных целей и имела в этом известный успех.

Оценка этого празднества принадлежала к числу вопросов, по которым разошлись тогда Маркс и Энгельс, с одной стороны, и Лассаль—с другой. Между тем как Маркс и Энгельс находили некоторые национально-революционные черты в анти-французских настроениях 1859 года, Лассаль считал их если не вполне, то по преимуществу обновленной формой стародавней ненависти к французам „с помощью божией, во славу короля и отечества“. Наоборот, в „шиллеровском восторге“ Лассаль видел доказательство „духовного единства“ немецкого народа и по тому самому „радостный залог нашего национального возрождения“, между тем как Маркс и Энгельс относились к шиллеровским торжествам несравнимо холоднее—быть может, в этом некоторую роль играла их нелюбовь к Шиллеру. Окончательно отвратила их от этого шумиха, поднятая фракцией Кинкеля. Само собой разумеется, что на ее стороне стояли все немецкие бюргеры, жившие в Лондоне, и что из нее с самого начала исключались все „подозрительные“ элементы. Первое подготовительное собрание состоялось в августе 1859 года, и некий Betzige или Bettziech, подписывавшийся „Бета“, дал о нем отчет в „Gartenlaube“. В статье этой о Шиллере говорится очень мало, зато Кинкелю делается совершенно бессовестная реклама. Относительно представителя Лондонского Рабочего Просветительного Союза, пожелавшего принять участие в торжестве, говорится, что некоторые поду-

мывали о том, чтобы вытолкнуть его, но что коммунистический Савл, находившийся до того времени под влиянием Маркса, — имеется в виду, очевидно, Шерцер, стоявший во главе Союза, — обратился в Павла, так что решено было терпеть его присутствие. По одному этому можно судить, насколько основательно статья была озаглавлена: „Праздник германского единения в Лондоне“.

Одного „Савла“ при всем том обойти было никак невозможно, а именно Фрейлиграта. Поэтический размах праздника поэзии не мог покоиться всецело на небольшом талантике Кинкеля; кроме того, ему, бывшему проповеднику и вследствие этого так называемому „блестящему оратору“, предполагалось поручить произнесение торжественной речи. Пришлось поэтому обратиться к Фрейлиграту, и Фрейлиграт дал свое согласие. Марксу это не понравилось, как видно из письма, которое ему написал Фрейлиграт 12 октября. В этом письме сказано между прочим:

„Праздник в честь Шиллера задал мне много работы. Прежде всего филладельфийские немцы попросили меня дать им торжественное стихотворение, которое будет прочитано на всех юбилейных торжествах в Соединенных Штатах. Хотя и трудно сказать что-либо о Шиллере, не вдавываясь в общие места, тем не менее я дал свое согласие, и, по всей вероятности, какой-либо нью-Йоркский или филладельфийский музыкант уже перелагает мои стихи на музыку. Затем немцы в Брадфорде пригласили меня отпраздновать вместе с ними торжественный день, — что я, впрочем, отклонил. Засим появился издатель из Берлина и также пожелал получить стихотворение, — сие также было отклонено. Наконец, здешнее празднество, которое, весьма возможно, даст повод проявиться всяким мелким самолюбиям, — но от которого я, яко германский поэт, совсем уклониться все же не могу. That speaks for itself (Это ясно само собою). Если бы я остался в стороне, этому не мало бы удивлялись, и вполне основательно. В конце концов, важно само дело, а не побочные цели какой-либо фракции, если предположит, что таковые имеются. И если Агамемнону достанется Бризеида торжественной речи, так что же такого? Не стоит из-за этого Ахиллу дуться и уходить в свой шатер.

„Впрочем, совершенно с тобой согласен, что кое-что неприятное в этом деле есть. Первое подготовительное собрание

(в прошлый вторник в гостинице Зейда—я не присутствовал на предыдущем, хотя это даже было напечатано!) было в достаточной мере скучным и тягучим. Я вел себя молчаливо, хотя мог бы возразить многое на всякую чепуху. Во всяком случае молчание мое оказалось премудрым хотя бы потому, что, *laus deo* (слава богу), благодаря ему я не был выбран в исполнительный комитет. Будем теперь выжидать, что из всего этого выйдет. На сегодняшнее собрание я пойти не намерен*.

Для того, чтобы понять точку зрения Фрейлиграта, надо иметь в виду, что фракция Кинкеля с празднеством в честь Шиллера связывала всякого рода ширококвещательные планы. На оставшиеся суммы должно было быть основано особое учреждение имени Шиллера, с библиотекой и годичными курсами, чтение которых должно было начинаться ежегодно в день рождения Шиллера. Из этого ничего не вышло; наоборот, несмотря на то, что празднество в Хрустальном Дворце дало 200 фунтов дохода, дело кончилось дефицитом и отвратительными дрызгами. Вперед всего этого знать нельзя было; в Манчестере, например, действительно после шиллеровских празднеств было создано подобное учреждение в его память, и спустя пять лет Вильгельм Вольф завещал ему 100 фунтов. С другой стороны, на Маркса не могло не произвести самое тягостное впечатление то обстоятельство, что комитет празднеств послал приглашение секретарю прусского посольства Альбертсу — повидимому, тому самому, который в кельнском процессе коммунистов сыграл весьма двусмысленную роль; Альбертс ответил любезным согласием *).

---

*) Правда, в заседаниях самого комитета Альбертс участия не принимал; зато присутствовал на них М. Шлезингер, который, в качестве издателя бюллетеня для немецкой прессы, поддерживал тесные сношения с прусским посольством. К числу членов комитета принадлежали Кинкель, Ронге и Герстенберг, весьма богатый банкир, школьный товарищ Лассаля, ставший покровителем Кинкеля. Имена остальных участников комитета с политической стороны совершенно неизвестны; повидимому, то были немецкие коммерсанты, жившие в Лондоне. Пользуюсь случаем высказать сердечную благодарность товарищу Рязанову, который по моей просьбе просмотрел в Британском Музее „*Nerman*“, „*Morning Advertiser*“ и ряд других лондонских газет, что дало ему возможность сообщить мне много ценных сведений о происшествиях, сопутствовавших тогдашним шиллеровским празднествам в Лондоне.

В общем точка зрения Фрейлиграта среди ближайших товарищей встретила больше сочувствия, нежели взгляды Маркса. Энгельс, правда, по обыкновению согласился с Марксом; по сообщению Бернштейна, он в не напечатанном еще письме высказал даже резкое осуждение по поводу участия Фрейлиграта в празднествах. Впрочем, Энгельс не разрывал сношений и со своим родственником Зибелем, который сочинил стихи для шиллеровского празднества в Манчестере и, кроме того, устроил постановку „Валленштейна“. Лассаль же, которому Маркс жаловался на Фрейлиграта, ответил: „Возможно, что Фрейлиграт сделал бы лучше, не присутствуя на торжестве. Но во всяком случае хорошо, что он написал кантату. Изю всего, что было написано по этому случаю, она—наилучшее“. Лондонский Рабочий Просветительный Союз также принял участие в торжестве, после того, как накануне облегчил свою политическую совесть устройством празднества в честь Роберта Блюма, на котором выступали Бернгард, Беккер и Либкнехт. У парижских немцев торжественную речь произнес Шили. В Цюрихе повторились до известной степени лондонские события, а именно: Гервег не гневался подобно Ахиллосу в своем шатре, несмотря на то, что Агамемнон, сиречь его лавнишний и близкий противник Фишер, овладел Бризеидой — торжественной речью; наоборот, поэт сочинил даже прекрасное стихотворение для торжества. В Цюрихе конфликт привел ко всякого рода курьезам, юмористически описанным Готфридом Келлером.

При всем том Фрейлиграт был слишком прямым и честным человеком, чтобы на его нервы не подействовали все мелочные подробности лондонских торжеств. 24 октября, поговорив о некоторых делах, он пишет Марксу:

„Я охотно побеседовал бы с тобой о *questio vexata* (заколдованном вопросе). Я видел много странностей и почти что согласен (несмотря на мою врожденную глупую привычку видеть людей и вещи с наилучшей стороны), что ты был прав, высказывая тогда свое мнение. Если это действительно так, у меня остается, по крайней мере, удовлетворение от того, что благодаря моему присутствию и некоторому участию я больше содействовал пресечению некоторых намерений, чем если бы я остался в стороне“.

Как раз в тот самый день в Аугсбурге разбиралось в суде дело, возбужденное Фоггом против „Allgemeine Zeitung“, из

чего вырос новый конфликт. Хотя жалоба Фогта и была оставлена без последствий, ему пришлось уплатить судебные издержки; тем не менее из судебного разбирательства он вышел победителем. Уже одно решение суда доставило ему торжество, так как оно было отмечено печатью сухого юридического формализма. Дело в том, что Фогт ошибся относительно подлежащей инстанции, и ему предложено было обратиться в судебную палату, где вопрос о правильности инкриминируемых ему действий разбираться по существу не мог, но где с уверенностью можно было ожидать оправдания обвиняемой, т.-е. редакции. Окружной суд прибегнул к этому формальному предлогу, так как сам не решился вынести оправдательный приговор, после того как обвиняемые не смогли привести доказательств продажности Фогта. Они не могли предъявить ничего, кроме присланного Марксом свидетельства наборщика Фегеле, из которого следовало, что настоящим обвинителем Фогта мог быть только Блинд. Но тем самым доказательство становилось еще сложнее, так как Блинд всеми силами открещивался от авторства пресловутого листка.

Еще больше способствовала торжеству Фогта весьма недостойная защита членов редакции Кольба и Оргеса. Они доказывали,—Кольб письменно, а Оргес на словах,—ничто же сумняшеся, что на личную честь политического противника можно невозбранно возводить всякого рода поклепы. Каким образом может Фогт требовать удовлетворения своей якобы затронутой чести от судебных инстанций Баварского государства, которое он обливал потоками оскорблений? Выпущенный в Лондоне листок, сочиненный, повидимому, Блиндом, первый напал на Фогта, за ним последовали нападки газеты „Volk“, в которой сотрудничали Маркс и Фрейлиграт; таким образом приговор по обвинению в государственной измене вынесен был Фогту такими же государственными изменниками, демократами чистейшей воды, Блиндом, Марксом и Фрейлигратом. Кольб закончил свою невероятную ерунду уверением, будто обвинение его вызовет истинное торжество в среде социалистической демократической партии Германии, за одиннадцать лет до того ознаменовавшей зарю свободы убийством генералов Латура, Гагерна и Ауэрсвальда, а также и кн. Лихновского. Не довольствуясь этим, „Allgemeine Zeitung“ прибавила к отчету о процессе замечание, гласящее, что ей не известны в точности социальные взгляды лондонских немцев - эмигрантов, что

было бы несколько странно обвинять их огулом во лжи и выдумках. Впрочем, издавна известно, что Маркс—более последовательный и острый мыслитель, нежели Фогт, и что того же Фогта Фрейлиграт превосходит в смысле политической морали.

Таким образом, Фрейлиграт оказался вовлеченным в дело, к которому он до тех пор не имел никакого касательства и касаться которого он не был обязан ни морально, ни политически. Ввиду того, что Фогт принадлежал к числу близких приятелей Фази, от которого зависело положение Фрейлиграта в Швейцарском банке, последний мог бы, пожалуй, потерять свое место, если бы выступил против Фогта. Ясно, однако, что выдвинуть против Фрейлиграта эту точку зрения можно было бы только в том случае, если бы он сколько-нибудь обязан был выступить против Фогта. Подобного обязательства для Фрейлиграта не существовало; он был в полном праве не впутываться в дело, которое после аугсбургского процесса стало еще более неприятным, чем оно было до того. Зато он был не только в праве, он обязан был выступить против Кольба, ибо какой человек с характером позволит распоряжаться своим именем, в особенности при столь возможном оперировать именем Фрейлиграта? Поэтому, когда в Лондон прибыли отчеты об аугсбургском процессе, Фрейлиграт 5 ноября отправил в „Allgemeine Zeitung“ краткое заявление такого содержания: „По поводу некоторых объяснений, приведенных Кольбом в свою защиту, настоящим заявляю, что я никогда не был сотрудником газеты „Das Volk“. Точно также заявляю, что имя мое было присоединено к именам обвинителей Карла Фогта помимо моего ведома и согласия“.

Пять дней спустя в Хрустальном Дворце состоялось шиллеровское празднество живших в Лондоне немцев. Фрейлиграт принял в нем участие с весьма смешанными чувствами, как явствует из двух писем, приводимых Бухнером. 30 ноября Фрейлиграт пишет приятелю: „Это шиллеровское празднество все же заставило сердце биться сильнее! В этот день мы действительно были объединены! Блестящей манифестацией являлось присутствие в Хрустальном Дворце 20.000 человек, собравшихся чествовать одного великого и хорошего человека. Я там был со всеми моими—со чады и домочадцы,—пусть и малыш вспоминает этот день, когда со временем вырастет большой!“ Много холоднее он высказывается в другом письме,

написанном четырьмя днями позже другому адресату: „Одним из миллеровском торжестве много распространяться мне не хочется. Оно производило импозантное впечатление благодаря массовому участию публики,—помимо этого можно было бы пожелать еще многого другого. Не было недостатка также и во всяческих мелочных интригах внутри комитета“.

Для Фрейлиграта лично празднество повлекло за собой некоторые неприятные последствия. „Morning Advertiser“ в номере от 11 ноября поместил отчет о торжестве с восторженными отзывами о речи Кинкеля, при чем Кинкель выставлялся как явление выдающееся в немецкой поэзии, между тем как в дальнейшем кратко добавлялось, что после речи исполнена была „композиция“—текст Ф. Фрейлиграта, музыка Э.Пауэра; со стороны музыкальной исполнение было неудовлетворительное, „что же касается поэзии, то она возвышалась над уровнем посредственности“. Автором этой любезности был Карл Блинд; Маркс указал на это в письме,—не дошедшем до нас,—в котором он просит Фрейлиграта доставить ему текст торжественной речи Кинкеля.

Фрейлиграт 17 ноября отвечает:

„К сожалению, у меня не сохранилось ни одного экземпляра речи, иначе я бы с удовольствием передал его тебе. Блинд утверждает, что не виновен в этом злостном *above mediocrity* (выше посредственности). Статья, по желанию присутствовавшего на празднестве редактора „Morning Advertiser“, написана была Блиндом карандашом тут же, в Хрустальном Дворце; он утверждает, однако, что место относительно меня (приведенное в полном виде в одном из следующих номеров) было изменено со злостным намерением. Он не знает, кем или по чьему наущению это было сделано, но намерен навести справку. У него есть подозрение на некую личность, вертевшуюся вокруг него, покуда он набрасывал карандашом отчет, и, вероятно, затем сделавшую злокозненный намек редактору. Он описал мне приметы этого субъекта и прибавил, что часто видел его неподалеку от тебя на уркартовских митингах. Мне, конечно, до всего этого дела нет. Еще до празднества мне пришлось так насладиться мелочными интригами, что, право же, не хочется познакомиться с ними после, в новом, несколько измененном издании.“

„Читал ли ты благоглупости господина Беты в 43 номере „Gartenlaube“?

Если оставить пока в стороне заключительную фразу, то ясно, что это письмо должно было тяжело оскорбить Маркса. Он выдал Блинда Фрейлиграту не из любви к сплетням, а потому, что у него, как увидим впоследствии, были весьма веские основания для того, чтобы обратить внимание Фрейлиграта на интриги Блинда. Фрейлиграт, повторяя в двусмысленном тоне— вообще говоря, совершенно ему чуждом— фантастическую историю Блинда о вертевшемся вокруг него субъекте, еле прикрытым образом возводил на Маркса обвинение в создании интриги, компрометирующей Блинда. Впрочем, неверно было и то, что Блинд впоследствии поместил в „Morning Advertiser“ „в неизвращенном виде“ „злостно извращенное“ место. Вместо того в номере этой газеты от 14 ноября помещена рядом с новым славословием Кинкслею апология Фрейлиграта. Возможно, что Блинд задним числом счел за благо это сделать, чуя, что над его головой собираются грозовые тучи.

Что касается „благоглупостей господина Беты“, то они заключались в помещенном в „Gartenlaube“ „Очерке жизни Фрейлиграта, с приложением портрета“. Личный адъютант Кинкслея прославлял в этой статье Фрейлиграта в стиле лжелитературного пафоса с явной целью „нагнать строки“, вставив к тому же в слащавую болтовню выпад, грубейшим образом стремившийся к тому, чтобы посеять рознь между Фрейлигратом и Марксом *).

---

*) В статье Беты сказано: „После того Фрейлиграт стал участвовать в „Новой Рейнской Газете“ д-ра Карла Маркса, мастера возбуждения и распространения ненависти к демократии, которую он в безумном коммунистическом ослеплении и в ядовитой злобе ко всем не-коммунистам, даже если они демократы, стремится олицетворять в своей особе остроумно и ядовито. При всем нашем глубоком уважении к поэту мы не хотим впасть в идолопоклонство. Поэтому нам приходится сказать, что под влиянием этого злополучного виртуоза ненависти, написавшего не мало остроумных вещей, но не высказавшего ни единой благородной мысли,—Фрейлиграт утратил свой голос, свою свободу, свою выдержку. С тех пор, как Фрейлиграт находится под влиянием Карла Маркса, он поет не часто“.

Впрочем, ошибочно было бы полагать, что сей достойный писака этими словами истощил весь запас низости, ему свойственной. Когда год спустя Маркс выпустил свою работу, направленную против Фогта,— работу, которая заставила стыдливо умолкнуть даже злейших врагов

Тем временем „Allgemeine Zeitung“ поместила заявление Фрейлиграта от 5 ноября, но с примечанием Кольба, приглашавшего „лондонского корреспондента“, т.-е. Либкнехта, оправдаться в том, что 12 сентября он писал в редакцию: „Если Фогт—как он нравственно обязан это сделать—перенесет процесс в лондонский суд, Маркс и Фрейлиграт выступят вместе со мной в качестве свидетелей“. На это Либкнехт 15 ноября заявил, что он называл Фрейлиграта не как обвинителя Фогта, а сказал лишь, что Фрейлиграт может засвидетельствовать высказанные Блиндом в частном разговоре обвинения, подобные тем, какие напечатаны в листке. Для того, чтобы установить слова Блинда, Фрейлиграта придется вызвать в качестве свидетеля, если только Фогт решится перенести процесс в Лондон. К этому редакция опять-таки добавила примечание, гласящее, что в другом „письме из Лондона“ говорится: „Фрейлиграт не участвовал в „Volk“, но и не протестовал, когда в июне месяце „Volk“ поместил его имя в списке сотрудников“.

Повидимому, не это заявление Либкнехта, а еще до того примечание Кольба к заявлению Фрейлиграта послужило поводом к письменным объяснениям между Фрейлигратом и Либкнехтом. Письма эти утеряны, и о содержании их можно судить лишь по переписке между Фрейлигратом и Марксом⁹. Маркс 23 ноября пишет Фрейлиграту:

„Дорогой Фрейлиграт! Получил копию твоего письма к Либкнехту, в котором значится, между прочим, следующее: „У меня в руках только одно письмо Фогта, помеченное

автора, поскольку они сохранили искру порядочности,—благородный Бета писал по этому поводу в „Magazin für Literatur des Auslandes“: „Повидимому, этот господин Карл Маркс в течение десяти долгих лет трудился, пролазничал, перехватывал письма и списывал их, чтобы самостоятельно и для собственного услаждения выступить, наконец, в роли несравненного Видока или Штибера... Господин Маркс—мастер конструктивного доноса. Видок, Ом, Штибер и прочие по сравнению с ним—малые ребята. Многие, вероятно, не без удовольствия будут пробираться по этому взбаломученному болоту, так как клевета написана мастерски, но мы предостерегаем наших читателей. Среди обезьян имеются злобные павианы, которые за отсутствием иного оружия пользуются грязью и закидывают ею друзей и врагов. Поэтому осторожность и еще раз осторожность!“—И с такого-то рода публикой приходилось Марксу сражаться!

1 апреля 1859 года. Письмо это, с чем Маркс согласился не далее, как в субботу, не заключает ни одного слова, на основании которого можно было бы возвести обвинение на Фогта“.

„В таких делах необходимо соблюдать точность, и поэтому я должен заявить форменный протест против этого места. Во-первых, я ни с чем не соглашался. Соглашаться (concedere) предполагает спор, в течение которого отходят от первоначально произнесенного утверждения и принимают взгляд, выставленный противной стороной. В данном же случае инициатива исходила от меня. Между нами ничего подобного не происходило. Я тебе рассказывал, я ни с чем не соглашался. Дело обстояло так:

„Я напомнил тебе, что ты сам спросил г. Блинда, не является ли он автором анонимного памфлета, так как его устный рассказ совершенно совпадает по тону и по содержанию с листком. Я подчеркнул, что до встречи с г. Блиндом на уркартовском митинге 9 мая я ничего не знал о деятельности Фогта по поводу итальянской путаницы, не знал ничего, кроме его письма к тебе. Я напомнил тебе, что в тот вечер, когда ты сообщил мне об этом письме, я был чрезвычайно далек от того, чтобы вывести из него заключения касательно продажности Фогта и т. п. Я увидел в письме одну только его плоско-либеральную болтовню, несколько меня не удивившую. Я это подчеркнул для того, чтобы воздать каждому должное— à tout seigneur tout honneur— и никоим образом не умалить заслуг г. Блинда в деле раскрытия государственной измены, совершенной Фогтом.

„Во-вторых, мне в голову не приходило сказать, что „в письме Фогта не заключается ни одного слова, на основании которого можно было бы возвести против него, Фогта, обвинение“. Я сказал только, что мне по прочтении письма не пришло в голову делать такого рода выводы. Однако субъективное впечатление, произведенное на меня непосредственно этим письмом, весьма отличается от объективного суждения относительно содержания письма, в особенности же относительно предположений, которые на основании его могут быть построены. Я не имел ни повода, ни случая заняться критическим разбором письма, необходимым для составления подобного объективного суждения. То, что г. Блинд, например, совершенно не так понимал письма Фогта

к тебе, к нему и пр.,—известно тебе и было известно и ранее. В его статье в „Free Press“, например, эти письма определенно упоминаются в качестве *corpora delicti*, хотя имена и не приводятся. То же самое произошло и с его объяснением в „Augsburger Allgemeine Zeitung“.

„От г. Фогга перехожу к г. Бете, „номер 43“ которого я по получении твоего письма купил. Прочтя это произведение, я решил сделать то, что делаю уже долгие годы, а именно игнорировать подобную дребедень. Однако сегодня получил от двух близких друзей (живущих не в Лондоне) настоятельное приглашение сделать заявление в интересах партии. Прежде всего в течение двух суток обдумую доводы за и против. Если я по зрелом обсуждении решу выступить с объяснением, то оно будет заключать по существу следующие пункты:

„1. Если бы мне, вопреки истине, пожелали приписать какое-либо влияние на тебя, то относиться это могло бы разве только к краткому периоду существования „Новой Рейнской Газеты“, когда ты писал великолепные и, конечно, популярнейшие из твоих стихов.

„2. Краткий биографический очерк г. Бетциге, alias (иначе) Ганса Беты, начиная с того времени, когда он в Берлине издавал театральный шантажный листок... затем о его последующей деятельности в Лейпциге, когда он одновременно клеветал на меня в „Gartenlaube“ и присваивал себе мои памфлеты против Пальмерстона...вплоть до настоящего времени, когда он выступает в качестве фактотума Готфрида Кинкеля. Пожалуй, было бы полезно показать немецкой публике, что за шайка мошенников-люмпенпролетариев громче всех квакает в гнилом болоте нынешней немецкой ежедневной прессы.

„3. Два письма Гейне ко мне, на основании которых публика да рассудит между компетенцией Гейне и компетенцией Беты.

„4. Наконец, несколько писем от Иоганна Кинкеля и Иоганны Кинкель ко мне, относящихся ко времени „Новой Рейнской Газеты“. Последние помогли бы мне скинуть попамелодрамматика с высоких ходул, на которых сей патер Брей (так должен быть прочитан текст) шагает во вполне для него подходящей арене „Gartenlaube“.

„Сообщаю тебе все это на тот случай, чтобы, как водится между друзьями, ты был предупрежден, если я решусь выступить с объяснением.

„Что касается Либкнехта, то Кольб, очевидно, стремится оправдать себя в глазах Котты, принося, на основании твоего письма, Либкнехта в жертву в качестве козла отпущения за свои собственные—не либкнехтовы—грехи (*quidpro quo*). *Pessant reges, plectuntur Achivi* (паны дерутся, у холопов чубы трещат) остается изречением очень верным.

„Для того, чтобы предупредить возможность недоразумений, я одновременно с настоящим посылаю Либкнехту выдержки из этого письма, поскольку они касаются истории с Фогтом.

Твой К. Маркс“.

На это письмо Фрейлиграт отвечает 28 ноября:

„Дорогой Марк! Твое письмо от 23 сего месяца и письмо Либкнехта от того же числа я получил и простоты ради отвечаю на твое имя.

„Что касается письма Либкнехта, то меня не мог удивить ни его заносчивый и дерзкий тон, ни содержание его, имевшее целью повернуть обвинение против меня! В самом деле очень красиво выходит: лондонский корреспондент „*Augsburger Allgemeine Zeitung*“ в праве *ad libitum* (по желанию), притом не предупреждая меня, предоставлять мое имя в распоряжение г. Кольба; если же я протестую против такого злоупотребления, то должен сначала об этом всепокорнейше заявить!! Аргументация Либкнехта в защиту этой миленькой доктрины носит характер до того ученический, что она не нуждается в настоящем опровержении с моей стороны. Я только замечу просто: ни при каких обстоятельствах и ни из каких личных или партийных соображений я не позволю устраивать такие шулки.

„Вот и все насчет Либкнехта! Теперь перейдем к твоему письму: охотно принимаю твой протест против выражения „согласился“, встречающегося в моем письме к Либкнехту от 21 ноября. Выражением этим я нисколько не дорожу; за ним не крылось никаких намерений, и я с таким же успехом мог бы сказать „заметил“ или „высказался“. Итак, насчет „согласился“ я беспрекословно с тобой соглашаюсь. Если мы оба с самого начала стояли на одной точке зрения, тем лучше!

„Относительно твоего заявления про Бету, конечно, тебе виднее. Хотя по-моему первое твое движение—игнорировать

все дело—было и лучше, и достойнее тебя! Теперь, когда прошло больше, чем дважды двое суток на размышление, ты уже, вероятно, принял решение. Так или иначе, меня это не касается! Опубликование писем Гейне к тебе может, конечно, оказаться интересным, — только я не вижу, к чему они при этом случае; не полагаешь же ты, что нуждаешься в аттестациях. А так дело будет понято.

„То, что ты, „как водится между друзьями“, предупредил меня о твоём выступлении против Беты,— весьма похвально. Впрочем, насколько я понимаю, твоё заявление имеет быть направлено против Беты, а не против меня, и поэтому вряд ли необходимо было меня о нём предупредить.

„На всякий случай я еп геванше в свою очередь не хочу умолчать о том, что, по всей вероятности, и я выступлю с заявлением, где повторно и раз навсегда попрошу воздержаться от втягивания моего имени в эту историю.

Твой Ф. Фрейлиграт“.

В обоих письмах сквозит раздражение, вполне понятное у Фрейлиграта. Он с полным основанием был недоволен тем, что Кольб неправильным образом втянул его в спор да еще при компрометирующих побочных обстоятельствах. Из примечания Кольба к его заявлению от 5 ноября Фрейлиграт увидел, что от Либкнехта исходил первый толчок к тому, чтобы впутать его в дело, к тому же в такой форме, какой Кольб легко мог злоупотребить. Поэтому было бы вполне уместно, если бы Либкнехт обратился к Фрейлиграту с извинением или с объяснением. Когда же вместо того Либкнехт вздумал требовать, чтобы Фрейлиграт ранее, нежели выступить против Кольба, запросил его,— вполне понятно, что недовольство Фрейлиграта могло только усилиться.

Письмо Маркса Фрейлиграту, как видно из заключительной фразы, является попыткой оказать помощь Либкнехту. Однако письмо это мало имело шансов направить испорченное дело по правильному пути. Спор из-за выражения „согласился“ был в конце концов спором о словах, а по тяжелой артиллерии, выдвинутой Марксом против Беты, видно, что она направлена была не против этой весьма второстепенной личности, а в подкрепление претензий Либкнехта на предварительное сообщение ему направленного против Кольба заявления.

Так это Фрейлиграт и понял и отделался шуткой, что, конечно, не могло способствовать смягчению разошедшихся страстей.

Заявление, о котором Фрейлиграт упоминает в конце письма, появилось 11 декабря в „Augsburger Zeitung“. В нем он повторно и раз навсегда протестовал против злоупотреблений его именем, в частности против всякого втягивания его имени в фогтовскую историю, и заметке о его пассивном сотрудничестве в „Volk“ он противопоставлял „одно только спокойное пассивное сопротивление“. На беду Кольб опубликовал это заявление вместе с полученным им одновременно протестом Блинда, так что возникло ошибочное представление о совместных действиях Фрейлиграта и Блинда.

Взбудораженный свидетельством наборщика Фегеле, посланным Марксом в Аугсбург, Блинд уже 3 ноября выступил с первым протестом. В нем он заявляет, что он и его друзья из республиканской партии безусловно осуждают образ действий Фогта, подтверждает факт предложения денег, сделанного Фогтом лондонским немцам, попрежнему отрицает, что является автором листка, и прилагает два свидетельства для подкрепления этого отрицания: одно от Фиделио Голлингера, называвшее „зловредным вымыслом“ утверждение наборщика Фегеле о том, что листок отпечатан в голлингеровской типографии и что Блинд является автором его, и второе свидетельство от наборщика Виге, работавшего уже одиннадцать месяцев у Голлингера и подтверждавшего правильность этих показаний. В ответ на это Маркс в возражении, помеченном 15 ноября, излагает, почему приходится считать Блинда автором листка, и приводит в виде доказательства то обстоятельство, что Блинд рассказывал о содержании листка до напечатания его разным лицам, в том числе и Марксу, и Фрейлиграту. На это Блинд ответил в своем заявлении, вышедшем вместе с вторым объяснением Фрейлиграта, обвиняя Маркса в „бессовестной лжи“ и еще раз ссылаясь на Голлингера и Виге.

Поместив эти заявления, „Augsburger Zeitung“ объявила дискуссию законченной и заключила ее довольно грубым замечанием по поводу „этих господ“, на что почтеннейшие Кольб и Оргес меньше всего имели право. Они еще ранее того отклонили заявление, посланное им Марксом 7 ноября. Оно появилось в гамбургской „Reform“ и замечательно тем, что Маркс в нем говорит: „Одно из двух: либо он (автор листка) сознательно

солгал, чего я о Карле Блинде не предполагаю; или же он впоследствии убедился, что данные, дававшие ему право написать листок, были неверны. В таком случае он тем более обязан объясниться. Или, наконец, доказательства у него в руках, но по соображениям частного характера он желает все дело затушевать и с великим смирением сносит гнилые яйца, которыми закидывали, правда, не его, а меня“. Маркс до самого конца полагал, что правильно было именно это третье предположение.

Однако, насколько теперь можно судить, подробности относительно измены Фогта Блинд просто высосал из пальца и, не долго задумываясь, стал сплетничать и важничать. Когда дело приняло неприятный оборот, он вздумал все отрицать и тем самым запутывался все больше. Правда, поведение его от этого не становится красивее.

На письмо Фрейлиграта от 28 ноября Маркс ответил немедленно:

„Дорогой Фрейлиграт! Я не писал письма за Либкнехта и не состою его attorney (адвокатом). Тем не менее, я передам ему копию относящихся к нему выдержек из твоего письма. Заявление, о котором я было думал, я не опубликую, памятуя *odi profanum vulgus et arceo* (стихи Горация такого содержания: „Я ненавижу чернь и не желаю вступать с ней в сношения“).

„Заявление было направлено против Беты, но именно поэтому, как ты можешь видеть по *sumptu* (контексту), также и по поводу тебя. По одному этому я тебя об этом предупредил, не говоря уже об интимности, с которой твоя и Беты фамилии появляются в его *opusculum* (произведении).

„Тебе неприятно, что имя твое впутали в фогтовскую историю. Какого мне чорта до Фогта и до его гнусной лжи в Бильском „*Handelskurier*“, но я не желаю, чтобы имя мое служило маской для демократических хитрецов. Ты хорошо знаешь, что если кто-либо принужден ссылаться на свидетелей, то никто не может „просить избавить“ его от того, чтобы выступить в качестве такового. По старым английским правовым обычаям, *revive witnesses* (уклоняющиеся от дачи свидетельских показаний) могут быть даже преданы смерти — *horribile dictum!*

„Что, касается, наконец, партийных соображений, то я привык к тому, чтобы пресса забрасывала меня грязью за всю партию и чтобы мои частные интересы постоянно страдали из-за инте-

ресов партийных; с другой стороны, я также привык не рассчитывать на то, чтобы принимались в соображение мои частные мотивы. Привет.

Твой К. М.*

На это письмо Фрейлиграт непосредственно не ответил, но в письме от 10 января 1860 года он жалуется Марксу на то, что некий Рейфф, привлекавшийся, но не осужденный, по кельнскому процессу коммунистов, продолжает свободно вращаться в кругу немецких коммунистов в Лондоне, хотя из Германии последовал приказ об аресте его по обвинению в преступлении против нравственности. Фрейлиграт заявляет, что выждет мер, какие партия намерена принять по поводу этой грязной истории; сам же он покамест отказал Рейффу от своего дома.

Если Маркс и ответил на это письмо, составленное в несомненно раздраженном настроении, ответ его не дошел до нас.

VI

Новое столкновение возникло, когда Фогт в январе 1860 года выпустил отдельным изданием брошюру по поводу его процесса против „Allgemeine Zeitung“.

Фогт воображал, будто укреплял благоприятное для него положение, создавшееся в течение процесса, тем, что распускал самые причудливые выдумки по поводу „шайки поджигателей“. Суть их заключалась в том, что Маркс якобы являлся главарем шайки, вовлекающей живущих в Германии обывателей в тайные заговоры с тем, чтобы потом, под угрозой выдачи их полиции, вымогать у них деньги: по словам Фогта, были сотни таких случаев. В нынешнее время столь идиотски-гнусная клевета просто прошла бы незамеченной, приведя в восторг разве лишь „истинно-немецких людей“. Но в те времена дело обстояло иначе. Маркс уже десять лет как исчез из поля зрения немецкой публики, а Фогт свою ложь столь искусно смешал с полустинами, что она в первый момент ошеломила даже людей, которых ошеломить было не легко, в том числе Лассаля, и даже в доме самого Маркса поднялось смятение, когда в конце января 1860 года в Лондон пришли, опережая брошюру Фогта, две передовые статьи

„Nationalzeitung“, излагавшие содержание брошюры и приводившие из нее выдержки.

На беду случилось так, что к этим волнениям прибавилось письмо, полученное Марксом из Германии, где сообщалось, что, кроме обоих заявлений Фрейлиграта, Фогт опубликовал еще и письмо поэта, указывающее на его близкие отношения с Фогтом; имя Фрейлиграта было, впрочем, единственным упоминавшимся именем с политическим весом, и на этом Фогт строил свои расчеты. Однако, как можно убедиться при чтении брошюры Фогта, неизвестный сплетник сильно преувеличил: в действительности Фогт лишь издевается по поводу того, что Кольб в отчаянии старается уцепиться за Фрейлиграта; сам же он заявлениям Фрейлиграта особого значения не придает, так же, как и краткому письму, при котором Фрейлиграт ему, по его желанию, возвратил письмо от 1 апреля. Строки эти не указывают ни на близкие, ни вообще на личные отношения между Фрейлигратом и Фогтом. Фрейлиграт просто считал себя обязанным соблюсти лояльность и возвратить адресованное ему письмо, могущее послужить автору его для защиты от тяжких и пока что недоказанных обвинений.

Однако в первом порыве негодования по поводу гнусности Фогта Маркс оказался легковвернее, нежели он бывал обычно. К этому следует прибавить, что он сначала не мог убедиться в истинном положении дела, так как Фогт позаботился о том, чтобы его памфлет попал в Англию как можно позже. В поисках этого произведения Маркс зашел к Фрейлиграту в его контору, ядовито заметив, что Фрейлиграт, конечно, получил от своего друга Фогта экземпляр брошюры. Вполне понятно, что это Фрейлиграта задело; он резко ответил, что Фогт ему не друг и что брошюры у него нет.

Прежде всего Маркс весьма быстро расправился с Блиндом. В открытом письме, написанном по-английски и адресованном редактору „Free Press“, он публично назвал „гнусной ложью“ утверждение Блинда, Виге и Голлингера, будто анонимный листок отпечатан не в типографии последнего; приводя имевшиеся у него доказательства, он добавляет: „Следовательно, я в праве еще раз назвать вышеупомянутого Карла Блинда наглым лжецом. Если я не прав, ему легко опровергнуть меня, обратившись в английский суд“. Блинд благоразумно воздержался от такого обращения, зато поместил пространное

объяснение в „Allgemeine Zeitung“, резко нападая на Фогта и косвенно обвиняя его в продажности,—хотя и открещиваясь опять-таки от авторства листка.

Тем временем Маркс собрался нанести Блинду вторичный, уничтожающий удар. 8 февраля наборщик Виге подписал affidavit (т.-е. клятвенное заверение, подвергавшее его, в случае несоответствия истине, всем законным последствиям клятвопреступничества), в котором он еще раз подтверждал, что сам верстал набор листка в типографии Голлингера для перепечатки в „Volk“, а также видел несколько поправок, сделанных рукою Блинда на корректурах; он заявлял далее, что прежние его показания добыли у него Голлингер и Блинд, первый обещав ему деньги, второй — обещав благодарность в будущем. Маркс распространил affidavit Виге в различных кругах, после чего 15 февраля некий Карл Шайбле выступил в „Daily Telegraph“ с письмом, в котором называл себя автором листка: „Daily Telegraph“ еще до того перепечатал клевету „Nationalzeitung“. Шайбле был эмигрант-баденец, привыкший выполнять в государственных действиях Блинда роль козла отпущения, и на этот раз также пожертвовал собою в пользу своего учителя и господина, сделав прекомичное заявление о том, что „по независящим обстоятельствам“ он лишен был до сих пор возможности раскрыть свое инкогнито, как следовало сделать по отношению к гг. Марксу и Блинду.

Таким образом, с Блиндом было покончено. Труднее или, по меньшей мере, хлопотливее было справиться с Фоггом. Маркс решился выпустить литературное опровержение, что и Лассаль считал наиболее правильным выходом. Но для этого требовалась предварительная переписка с лицами, из которых некоторые жили вне пределов Европы; дело затягивалось на долгие месяцы, и действительно книга вышла лишь через год. Поэтому Маркс предполагал также возбудить судебную жалобу против „Nationalzeitung“, хотя Лассаль, по собственному опыту досконально знавший прусскую юстицию, решительно отсоветовал это делать; Маркс собирался привлечь к суду также и „Daily Telegraph“, перепечатавший измышления берлинской газеты. Но для выступления как судебного, так и литературного нельзя было обойтись без вовлечения Фрейлиграта в историю: Маркс послал ему открытое письмо против Блинда и affidavit наборщика Виге, прибавив несколько строк, на которые Фрейлиграт, однако, не ответил. После этого Маркс

написал ему из Манчестера, куда он ездил советоваться с Энгельсом и Вольфом, следующее письмо:

Манчестер, 6 Thorncliffe Grove, Oxford Road.

23 февраля 1860 года.

„Дорогой Фрейлиграт! Пишу тебе еще раз, притом в последний раз, по делу Фогта. Получение моих первых двух посылок ты даже не acknowledged (подтвердил), что ты сделал бы непременно по отношению к каждому филистеру. Не могу же я предположить, будто ты воображаешь, что я хочу заполучить от тебя письмо с целью публично его использовать. Тебе известно, что у меня имеется не менее двух сотен писем от тебя, в которых заключается достаточно материала, чтобы в случае надобности констатировать твои отношения ко мне и к партии.

„Настоящее письмо пишу тебе потому, что ты в качестве поэта, да еще к тому же заваленного делами, очевидно ошибаешься относительно значения процессов, возбужденных мною в Лондоне и Берлине. Они имеют решающее значение для исторической защиты партии и для ее будущего положения в Германии; берлинский процесс в особенности, потому что одновременно с ним будет разбираться процесс Эйхгоф-Штибера, центром которого ведь является кельнский процесс коммунистов.

„Grievances (претензии), которые ты можешь иметь ко мне, сводятся к следующему:

„1. Я злоупотребил твоим именем (как ты сказал Фаухеру).

„2. Род „сцены“, которую я устроил тебе в твоей office (конторе).

„К п. 1. Я сам никогда не называл твоего имени, кроме того случая, когда я в „Augsburger Zeitung“ написал, что Блинд сказал тебе то же самое, что и мне. Это факт. Я с самого начала видел, насколько важно указать на истинное происхождение памфлета. Я имел право указать на свидетеля, слышавшего слова Блинда.

„Что касается письма Либкнехта в редакцию „Augsburger Zeitung“, в котором он ссылается на тебя и на меня по поводу Блинда, то он в случае надобности может клятвенно подтвердить, что сделал это без моего ведома; точно так же без моего ведома и во время моего от-

существования (я находился в Манчестере) он послал в „Augsburger Allgemeine Zeitung“ листок „Остерегайтесь!“. Когда „Augsburger Zeitung“, после жалобы, принесенной на нее Фогтом, обратилась к Либкнехту, он даже сомневался, не девавирую ли я его, как я в праве был сделать, и удивился, когда я ему сразу же заявил, что по мере сил за него заступлюсь.

„То, что я выступил в его защиту после твоего письма к нему, — в том письме, которое я послал тебе, — произошло просто потому, что мне показалось невеликодушным с твоей стороны, со стороны человека с именем и общественным положением, так резко обрушиться на безвестного и ютящегося в мансарде члена партии, с которым ты был до того в хороших отношениях.

„Что же касается раздраженного тона моего письма, то объяснялось это различными обстоятельствами.

„Прежде всего меня глубоко задело, что ты Блинду как будто бы доверял больше, чем мне.

„Во-вторых, в письме, которое ты мне написал в весьма раздраженном тоне по поводу „Morning Advertiser“ (статья о шиллеровских торжествах), как будто бы проглядывало, что ты считаешь меня способным на такую гнусность, чтобы не только тайно вставить оскорбительное для тебя место в статью Блинда, но затем выставить это место в твоих глазах в качестве выходки Блинда. Я, право же, не знаю, чем я мог заслужить такое обидное предположение.

„В-третьих, ты мое частное письмо к тебе показал Блинду.

„Наконец я, право же, мог ожидать, в особенности после статьи в „Gartenlaube“, что ты к моему заявлению в „Augsburger Zeitung“ прибавишь хотя бы некоторый намек, который бы рассеял видимость того, что оно знаменует личный разрыв со мной и публичный отказ от партии. Не могло меня порадовать и то, что второе твое объяснение появилось одновременно с блиндовым и что твоим именем прикрывались его ложь и выдумки. Впрочем, даю тебе честное слово, что все заявления Либкнехта в „Augsburger Zeitung“ до появления их в газете были мне неизвестны.

„К п. 2. В тот день, когда я зашел в твою office (контору), оба номера „Nationalzeitung“ (в первом напечатаны были появившиеся впоследствии в „Telegraph“ позорные выдержки и комментарии) только что были получены у меня дома из

Берлина. В доме у нас было величайшее смятение, и бедная моя жена была действительно в ужасающем состоянии. В то же время я получил из Германии письмо, в котором мне сообщали, что в позорной книжке Фогта напечатано, кроме вышедших в „Augsburger Allgemeine Zeitung“ заявлений, также и письмо, писаное тобою, откуда явствует твоя близкая дружба с Фоггом, а также, что твое имя—единственное, придающее политический вес проискам Фогта и прикрывающее перед публикой его гнусности. Попробуй себя представить в моем положении и спроси себя, не взял ли бы у тебя также аффект перевес над рассудком, хотя бы на мгновение?

„Повторяю еще раз: в письме этом речь идет не о частных интересах. В лондонском процессе я могу без твоего разрешения вызвать тебя в качестве свидетеля (subpoena — с требованием привода). Для берлинского процесса я имею в своем распоряжении письма от тебя, которые в случае надобности могу приобщить к делу. Во всем этом деле я отнюдь не один. Во всех странах—в Бельгии, в Швейцарии, во Франции и Англии — постыдное нападение Фогта создало мне неожиданных союзников, даже в лице людей, принадлежащих к совершенно иным направлениям...

„Но в интересах обеих сторон и в интересах самого дела лучше бы действовать en entente (сообща).

„С другой стороны, прямо заявляю тебе, что я не могу решиться из-за мало значащих недоразумений утратить одного из немногих людей, которых я в подлинном смысле слова любил, как настоящих друзей.

„Если я чем-либо перед тобой провинился, то я во всякое время готов признаться в моей вине. Nihil humanum a me alienum puto (ничто человеческое мне не чуждо).

„Наконец, я вполне понимаю, что в твоём нынешнем положении всякая история вроде этой не может не быть тебе противной.

„Ты же, со своей стороны, согласишься, что оставить тебя совершенно вне этого дела невозможно.

„Во-первых, потому уже, что Фогт в политическом отношении спекулирует твоим именем и делает вид, точно может, будучи уверен в твоём согласии, закидать грязью всю партию, гордящуюся тем, что может считать тебя своим.

„К тому же ты случайно являешься единственным членом кельнского центрального комитета, проживавшим с конца

1849 года по весну 1851 г. в Кельне и переселившимся затем в Лондон.

„Если мы оба сознаем, что каждый из нас на свой лад, отбрасывая всякого рода частные интересы и по самым чистым побуждениям, в течение долгих лет держал высоко над головами филистеров знамя за *classe la plus laborieuse et la plus misérable* (класс, наиболее обремененный работой и нуждой), то я бы счел за мелочное прегрешение против истории, если бы мы разошлись из-за пустяков, которые все в конце концов можно выяснить.

С искреннейшей дружбой твой Карл Маркс“.

При добродушнейшем характере Фрейлиграта можно было бы ожидать, что это сердечное и делающее одинаковую честь обоим письмо немедленно поведет к примирению. С другой стороны, вполне понятно, что для Фрейлиграта труднее было превозмочь конфликт с Марксом, чем с кем-либо из литераторов, к кому он относился равнодушно. Поэтому в письме, которое Фрейлиграт послал Марксу 28 февраля, еще слышится погромыхивание бури. Вот текст этого ответа:

„Дорогой Маркс! Все твои письма я получил. Искренно благодарю тебя и от души отвечаю тем же на заверения в дружбе, не омраченной недавними недоразумениями, о чем ты пишешь мне в твоём последнем письме.

„Ты вполне правильно истолковал мое долгое молчание в ответ на прежние твои письма. Естественно, что противоречие между тоном твоих писем и решительной враждебностью твоего неожиданного посещения в тот вечер показалось мне странным. Теперь все хорошо—я вполне удовлетворен твоими объяснениями. Ты знаешь издавна, еще со времен нашей жизни на родине, что не в моем духе мелочное злопамятство.

„Итак, пока что мы вполне согласны. Я рад, что вижу в тебе попрежнему старого друга, и отношусь к тебе с такой же верностью и теплотой, как в течение последних двенадцати лет—а в искренности и постоянстве этих чувств ты за это время имел случай убедиться.

„Теперь же дай поговорить с тобой честно и открыто и обо всем остальном. При всей личной дружбе к тебе и при всей верности общим нашим убеждениям, я тем не менее принужден решительно отказаться от того, чтобы всецело стать на твою точку зрения в твоём споре с Фогтом, Блиндом,

„Nationalzeitung“ и „Daily Telegraph“. Дело это, что бы ты ни говорил о его значении, мне противно — я несколько не повинен в возникновении его — и я не считаю себя обязанным следовать за тобой по этим дебрям.

„Дело другое, что ты в праве вызвать меня в качестве свидетеля во время предстоящего в Лондоне процесса, что ты можешь приобщить к делам берлинского процесса мои старые письма, я, разумеется, не имею возможности поменять тебе это сделать даже против моей воли.

„Впрочем, толку из этого большого не выйдет. В качестве свидетеля я могу лишь подтвердить то, что признает сам Блинд и что он лишь недавно сам высказал в помещенном в „Augsburger Zeitung“ воззвании „Против Карла Фогта“, а именно, что он убежден в виновности Фогта и никогда не скрывал этого убеждения с тех пор, как прошлой весной получил от Фогта то письмо. Это свидетельство (а другого показания я дать не могу) несколько не доказательно для раскрытия авторства листка — листка, которого я никогда не видел воочию, который я знаю только по перепечатке в „Volk“ и по поводу которого я лично от тебя и Либкнехта узнал, что автором его является Блинд.

„Приблизительно так же обстоит дело и с могущими быть приобщенными к делу письмами, поскольку они должны служить подтверждением моих отношений с тобой и с партией. Отношения эти в подтверждении не нуждаются. Они достаточно подтверждены моим участием в „Новой Рейнской Газете“, моей причастностью к кельнскому процессу и моей вторичной эмиграцией после 1851 года. Таким образом, приобщение к делу или даже напечатание этих писем оставляет меня совершенно равнодушным. Прошлое мое известно всем, и я за него отвечаю.

„Тем не менее и несмотря на то, что я всегда оставался и останусь верен знамени de la classe la plus laborieuse et la plus misérable, ты знаешь не хуже моего, что отношение мое к партии в прошлом и отношение мое в настоящем две вещи совершенно разные. Когда в конце 1852 года вследствие кельнского процесса было объявлено о роспуске Союза, я освободился от всех оков, налагаемых на меня партией, как таковой, и сохранил лишь личные отношения с тобой, моим другом и товарищем по убеждениям. От партии я в течение семи лет держался далеко, на собраниях ее я не при-

существовал, ее действия и постановления оставались мне чужды. Таким образом, отношения мои с партией на деле давно не существуют. Таково было своего рода молчаливое соглашение между нами; мы на этот счет никогда друг друга не обманывали. Я могу лишь сказать, что при этом я себя прекрасно чувствовал. Моей природе, как и природе всякого поэта, необходима свобода! Партия — тоже клетка, и песни, даже за партию, лучше распевать снаружи клетки, нежели внутри нее. Я — поэт пролетариата и революции, задолго до того, как стал членом Союза и членом редакции „Новой Рейнской Газеты“! Так и впредь я хочу стоять на собственных ногах, хочу принадлежать одному себе и сам собою распоряжаться.

„Еще и по другим соображениям я ни разу не пожалел о том, что отошел от партии. Когда я вспоминаю обо всех двусмысленных и сомнительных элементах, успевших уже, несмотря на все предосторожности, пробраться в партию, когда я вспоминаю о всех Теллерингах, Флери и пр. и пр., когда я принужден признать, что в обвинительном акте по кельнскому процессу мое имя называлось рядом с именем такого субъекта, как Рейфф, — тогда я из одного лишь чувства опрятности бесконечно рад, что давно уже не принадлежу фактически к обществу, в котором мог бы изо дня в день приходиться в соприкосновение с подобного рода личностями.

„Если необходимо оформить эту фактическую непричастность, то настоящим я — *sine ira et studio* (беззлобно и спокойно) и опять-таки подчеркивая мое попрежнему дружеское к тебе расположение — придаю форму свершившемуся факту.

„Ты признаешь, дорогой Маркс, что история с Фогтом и Блиндом дала лишь повод выразить положение вещей, а никак не создала его. Если бы раньше вышел аналогичный случай, те же объяснения имели бы место раньше.

„Что мне еще прибавить? Разве что уверение, что я всей душой рад буду, если ты сохранишь мне свою прежнюю привязанность после того, как я объяснился с тобой до конца.

„И еще одно! Одного места в твоём письме я не понимаю. Это следующее: „К тому же ты случайно являешься единственным членом кельнского центрального комитета, прожившим с конца 1849 года по весну 1851 в Кельне и переселившимся затем в Лондон“. Неужели ты этим хочешь сказать, что берлинские процессы (и твой, и процесс Эйхгоф-Штибера, для которого ты доставил материал редактору „Нег-

тапп'а“) поведут к разоблачениям относительно кельнского процесса 1852 года? Меня лично это затронуть не может, хотя в течение кельнского процесса моя причастность к Союзу отнюдь не была установлена, хотя даже вопрос обо мне остался еще открытым! Мне совершенно безразлично, занесен ли я в черную книгу несколько более или менее черными буквами, и поэтому я был бы просто изумлен, если бы прусской полиции были любезно предоставлены подробности, оставшиеся ей неизвестными в 1852 году! Но ты, однако, не должен забывать, что в Германии живут люди, которых такого рода запоздалые разоблачения могут серьезно затронуть и что подобные случайности вполне справедливо пошли бы твоим врагам на пользу. Ты, конечно, не думал о том, чтобы заставить меня вычитать такого свойства намеки в приведенном мною месте. Повторяю, я его не понимаю.

С неизменной дружбой

Твой Ф. Фрейлиграт“.

Фрейлиграт несомненно вполне искренно уверял Маркса в чувствах неизменной дружбы, но нельзя также отрицать, что в его письме заключались такие места, которые никак не могли быть приятны Марксу. Так, например, место о „чувстве опрятности“, оскорбляемом партией. Теллеринги и Флери вообще никогда не были членами Союза Коммунистов. Теллеринг состоял венским корреспондентом „Новой Рейнской Газеты“, в эмиграции же всех оттолкнул от себя невыносимым пристрастием к сплетням и ссорам; Флери был лондонским коммерсантом, при чем на кельнском процессе коммунистов выяснилось, что он состоял шпионом на службе прусского правительства.

Конец письма также включает еле прикрытые упреки, направленные по меньшей мере против политического такта Маркса. Вряд ли было вставлено без желания выразить порицание то место, где говорится, что Маркс снабдил материалами редактора „Hermann'a“. „Volk“ был основан в виде противовеса „Hermann'у“. Однако Кинкель еще летом 1859 года отошел от „Hermann'a“, и после того прекратилось и издание „Volk“. Теперь дело изменилось в том смысле, что новый редактор „Hermann'a“ Юх (Juch), — к слову сказать, тот самый, который несколько лет спустя первый возбудил вопрос о сборе

в пользу Фрейлиграта,— предоставил юному Вильгельму Эйхгофу из Берлина столбцы своей газеты для энергичной и успешной кампании против полицейских приемов Штибера.

Вообще говоря, мягкость в политической борьбе не принадлежала к отличительным добродетелям Маркса, если ее вообще считать добродетелью. Не в его духе было молча глотать более или менее горькие пилюли. Тем более говорит в пользу как его, так и Фрейлиграта, что по получении этого письма он стал делать еще большие усилия, чтобы вернуть старого друга. Сделал он это в письме, посланном опять-таки из Манчестера и помеченном 29 февраля. Письмо это приводится здесь тоже полностью, за исключением одной фразы, обозначенной многоточиями. Фраза эта содержит тяжкое обвинение по поводу частной жизни Клапки, и нынче обвинение это проверено быть больше не может; так как в книге, направленной против Фогта, Маркс пункт этот обходит молчанием, довольствуясь тем, что подвергает критике общественную сторону деятельности Клапки,— пропуск этот, несомненно, соответствует его желаниям. Текст письма таков:

„Дорогой Фрейлиграт! мне было очень приятно получить твое письмо, так как в дружбу я вступаю лишь с очень немногими, но зато ею и дорожу. Друзья мои 1844 года остались друзьями моими и поныне. Что же касается, собственно, официальной части твоего письма, то она покоится на крупных недоразумениях. Поэтому скажу в пояснение следующее:

„1. Процесс Эйхгоф-Штибера.

„Материал“, доставленный мною Юху (при чем я ему объяснил, что ни он, ни Эйхгоф не заслуживают моей поддержки по двум причинам: во-первых, из-за того, как они в „Негманп'е“ упомянули о кельнском процессе; во-вторых, потому, что я убежден, что Эйхгоф является простым орудием в руках бывшего полицей-советника Дункера, желающего отомстить Штиберу, совершенно так, как некогда в Париже Видок отомстил Жискэ; но что я, тем не менее, сделаю все, что смогу, чтобы содействовать падению и наказанию Штибера, хотя бы из мести за смерть моего друга Даниэля),— этот материал сводится к следующему:

„Я дал Юху экземпляр „Разоблачений по поводу кельнского процесса коммунистов“, — замечь, печатного моего про-

изведения, вышедшего сначала в Швейцарии, а затем в Бостоне, цитируемого Фогтом как общеизвестная книга, в которой, следовательно, не было ничего „тайного“.

„Я сказал Юху, что в книге этой заключается все, известное мне по этому делу.

„Наконец, я указал ему на то, что Левальд (защитник Эйхгофа) должен настоять на вызове в качестве свидетеля Гирша, проживающего в Гамбурге. Это и имело место. Гирш показал под присягой, что „Книга протоколов“ была прусским изделием и никоим образом не могла служить основанием для судебного преследования.

„Итак, „разоблачения“, которые будут сделаны на этом процессе на основании моих „материалов“, освобождают бывших членов Союза даже от видимости юридической culpa (виновности) и „разоблачают“ прусскую полицейскую систему, систему, которая, будучи введена на „кельнском процессе“ и допущена благодаря гнусной трусости кельнских присяжных, выросла в Пруссии в настоящую власть, ставшую теперь, наконец, невыносимой для буржуа и для министерства Ауэрсвальда... Voilà tout (Вот и все).

„Впрочем, не мало удивляет меня одна твоя мысль, будто я могу что-либо предоставить, преподнести к услугам полиции. Напоминаю тебе небезызвестные тебе письма из Кельна (1849 и 1850 годы), в которых меня прямо упрекали в том, что я давал заглухнуть агитационной деятельности Союза (что я делал действительно по веским основаниям, насколько не из личных соображений).

„2 Мой процесс против „Nationalzeitung“.

„Замечу d'abord (сначала), что после того, как Союз по моему предложению был в ноябре 1852 года распущен, я никогда больше не принадлежал и не принадлежу к какому-либо тайному или явному обществу и что, таким образом, партия в этом совершенно внешнем (erhemegen) смысле слова перестала для меня существовать вот уже восемь лет. Лекции по политической экономии, которые я читал после выхода моей работы (с осени 1859 года) некоторым избранным рабочим, в том числе и бывшим членам Союза, не имели ничего общего с закрытыми обществами, даже менее, нежели доклады господина Герстенберга в шиллеровском комитете, например.

„Ты, конечно, припомнишь, что от заправил Нью-Йоркского довольно... [неразобранное Мерингом слово] Коммунистического Союза (в том числе от Альбрехта Компа, директора General Bank, 44 Exchange Place, New-York) ко мне было послано письмо, прошедшее через твои руки, и что в этом письме меня некоторым образом просили реорганизовать старый Союз. Прошел целый год, пока я ответил, и тогда я написал, что с 1852 года я не состою в связи ни с какими объединениями и что я глубоко убежден в том, что мои теоретические работы более полезны для рабочего класса, нежели участие в обществах, время которых на континенте прошло. После этого на меня было не мало нападков по поводу этого „бездействия“ в лондонской „Neue Zeit“ г. Шерцера, где я хотя и не назывался по имени, но было вполне ясно, о ком идет речь.

„Когда Леви приехал (в первый раз) из Дюссельдорфа,—он тогда и тебя часто посещал,—он даже собирался попотчевать меня восстанием фабричных рабочих в Изерлоне, Золингене и пр. Я резко высказался против подобного бесполезного и опасного безумия. Кроме того, я ему заявил, что не принадлежу больше ни к какому „Союзу“, в частности из-за опасностей, грозящих живущим в Германии лицам, и что я безусловно не могу вступать в такого рода объединения. Леви вернулся в П[ерманию] и, как мне вскоре оттуда написали, высказывался там с большой похвалой о тебе, между тем как мою „доктринерскую“ индифферентность всячески обличал.

„Итак, о партии, в том смысле, в каком ты о ней пишешь, я не знаю ничего, начиная с 1852 года. Если ты—поэт, то я—критик, и, право, с меня хватит опытов, которые я проделал с 1849 по 1852 год. Союз, так же, как Societe des Saisons в Париже, как сотня других обществ, был лишь эпизодом в истории партии, естественно развивающейся на почве современного общества.

„В Берлине мне нужно доказать две вещи (я имею в виду старую и устаревшую историю с Союзом):

„Во-первых, что с 1852 года не существует общества, членом которого я бы состоял;

„Засим, что г. Фогт—подлый и гнусный клеветник, если он осмеливается закидывать общество коммунистов, существовавшее до 1852 года, грязью, худшей, нежели теллеринговская.

„По поводу последнего пункта ты, конечно, являешься свидетелем, и твое письмо к Руге (помеченное летом 1851 года) служит доказательством, что в течение этого периода, о котором только здесь речь и идет, ты рассматривал подобного рода нападки, как направленные и против тебя лично.

„Заявление в „Morning Advertiser“, „Spectator“, „Examiner“, „People's Paper“ было подписано и тобою. Одна из копий этого заявления находится среди судебных материалов кельнского процесса.

„К тому же ты не имел ничего против того, чтобы об этом вновь упоминалось в моих „Разоблачениях“ (стр. 47 бостонского издания).

„Точно так же имя твое появилось в качестве фамилии казначея в наших печатных воззваниях к сбору пожертвований в пользу осужденных.

„Впрочем, навряд ли нужно возобновлять это все в памяти.

„Но совершенно необходимо, чтобы мой берлинский адвокат имел в руках следующее письмо от меня к Энгельсу; ввиду того, что оно написано на открытом бланке и что на нем имеются почтовые отметки Лондона и Манчестера, оно является официальным документом:

82 Deanstreet, Soho, Лондон,
19 ноября 1852 года.

Дорогой Энгельс! По моему предложению Союз в прошлую среду признал себя распущенным и заявил, что дальнейшее существование его не является более своевременным и на континенте. Впрочем, на континенте существование его фактически прекратилось со времени ареста Бюргерс-Резера. При сем прилагаю соответственное заявление для английских газет и пр. Кроме того, я составляю еще литографированный циркуляр (вместо него я выпустил впоследствии у Шабелица брошюру), в котором подробно расскажу о полицейских свинствах и пр., и пошлю в Америку воззвание относительно сбора денег в пользу заключенных и их семей. Казначей—Фрейлиграт. Подписано всеми нашими (несколько строк, не имеющих значения).

Твой К. М.

„Разумеется, в таком документе я не могу вычеркнуть ни одного имени. Это единственный повод, по которому я пользуюсь твоим именем, поскольку оно случайно встречается в моем письме от 1852 года, с целью установления

факта, а именно факта роспуска Союза. Я не вижу в этом ничего для тебя компрометирующего.

„Одно твое письмо, писанное в 1851 году, я желаю использовать для брошюры, которая выйдет после процесса. В нем нет решительно ничего компрометирующего в смысле юридическом. Так как до этого пройдет еще много недель, переговорю с тобой по этому вопросу лично.

„Из вышесказанного следует:

„Собрания, постановления и действия“ партии после 1852 года относятся к миру выдумок, что ты, впрочем, мог бы знать и без моих уверений и как будто бы знал, судя по весьма многочисленным письмам ко мне.

„Единственный род действий, которые я продолжал и после 1852 года, покуда это было нужно, т.-е. до конца 1853 года, вместе с некоторыми единомышленниками по ту сторону океана, была *system of mockery and contempt* (система насмешки и презрения), как окрестил ее г. Людвиг Симон в 1851 году в „*Tribune*“, по отношению к демократическим эмигрантским жульничествам и революционной болтовне. Твое стихотворение, направленное против Кинкеля, так же, как твоя переписка со мной в течение того времени, доказывает, что ты был совершенно *d'accord* (солидарен) со мной в этом пункте.

„Впрочем, сие не имеет никакого отношения к предстоящим процессам.

„Теллеринг и Флери никогда не принадлежали к Союзу. Что во время бури взбаламучивается и болото, что во время революции никогда не пахнет розовым маслом, что от времени до времени на участников ее попадают комья грязи, это—несомненно. *Aut—aut* (или—или). Впрочем, если принять во внимание направленные против нас огромные усилия всего официального мира, который в стремлении нас погубить не то что задел, а разгреб весь *Code pénal* (уголовный кодекс); если принять во внимание сплетни и клевету „демократии глупости“, не могущей простить нашей партии, что у нее имеется больше ума и характера, чем у ее противников; если припомнить одновременную историю всех остальных партий, если, наконец, спросить себя, какие факты (а не гнусности Фогта и Теллеринга, могущие быть опровергнутыми перед судом) могли бы быть приведены против всей партии,—то приходится притти к заключению

что в нашем XIX столетии она отличается своей опрятностью.

„Разве в буржуазной жизни или в trade (делах) возможно избежать грязи? Только там она считается на своем естественном месте. Пример—сэр Р. Карден (смотри парламентскую Синюю Книгу о подкупах при выборах), пример—господин Клапка, о личности которого я теперь получил самые точные сведения. Клапка . . . . .

„Честная подлость или подлая честность платежеспособной (впрочем, и это, как явствует из всякого торгового кризиса, лишь с весьма двусмысленными ограничениями) морали для меня ни на грош не выше малопочтенной подлости, от которой вполне отграничиться не смогли ни первые христианские общины, ни Клуб Якобинцев, ни наш покойный „Союз“. Но в буржуазном окружении привыкаешь к тому, чтобы терять чутье по отношению к почтенной подлости или подлой почтенности (респектабельности).

3. Частный случай Фогт-Блинда.

„После affidavit Фегеле и Виге (как известно, ложные affidavit караются ссылкой на поееление) и вынужденных ими объяснений Блинда (в „Allgemeine Zeitung“) и Шайбле (в „Daily Telegraph“) от 15 февраля, дело настолько ясно, что ныне твое показание по этому вопросу является совершенно излишним. В деле Блинда смущает меня только большое обилие данных.

„Я обратился по этому поводу к Эрнесту Джонсу, с которым я не встречался уже два года из-за его глупого, теперь им публично дезавуированного отношения к Брайту, Гильпину и пр. Я обратился к нему, во-первых, потому, что он по собственному почину—как, впрочем, многие, в том числе мне совершенно не известные лица—немедленно по выходе „Telegraph“ от 6 февраля высказал мне свое глубокое негодование по поводу гнусностей Фогта, имевшего бесстыдство утверждать, что Союз Коммунистов был основан и существовал с 1849 по 1852 год тем, что вымогал деньги у скомпрометированных в Германии лиц, угрожая им доносом, и выведившего близость мою к „Новой Прусской Газете“ из моего „свойства“ с фон-Вестфаленом (это меня порадовало из-за моей жены, так как от дам нельзя требовать, чтобы они были нечувствительны к поли-

тическим неприятностям и так как они привыкли измерять степень серьезности в дружбе именно при катастрофах); во вторых, потому что я по поводу весьма сомнительного в юридическом отношении дела Блинда не хотел обратиться к настоящему английскому юристу — правда, не из-за самого Блинда, а из-за его жены и детей. По этим самым соображениям я не отослал английский циркуляр в „Morning Advertiser“ и вообще ни в одну английскую газету, кроме „Telegraph“.

„Джонс сказал мне следующее: „Ты в праве—в случае надобности я сам с тобой пойду в суд—немедленно требовать приказа об аресте Блинда по обвинению в conspiracy (даче заведомо ложных показаний), на основании affidavit Виге. Однако имей в виду, что это будет преследование в уголовном порядке и что если ты подашь повод к возбуждению его, то приостановить дело ты уже не сможешь“.

„Тогда я спросил Джонса (который может тебе все это подтвердить; адрес его: 5 Cambridge Place, Kensington W.), не может ли он предостеречь Блинда и таким образом заставить его рассказать все, что он знает о Фогте, и принудить его сознаться в ложности сделанных им в „Augsburger Allgemeine Zeitung“ заявлений.

„Джонс ответил: что в случаях conspiracy (уголовного преступления, см. выше) всякая попытка со стороны адвоката to compound or bring about a compromise (действовать в качестве посредника или привести к полюбовному соглашению) наказуема в уголовном порядке. Джонс выступит в качестве моего council (представителя) в деле с „Telegraph“.

„После этих переговоров я очутился в затруднительном положении, так как, с одной стороны, я по отношению к моей семье обязан заставить „Telegraph“ взять его слова обратно, с другой же стороны, я не хотел предпринимать никаких шагов, могущих повредить семье Блинда в юридическом отношении. Выход я нашел в том, что послал Луи Блану, другу Блинда, копию с обоих affidavit вместе с письмом, в котором значится между прочим: Not for Mr. Blind who has richly deserved it, but for his family I should regret being forced to lodge a criminal action against him (не из-за г. Блинда лично, которому это было бы только поделом, а из-за его семьи, я пожалел бы о необходимости, в которую могу быть поста-

влен, возбудить против него преследование в уголовном порядке). Это выступление вызвало заявление Шайбле (poor dear! бедняжки!) совершенно так же, как мой печатный циркуляр, который я немедленно по выходе его послал Блинду, в тот же день вызвал его объяснение против Фогта в „Augsburger Allgemeine Zeitung“; Блинд с его баденским крючковатворством позабыл, что он имеет дело с человеком, не принимающим в расчет ничего, когда затронута его личная честь или честь его партии.

„Положение таково: дело против „Daily Telegraph“ возбуждено, но мой solicitor (адвокат) будет тянуть его до окончания процесса против „Nationalzeitung“. Если бы Шайбле прямо сообщил мне, что он знает против Фогта (Шайбле, конечно, простое орудие—tame elephant—в руках Блинда), мне после его заявлений от 15 февраля в „Telegraph“ было бы совершенно незачем передавать в лондонский суд affidavit'ы. В Берлине, где это не может иметь никаких судебных последствий для Блинда, сделать это, конечно, неизбежно. Является ли Шайбле подлинным (в литературном смысле) автором листка или нет,—это не может ничего изменить в установленных при помощи affidavit'ов фактах, что приведенные Блиндом в „Augsburger Zeitung“ свидетельства ложны, так как они добыты путем conspiracy, что листок был набран в типографии Голлингера, написан рукою Блинда и передан им Голлингеру для напечатания.

„Все это весьма противно, но не противнее всей истории Европы, начиная с 1851 года, со всеми ее дипломатическими, военными, литературными и кредитными ходами.

„И все же всему наперекор“ мы всегда предпочтем лозунг „Филистеры идут на нас“ лозунгу „Под знаменем филистеров“.

„Я открыто высказал тебе мой взгляд, и я надеюсь, что по существу ты его разделяешь. Кроме того, я постарался рассеять недоразумение, якобы я под „партией“ разумею „Союз“, скончавшийся восемь лет тому назад, или редакцию газеты, уже двенадцать лет не существующую. Под партией я разумею партию в широком, историческом смысле слова.

С искреннейшей дружбой

Твой К. Маркс“.

И в этом письме замечаются некоторые шпильки по адресу

Фрейлиграта: упреки по поводу Клапки, находившегося в тесной дружбе с Фрейлигратором¹⁰, и в особенности слова о госпоже Маркс, которая, как видно из одного ее письма к г-же Вейдемейер, была рассержена на Фрейлиграта гораздо больше, нежели сам Маркс. При всем том основной тон письма был настолько примирителен, что и Фрейлигратор сложил оружие. Он ответил месяц спустя, 28 марта 1860 года, лишь слегка коснувшись спорного вопроса, письмом, выдержанным в прежнем сердечном тоне:

„При случае я, может быть, возвращусь к некоторым пунктам твоего последнего письма из Манчестера. Я бы давно на него ответил, но я, как и вся моя семья, хворал ужасающим гриппом и все еще страдаю от последствий его. Притом мне все-таки необходимо было ежедневно отправляться в город и даже проделать все удовольствия переезда конторы“.

Дальнейшее течение истории с Фоггом известно, и излагать его здесь подробно незачем. Предупреждения Лассалья относительно прусской юстиции оказались совершенно справедливыми; жалоба, поданная Марксом на „Nationalzeitung“, даже не подверглась судебному разбирательству, так как все судебные инстанции, вплоть до верховного трибунала, отклонили ее по различным, но одинаково беззастенчивым основаниям. Таким образом, отпала и жалоба на „Daily Telegraph“, и Марксу пришлось ограничиться защитой литературным путем. Он сделал это в своей книжке против Фогга, что оказалось, впрочем, вполне достаточным. По поручению Маркса один экземпляр книги послан был Фрейлиграту издательством. Тот подтвердил получение 5 февраля 1860 года в следующих словах:

„Книгу твою (никак не памфлет) Петч мне прислал Большое спасибо! В части ее, которую я успел пока прочесть, я нашел то, что ожидал: пропасть остроумия и пропасть язвительности. Подробности так обильны, что они почти затемняют общий взгляд. Ты простишь мне, если вопроса по существу я касаться не стану. Я все еще жалею обо всей истории и попрежнему от нее далек“.

Таково было последнее слово Фрейлиграта в этом неприятном деле, которому, к сожалению, спустя семь лет суждено еще было иметь особое послесловие.

VII

С весны 1860 по осень 1864 года переписка и по духу, и по форме вполне походит на переписку пятидесятых годов. В частности там, где затрогиваются политические вопросы и когда упоминаются имена Беты и Либкнехта, Фази и Клапки,—речь идет о них так, как будто с ними никогда не было связано спора.

Письма Фрейлиграта за 1860 год касаются преимущественно „остепенившегося лапландца“—лица, очевидно называвшегося иначе и во всяком случае принадлежавшего ранее к Союзу Коммунистов. Фрейлиграт принимает в нем живое участие, пока „лапландец не отбивается вовсе от рук“, но и тогда он высказывает готовность оказывать ему помощь, если „Пфендер, или Леснер, или Либкнехт“ сочтут еще необходимым что-либо для него делать. 20 декабря 1861 года, после кончины принца-супруга, Фрейлиграт пишет:

„Национальный союз, как ты наверно слышал, хочет преподнести королеве адрес с выражением сочувствия и желает, чтобы лондонские немцы (включая и не-членов кружка Зейда) приняли участие в этой демонстрации. Один *envoyé extraordinaire* (чрезвычайный посланник) хотел и меня пошутя, но я выпроводил молодца (который при этом скорчил самую постную физиономию), отпустив несколько дешевых шуток“.

Но и Маркс в свою очередь относится к Фрейлиграту именно как к единомышленнику. 7 февраля 1861 года, когда ему после тяжелой болезни жены пришлось обратиться к родственникам в Голландии с просьбой о материальной поддержке, он пишет ему следующее:

„Я буду вынужден отправиться в Голландию, иначе мне не справиться с этим кризисом. Будь добр, узнай у знакомых коммерсантов, как обстоит дело в Голландии с паспортами,—необходимо ли иметь паспорта? Подлость „*Tribune*“ в связи с другими неприятностями оказалась для меня более роковой, что она мешает мне принимать дальнейшие меры для лечения моей жены,—меры, предписанные врачом. Хотя я не принадлежу к категории „германских страдальцев“ и всегда относился к этой категории иронически, тем не менее мне кажется, что я свою долю горя хлебнул.—Кроме предложения от Лассаля я из Германии получил еще два

предложения публицистической работы. Но я полагаю,—и ты, вероятно, разделяешь мой взгляд,—что жизнь меня еще не достаточно потрепала и что не настало еще время мне давать на это согласие“.

Фрейлиграт, вероятно, разделял этот взгляд, хотя определенных доказательств этому не имеется. Во всяком случае он еще двумя годами позже так же отрицательно относился к агитации Лассаля, как и Маркс.

3 декабря 1862 года Фрейлиграт устроил знакомство Кугельмана с Марксом — последний приобрел, таким образом, одного из вернейших своих приверженцев:

„Податель настоящего письма жил в 1848—1849 гг. где-то в Вестфалии (кажется, в Миндене) в качестве молодого коммерсанта и бывал от времени до времени в нашем дюссельдорфском клубе. Если я не ошибаюсь, он в числе учеников Готтшалька восседал тогда у ног учителя в Кельне. Впоследствии он бросил коммерческую карьеру и стал изучать медицину. В настоящее время, как я слышал, он преуспевает на медицинском поприще в Ганновере. Во всяком случае человек он толковый и деловой, полный энергии и добрых намерений“.

27 апреля 1863 года Фрейлиграт передает приветы от общих друзей с Рейна и прибавляет:

„В полученном сегодня номере „Gartenlaube“ напечатан портрет Фаухера Великого с биографией-гимном, изделия Беты Малого. Рекомендую тебе и то, и другое на предмет увеселения“.

Оба друга относились с антипатией к Рихарду Вагнеру. В письме Фрейлиграта от 29 июля 1863 года говорится:

„При сем еще один экземпляр „только Фрейлиграта“ для мисс Лауры *) , но она тоже должна прислать мне свой пор-

---

*) Выражение „только Фрейлиграт“ часто встречается в письмах Фрейлиграта. По устным преданиям, возникло оно так: в первые времена эмиграции Фрейлиграт однажды рано утром постучался к Марксу. Жена Маркса, одетая в утренний капот, поспешно убежала в более дальнюю из обеих комнатушек, составлявших всю квартиру. Маленький же сынок Маркса, который успел тем временем открыть дверь, крикнул ей успокоительно: „Это только Фрейлиграт!“ Поэта всегда очень забавляло это воспоминание.

трет. И вы все тоже!—Возвращаю при сем чепуху Вагнера, придворного рифмоплета Эдды. Большое спасибо за позабавившее меня сообщение. „Юношеская рожа“, право, мила — гой-го! гой-го!

Роскошно рифмуешь ты,
Рихард Ретивый!

Как только Фрейлиграт получил желаемые фотографии, он отвечает 6 августа 1863 года:

„Тусичка, право же, милейшее дитя! Как она выросла и похорошела! И у тебя вид тоже очень представительный! Мы находим портрет очень хорошим. Он и похож, и характерен. Совсем Мавр!

„Лассаль позаботился о том, чтобы его лейпцигский заместитель и мне написал и изобразил мне „живого“ (Гервега) в качестве блестящего примера. Эти постоянные попытки и задиранья, право же, чересчур грубы“.

В 1864 году было несколько доказательств тому, насколько тесно Фрейлиграт был еще связан с старыми друзьями. Приводим в хронологическом порядке письма этого года, поскольку они сохранились:

„2 апреля 1864 года. Наконец удалось переснять фотографии нашего друга Веерта. Прилагаю два экземпляра, из которых первый, меньший, хотел бы видеть в альбоме твоей дочери. Я уверен, что портрет вам покажется очень удачным“.

„10 мая 1864 года. Мне незачем тебе говорить, насколько искренно я участвую в горе по случаю кончины Вольфа. Несколько строк, которые он мне написал с месяц тому назад, чтобы поблагодарить меня за присылку портрета Веерта, были так же ясны и бодры, как и обычные его письма, и хотя он жаловался на свое здоровье, но меньше всего я мог ожидать такого быстрого конца. Даже по получении твоего письма на прошлой неделе я еще не переставал надеяться. И вот его не стало! Это, наверное, были тяжелые, горькие дни для тебя и для Энгельса.—По возвращении ты мне, конечно, обо всем расскажешь. При погребении брось и за меня горсточку земли на гроб нашего павшего друга! Для меня некоторого рода горестное удовлетворение в том, что еще незадолго до его смерти я смог доставить ему небольшую радость. Фотография

Верта была для него, повидимому, приятным напоминанием. И вот он последовал за Вертом спустя всего несколько недель. Так уходит они один за другим“.

„11 мая 1864 года. Мне самому хотелось присутствовать, если бы была малейшая возможность, на похоронах нашего друга. Но нельзя было выбрать более неподходящего времени, чтобы мне вырваться хотя бы на денек. За две недели является уже третий администратор из Женевы, а сегодня вечером приезжает еще наш председатель правления, Джеймс Фази. При таком положении вещей я совершенно не вижу возможности отлучиться хотя бы на день. Женевские представители без меня ничего поделаться не могут, и я не могу их, в особенности Фази, бросить в первый же день. К тому же и текущие дела, которые меня, впрочем, не задержали бы, если бы гости не отнимали всего моего времени и внимания. Поэтому я могу быть с вами только душой и сердцем, когда вы будете предавать земле прах нашего друга. Да будет она ему легка! Он мужественно на ней сражался и трудился“.

„1 сентября 1864 года. Только что получил из Женевы от Клапки письмо с печальным известием о том, что Лассаль смертельно ранен 30 августа в Женеве на дуэли с каким-то валашским князьком. Вот подробности. (Следует краткое описание известных происшествий.) Так пишет Клапка. Признаюсь, известие это меня глубоко потрясло, и я немедленно телеграфировал Клапке, чтобы он выразил мое участие и скорбь Лассалю, если тот еще жив. Передай и Энгельсу это печальное известие. У меня сегодня нет времени ему написать. Впрочем, пользуйся совершенно конфиденциальными сообщениями Клапки (в особенности насчет поведения той девушки — кто может знать все обстоятельства дела?) с большой осторожностью. Если от Клапки будет успокоительная телеграмма, может быть, ты пошлешь бедному раненому телеграфный привет“.

„2 сентября 1864 года. Только что получил от Клапки такую телеграмму: „Лассаль вчера скончался. Погребение завтра. Подробности письмом“. Итак, свершилось! Я очень, очень взволнован! Надеюсь, что ты вчера вечером еще попал на поезд“.

Из последних слов видно, что Маркс по получении печальной вести немедленно поспешил к Фрейлиграту: в его переписке с последним не встречается упоминания по поводу смерти Лассаля.

VIII

После этого периода письма почти прекращаются — мы не имеем ни одного письма Маркса и всего три от Фрейлиграта. Первое, написанное после смерти Лассалья, помечено 7 ноября 1865 года и указывает, по своему семейно-деловому характеру, лишь на продолжение ничем не омраченных дружеских отношений. Поэтому можно предположить, что утеряно много писем как раз за эти годы. Но возможно также, что переписка мало-по-малу замерла, хотя и не возникло никаких личных или политических разногласий между обоими друзьями.

Спустя несколько недель после смерти Лассалья основано было Международное Товарищество Рабочих (Интернационал), что взвалило на Маркса массу работы, притом в такое время, когда работоспособность его и без того подвергалась крайнему напряжению. Фрейлиграту же тоже вновь пришлось бороться за существование в самом прямом смысле слова: Швейцарский банк ликвидировал в 1865 году свое лондонское отделение, и перед поэтом, приближавшимся к концу шестого десятка и обремененным многочисленной семьей, вновь встал вопрос о существовании. Наступило самое, быть может, тяжкое время в его жизни. Однако это не повлияло на его гордую политическую позицию; как раз в 1866 году, когда ему приходилось туже всего, он написал несколько вызывающих песен против немецкой братоубийственной войны и политики Бисмарка.

Таким образом мысль об обеспечении стареющего поэта путем национальной подписки лишена была всякого подозрительного привкуса. Первый толчок исходил от Юха, редактора лондонского „Негманн“а“; однако дело стало приобретать реальность лишь тогда, когда за него взялись старые рейнские друзья Фрейлиграта. Одному из них поэт писал: „Узнал я об этом совершенно помимо моей воли, безо всякого моего участия на деле или даже в мыслях. Положение мое, славу богу, хотя и не обеспеченное, но и не настолько отчаянное, чтобы я принужден был просить о сборе в мою пользу для того только, чтобы выбиться из нужды! Повторяю еще раз: народная благодарность и сбор пожертвований—вещи разные, и здешние мои друзья думали лишь о первой из этих возможностей, и только ее я и одобрил (если обойтись без нее нельзя)“. И в других случаях Фрейлиграт указывал, что необходимым

условием „фрейлигратовской дотации“ является для него „всенародное согласие“, с тем, чтобы дар этот не был политической и партийной манифестацией; между тем Маркс часто принимал помощь от политических друзей, от Энгельса, от Лассаля, от самого Фрейлиграта, но отметал все, что хоть издали напоминало „публичное попрошайничество“.

Таким образом, здесь было не столько личное, сколько принципиальное противоречие между поэтом и партийным вожаком, при чем каждый из них был прав со своей точки зрения. И в общем нужно признать, что тогдашняя буржуазия, среди которой,— особенно в части ее, жившей в Рейнской области,— еще бродили воспоминания 1848 года, провела дело сбора в пользу Фрейлиграта с таким тактом и достоинством, каких он требовал. Конечно, без отдельных неловкостей дело не обошлось. В руководящий центр фрейлигратовского комитета в Берлине затесался всякими путями Густав Раш, который если и не был „прохвостом“, как его честил Маркс, тем не менее нагло и назойливо всюду совался, печатал плоско-рекламные писанья по поводу „покинутых братских племен“; его не принимали всерьез его собственные друзья. Сей доблестный деятель счел нужным выпустить в 1868 году совместно с Г. Струве жалкую книжонку, в которой Фрейлиграт, на-ряду с одиннадцатью другими „борцами за революцию“, превозносился до небес—в пику и не в пример Марксу, Энгельсу, Дронке и Вольфу *).

Так как Раш задел и Вольфа, то Маркс написал об этом Фрейлиграту (письмо это не сохранилось)¹¹ и получил от него следующий ответ, помеченный 20 июля 1867 года:

---

*) Повествуя о посещении, нанесенном им за несколько лет до того Фрейлиграту в Лондоне, Раш пишет: „Фрейлиграт глядел вперед с уверенной надеждой. Тут не чувствовалось пессимистического настроения, не было злобности, завистливости и горечи, с которыми я так часто встречался раньше в Париже у прежних коллег Фрейлиграта, бывших сотрудников „Новой Рейнской Газеты“. Если бы стремление и борьба за один и те же идеи не связали в свое время Фрейлиграта с Марксом, Энгельсом, Дронке и Вольфом, то по внутренней сущности своей Фрейлиграта не могли бы не оттолкнуть эти люди. Ведь заносчивость, сарказм, самовлюбленность и арrogантность Карла Маркса не могли сочетаться с гуманностью, сердечностью и ласковым характером Фрейлиграта! Хотя оба и жили в Лондоне, но отношения Фрейлиграта с Марксом совершенно прекратились уже несколько лет назад: совершенно недопустимый поступок Маркса, о котором я здесь

„Хлопот был бы полон рот, если бы пришлось прислушаться ко всякой болтовне! Со времени посещения Раша прошло не менее четырех или пяти лет, и я, право, не помню, чтобы я с ним разговаривал о тебе. Если он пожелал навести разговор на тебя и на наш спор по поводу истории с Фогтом—Кольбом—Либкнехтом, ты из его же слов можешь видеть, что я не пожелал вести с ним беседу на эту тему. Чтò он имеет в виду, говоря о твоём „поступке“, я не знаю. Во всяком случае он скорее всех мог бы дать тебе разъяснения по этому вопросу“.

Маркс писал Кугельману, что письмо это написано „сухо и с хитрыми филистерскими увертками“. Когда он сейчас после того выпустил первый том „Капитала“, он, правда, послал экземпляр Фрейлиграту, но не надписал на нём, как всегда прежде при посылке книг, своего имени. Фрейлиграт ответил только 3 апреля 1868 года.

„Объявление о бракосочетании вашей Лауры удивило нас приятнейшим образом. Мы совсем не знали, что радостное событие произойдет так скоро, и желаем новобрачным, также как тебе и твоей жене, от всей души счастья.“

„Хочу тебя поблагодарить, наконец, и за знак дружеской памяти, выразившийся в присылке тома твоего „Капитала“, и просить тебя не видеть в этой запоздалой благодарности указания на недостаток теплого и искреннего чувства! Я все время намеревался поблагодарить тебя лично, но заботы и труды последних месяцев не давали мне этого сделать. Прими же теперь мою благодарность и будь уверен, что я один из тех, которые с радостной гордостью восхищаются умом, знанием и изумительным трудолюбием, с которыми ты воздвиг себе этим трудом *monumentum aere perennius* (нерукотворный

умолчу, нанес им последний удар. Объяснить это можно только злобностью марксова характера. Когда однажды я, возмущенный, спросил о подробностях, Фрейлиграт из деликатности не ответил. Вопреки ошибочному утверждению Беты в „Gartenlaube“, связь с Марксом не оказала никакого влияния на развитие поэтического дара и характера Фрейлиграта. Маркс не замутил ясного зеркала души Фрейлиграта ни единым дуновением. Возмутительное выражение Беты по этому поводу, причинившее Фрейлиграту не мало огорчений, было вызвано ненавистью к Марксу“. К Бете и Рашу вполне подходят слова Гете: один из этих господ разделяется с другим.

памятник). Ты знаешь, я не специалист (я политико-эконом только „в душе“), и поэтому не ждешь от меня подробной оценки твоего труда, но одно я могу сказать тебе, что из чтения или, вернее, изучения твоей книги я почерпнул огромное наслаждение и многое усвоил. Это именно книга, которую надобно изучать, и поэтому успех ее не будет, пожалуй, очень быстрым и шумным, зато действие ее окажется тем глубже и устойчивее. Я знаю, что на Рейне многие молодые коммерсанты и фабриканты увлекаются твоей книгой. В этих кругах она выполнит свое истинное назначение; для ученых она будет настольной книгой и источником справок. Итак, еще раз от души спасибо! И, не правда ли, в следующий раз ты надпишешь на экземпляре, который мне преподнесешь?

„Наша Луиза тоже обручилась. Когда детская болезнь обручений и бракосочетаний раз заведется в доме, избавиться от нее невозможно. Надо предоставить дело его естественному течению. The matrimonial measles! (свадебная корь).

„Впрочем, с свадьбой мы не торопимся. Луиза еще очень молода и должна еще подождать. Ее жених—Генрих Винс, родственник мужа Кэтхен, и тоже настоящий пират северных морей, умыкающий дочерей у престарелого поэта.

„Надеюсь, что здоровье твое поправляется. Мы скоро съездим к тебе, чтобы лично в этом убедиться.

„Пока что сердечнейшие приветы тебе и твоим дамам от нас всех.

Твой Ф. Фрейлиграт“.

Таково последнее письмо, сохранившееся из переписки между Фрейлигратом и Марксом, и вероятно последнее, написанное вообще. Вскоре после этого Фрейлиграт переселился обратно в Германию, и отношения между ним и Марксом прекратились совсем.

IX

В июне 1868 года Фрейлиграт возвратился в Германию; там он прожил еще около восьми лет, до 18 марта 1876 года—памятного дня, годовщине которого он посвятил бессмертную песнь.

Об этом времени создано сказание, что он изменил идеалам и убеждениям всей своей жизни и примирился с ново-

явленным великолепием Германской империи. Это само по себе не было бы позором, если бы такая перемена во взглядах произошла в силу честных внутренних побуждений, а иначе у Фрейлиграта и быть не могло; революционные стихи годов его цветущей зрелости остались бы тем, что они есть, даже если бы стареющий поэт и стал поклоняться иным богам. Но дело в том, что сказание это—всего-навсего только сказание, рассеивающееся при ближайшем рассмотрении, как туман.

Опруссачивание Германии было попрежнему противно Фрейлиграту; как он выражался в 1866 году, он не желал пробраться в рай при помощи Вельзевула. В особенности ненавистна была ему всякого рода амнистия; он требовал не милости, а права. Если он, тем не менее, возвратился в Германию, то сделал он это потому, что видел в дотации, преподнесенной ему, всенародное покаяние за совершенную по отношению к нему несправедливость, и с его точки зрения она ему и должна была казаться покаянием. Он не думал из-за этого уступать ни пяди торжествующим боруссам.

Антипатия Фрейлиграта к сему удивительному произведению истории несколько не смягчилась из-за того, что берлинское провидение сдержало по отношению к нему свою обычную грубость и не только не привлекло его к суду на основании обоих, данных еще в 1851 году, приказов об его аресте, но даже не выслало его в качестве „нежелательного иностранца“; по отношению к знаменитому поэту не решились поступить так, как сделали двадцать лет спустя с престарелым Теховым, приехавшим из Австралии в Германию, чтобы проститься перед смертью с родными.

Несмотря на все это, Фрейлиграт отнюдь не доверял благородным боруссам; не без огорчения он отказался от того, чтобы поселиться в прирейнской Вестфалии, представлявшей для него „Германию как таковую“, поблизости от старых и верных его друзей; он отправился в Штуттгарт, ставший после 1866 года средоточием не всегда разумной и дальновидной, но во всяком случае подлинной неприязни к прусскому владычеству. Хотя он и здесь нашел добрых друзей и хороших соседей, тем не менее поэт никогда не чувствовал себя в Швабии, как дома, и даже, когда он однажды при посещении любимой отчизны встретил торжественные приветствия со стороны старых земляков, он не преминул, сравнивая себя с Рипом ван-Винкле, сделать им следующий упрек:

Что он застал при возвращеньи:
Республику, ключ исцеленья—
Вам, несмотря на напряженье,
Завоевать не удалось.

Если Фрейлиграт и не видел единого спасения в республике, то он от нее все же никогда не отрещивался,— даже в стихах 1870 года, которые не раз приводились в виде доказательства его измены своим убеждениям. С полной уверенностью, поскольку она вообще возможна при таких гипотетических случаях, можно утверждать, что он бы написал совершенно те же стихи, если бы в 1870 году продолжал жить в эмиграции в Англии, точно так же как в 1859 году он сочинил шиллеровскую кантату, несмотря на то, что благодаря ей он попал в не совсем приятное для него соседство. Не следует прежде всего забывать, что с тем же правом, с каким Энгельс однажды назвал освободительную войну 1813 года „наполовину восстанием“, войну 1870 года можно назвать наполовину революционной войной. Некрасивые интриги, которые пустил в ход Бисмарк в начале ее, не были еще известны, а бурю воодушевления, охватившую тогда германскую нацию, отрицать нельзя,—воодушевление нации, пожелавшей, наконец, завоевать право быть хозяином у себя дома; такая буря не могла не увлечь за собой германского поэта Фрейлиграта. Эта лучшая сторона войны 1870 года нашла законченное выражение в стихах Фрейлиграта; изо всего, что тогда говорилось и распевалось, сохранились они одни. Они принадлежат к неприкосновенному достоянию нашей литературы, как ни грубо были обмануты надежды на „свободно-единую Германию“, которые они выражали.

Они совершенно свободны от всякого национал-либерального патриотизма в стиле „шапками закидаем“, к чему Фрейлиграт питал глубокое отвращение. 14 ноября 1870 года он пишет Ауэрбаху, бурно участвовавшему в тевтонской шумихе: „Я чувствую и мыслю столь же по-немецки, как и до сих пор,— однако бедствия все же благородного, храброго и умного народа, несказанное горе, свалившееся на Францию (правда, по ее собственной вине), глубоко меня печалит“. И много круче расправился Фрейлиграт с юным пинтой или, вернее, рифмоплетом, Юлием Вольфом, сочинившим гимн виселице, на которую немецкие войска вздернули нескольких французских партизан. „Вы мне, пожалуй, ответите,— пишет

он 22 ноября 1871 года Вольфу,—что я, забившись в свой угол, ни черта в этом не понимаю, что à la guerre comme à la guerre (на то и война), что с партизанами иначе и не справишься, как при помощи веревки. Может быть, оно и так,—спорить с вами не стану (правда, Шилль и Лютцов и Андрей Гофер и испанские герильясы тоже были партизанами), но,— даже признавая необходимость веревки и того, чтобы „наши молодцы“ стали палачами,— тем не менее, такая ужасная необходимость не может служить поводом к сочинению торжествующего и злорадствующего стихотворения. Поэт не должен при этом ухмыляться и потирать руки, не смеет сравнивать бедных повешенных (у каждого из них мать была) с птицами, попавшими в силки. Он может только горько-горько оплакивать вынужденную боевой обстановкой жестокость, и если он не хочет просто молчать, голос он смеет возвышать только в таком смысле. Человечность выше патриотизма! Лукавый вас попутал, когда вы вздумали с усмешкой указать нам на бедных повешенных!“

Характернее всего для отношения Фрейлиграта к новой Германской империи письмо его к Ауэрбаху, описавшему в 1874 году в „патриотическом и семейном романе“ все национально-либеральные иллюзии с небольшой долей искусства и большой дозой самодовольства. По этому поводу Фрейлиграт ему пишет: „Мне незачем напоминать тебе, что в годину опасностей я беззаветно стал на сторону национального дела. Однако из этого отнюдь не следует, чтобы „империю“, вышедшую из этой борьбы, я почитал наивысшим идеалом, к которому мы все стремились, за который мы не боялись итти в темницу и в изгнание. Я принимаю положение вещей таким, каково оно есть, как временную необходимость, но воодушевиться в пользу его я никак не могу. Я уважаю твое мнение, ибо знаю, что оно основано на искреннем и честном убеждении, но разделить его я не могу. Разделить его безусловно—значило бы подписать политическую программу, стать членом партии. Этого я нисколько не желаю. Я рад, что не принадлежу больше ни к какой партии, что я много лет уже стою на башне, более высокой. Моим идеалам и убеждениям я остаюсь верен, но пусть меня оставят в покое с программами и манифестами“.

Когда Фрейлиграт писал эти строки, он, конечно, не думал о Марксе, но, перечитывая их теперь, невольно спрашиваешь

себя, почему им было разойтись, раз мнения их о новой Германской империи, как „временной необходимости“, а отнюдь не идеальном порядке, вполне совпадали, и раз сам Маркс освободил Фрейлиграта от всякой внешней связи с партией? Он уверял, что остался верен своим идеалам и убеждениям, т.-е. партии в широком, историческом смысле слова, и уж, конечно, он этим не шутил.

Было бы, однако, заблуждением искать объяснений отчуждения, образовавшегося между ними, в отдельных политических воззрениях, как бы важны ни были вопросы, которых эти воззрения касались. Дело было гораздо глубже, и настоящей причины следует искать в основных свойствах характеров обоих. Фрейлиграт был революционером по поэтической интуиции, Маркс же был революционером по глубокому проникновению в историческое развитие общества и государства. Как ни глупо было бы приписывать Фрейлиграту на старости лет национально-либеральные слабости, было бы не менее глупо видеть в нем, даже в самые бурные дни, современного социал-демократа. Он принадлежал в продолжение нескольких лет к Союзу Коммунистов, но Коммунистический Манифест вряд ли вошел ему в плоть и кровь, если припомнить, что еще в последнем письме к Марксу он называет „Капитал“ практическим руководством для фабрикантов и коммерсантов и видит в нем лишь, между прочим, производство, основанное на научном исследовании.

Сблизили обоих друзей в дни 1848 года общие им обоим революционные принципы и взаимное уважение, которое каждый из них питал к смелому и сильному характеру другого. И пока длилась борьба, при которой с противником сходятся вплотную, они не сознавали того, что их все же разделяло. Только когда контр-революция восторжествовала по всей линии, между ними началось отчуждение, возраставшее по мере того, как революционное рабочее движение выливалось в новые формы, которым была вполне под стать критика Маркса, но не фантазия Фрейлиграта. Не лишен основания взгляд Трейчке, по которому стремление к великому, высокому, чудесному являлось истинным источником политических увлечений Фрейлиграта; богиней его сделалась революция, бурно-пламенная победительница с красным колпаком и развевающимися волосами. Богатство форм и красок европейской революции 1848 года опьянило его, но когда европейский и, в частности, немецкий

рабочий класс отдышался от поражений и направился новыми путями к прежней цели, он оказался не в достаточной мере научным социалистом, чтобы, выражаясь по Марксу, узреть извечное ядро в „половинчатости и жалкой слабости первых попыток“. Будничная работа и в особенности будничные заботы политики опротивели ему раз навсегда. Он не увлекался ни агитацией Лассалья, ни Международным Товариществом Рабочих, но отзвук революции, вспыхнувшей под звон оружия во время франко-прусской войны, вновь воспламенил его творческую фантазию.

С другой стороны, Маркс был столь же мало поэт, сколь мало Фрейлиграт был критик. Правда, эстетическое образование Маркса подсказало ему, что для поэта требуется большая свобода действий, нежели для последовательного партийца. По отношению к Гейне, как и к Фрейлиграту, Маркс признавал, правда, что поэты—чудаки, которым надо дать итти своей дорогой; к ним нельзя прилагать ту же мерку, как к прочим обычным и даже необычным людям. Но по отношению к Гейне Маркс применял этот принцип значительно шире, нежели по отношению к Фрейлиграту, несмотря на то, что политический счет последнего был обременен значительно меньше, нежели счет Гейне. Объясняется эта кажущаяся несправедливость тем, что Маркс был много более дружен с Фрейлигратом, чем с Гейне, и поэтому на все, что могло походить со стороны Фрейлиграта на отступничество или на то, что он мог счесть таковым, Маркс отзывался гораздо живее.

При всем том трудно понять, почему Маркс и Энгельс так сильно возмущались кантатой Фрейлиграта по случаю шиллеровских празднеств. Это послужило первым и, в сущности, решающим основанием для расхождения их с Фрейлигратом, усмотревшим здесь покушение на его неотъемлемые права поэта. Не будь этой прелюдии, спор по поводу Фогта вряд ли принял бы столь острые формы. Фрейлиграт высказал тут резкость, обычно совершенно чуждую ему, в особенности по отношению к старым друзьям; рассуждал он, вероятно, так: мне они хотят воспретить напечатать безобидное стихотворение в честь Шиллера, а я должен немедленно вступить, если Марксу вздумается затеять спор, на который его никто не вызывал. По поводу нейтралитета Фрейлиграта во время первого действия фогтовского скандала возразить ничего не приходится; когда же началось второе действие с безобразной

брошюрой Фогта против Маркса, последний, конечно, не мог равнодушно отнестись к тому, что Фрейлиграт продолжал упорствовать в своем нейтралитете. С другой стороны, Фрейлиграт опять-таки обиделся, когда Маркс устроил ему „сцену“ еще раньше, чем пасквиль Фогта дошел до Лондона.

Конфликт обострился еще благодаря тому обстоятельству, что Фрейлиграт к буржуазно-демократическим товарищам по изгнанию относился много более примирительно, чем Маркс. Последний был слишком страстным политиком, чтобы политические противники не стали ему ненавистны и лично. Он оставался, как написал однажды сам Руге Фрейлиграту, „непереваримым“ для Кинкеля и для Руге, между тем как Фрейлиграт последние годы эмиграции в Лондоне мирно встречался и с ними, и с прочими буржуазными демократами. Однако было бы непроспешной поспешностью выводить отсюда, что он сам обратился в буржуазного демократа,—встречи продолжались и после того, как Руге в 1866 году перекинулся на сторону Бисмарка, между тем как Фрейлиграт продолжал осуждать бисмарковскую политику; если он и встречался в обществе с Кинкелями и Руге, из этого не следует, что он связан был с ними и политически. В самом деле, Фрейлиграт не мог так резко проводить грань между буржуазной и пролетарской демократией, как то должен был делать Маркс, выполняя свою жизненную задачу; так как для Фрейлиграта научный коммунизм до конца оставался книгой за семью печатями, он не видел глубины этого различия.

Если на основании переписки постараться выяснить себе, что, в конце концов, разъединило обоих, то придется признать, что отдельные стычки и столкновения играли лишь второстепенную роль, что конфликт коренился в сущности их существа (*ihrer Wesens Wesenheit*). Поэтому-то в их расхождении не было личной горечи; не слышно было, чтобы Фрейлиграт после возвращения в Германию когда-либо высказывался недружелюбно о Марксе, и сомнений нет в том, что в доме у Маркса и у Энгельса имя Фрейлиграта оставалось дружественным даже после того, как поэт уехал из Англии. В особенности же благодарные наследники обоих не должны никогда забывать, что в расхождении этом кроется ценный для них урок.

Можно спорить по поводу того, является ли эстетическое

воспитание рабочего класса одной из задач социал-демократии, но если на этот вопрос ответить утвердительно, как это сделала уже давно германская социал-демократия, то границу между эстетикой и политикой нужно провести умело. В отделе фельетонов „Vorwärts“ недавно велась ревностная пропаганда в пользу эстетики мозолистого кулака: что не приходится по вкусу рабочей массе, то лишено, мол, всякого эстетического значения. Так как за последнее время этот вздор прекратился, то его можно отместить как проходящее заблуждение; однако мало приятное обстоятельство, что он вообще мог распространиться, хотя бы и временно, ясно показывает, сколько еще осталось сделать в этом отношении. Вехи ясно намечены, с одной стороны, словами Фрейлиграта о том, что „поэт стоит на башне, более высокой“, с другой стороны—не менее справедливыми словами Маркса, что среди волнений современности поэт должен занять позицию партийную в широком, историческом смысле слова.

Так разрешается конфликт, разделивший величайшего мыслителя и величайшего поэта пролетариата, при чем каждый из них остался верен только самому себе. И мы в праве оглядываться на этот конфликт с примирительной мыслью о том, что каждый из них дал в своей области высшую меру достижения потому, что область другого оставалась для него более или менее закрытой.

ПРИМЕЧАНИЯ и УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Насколько одиноко чувствовал себя Фрейлиграт после закрытия „Новой Рейнской Газеты“ и отъезда Маркса и Энгельса из Кельна, видно из отрывка письма, писанного в 1849 году (без числа). В нем встречается такое место: „Здесь все так затхло и скучно, что в пору заняться китайским языком, как Гете в старости, если бы только занятия китайским языком не были также скучны. Последние новости из Пфальца гласят, что там отстрелили принцу Прусскому нос, а генералу Гиршфенгеру (или Гиршфельду?) три ноги. Фрау Аннеке (the Captain's lady) стала конным артиллеристом при штабе ее мужа. Кажется, это она наводила пушку, первое отравленное ядро которой оторвало принцу его обонятельный орган. Теперь молодец этот представляет собой „одни только усы“. Усы без носа над ними! Вот так потеха! Ну, напишите же и вы когда-нибудь, лентяи вы этикие!“

² В письме от 26/1 1850 года Фрейлиграт жалуется на то, что сборы на журнал—дело весьма неблагоприятное. „Мы, партия, пролетарии, совсем не имеем денег (мне в особенности недавно пришлось сидеть на такой мели, что меня смущало даже появление почтальона). Поэтому надобно было бы во что бы то ни стало добраться до буржуазных демократов. У тебя, конечно, свежи прошлогодние воспоминания о том, что за сброд эти демократы, в особенности здешние кельнские. Все, что мне удалось у них выдоить по каплям, составляет всего-навсего 35 талеров и 16 зильбергрошенов; из этой суммы прилагаю при сем 35 талеров“.

³ В письмах Фрейлиграта встречаются еще в нескольких местах упоминания об этом культе Кинкеля. Так, например, 6 мая 1850 г. он пишет из Кельна по поводу суда над Кинкелем: „Надо сказать, что Кинкель здесь герой дня, алфа и омега всех разговоров. Речь его растрогала публику до слез.“

У Гагена глаза оказались на мокром месте, Шнейдер II плакал, Борхардт рыдал, прокурор закрывал лицо руками. Присяжные (11 против 1) прибежали к помощи носового платка, публика по-детски всхлипывала. Результат в двух словах таков: Кинкель довел всех до рева“.

⁴ Несколько позже, в письме без числа, Фрейлиграт пишет Марксу, что даже наиболее ревностный из приверженцев Кинкеля, Штродтман, сообщает из Америки: „Кинкель здесь совершенно оскандалился, Шуц ведет себя тише воды, ниже травы“. Это откровенное сообщение по поводу Кинкеля, хотя и не дает нам ничего нового, во всяком случае интересно и любопытно тем, что исходит от биографов Кинкеля“.

⁵ Фрейлиграт до самой смерти Георга Верта (1856 г.), одного из талантливейших немецких поэтов времен раннего социализма и члена редакции „Новой Рейнской Газеты“, находился с ним в дружеских отношениях. Это особенно ясно видно из писем Фрейлиграта к Энгельсу. Из писем к Марксу можно привести по этому поводу следующие места. Письмо из Кельна от 6/V 1850 г.: „Верта я пока что посетил в тюрьме только раз, так как добиться пропуска очень трудно. За двойной решеткой этот веселый австралийский жуир выглядит премоило. В будущем месяце он опять уютно устроится в Лондоне“. 3/II 1852 г. он жалеет о том, что не сможет вечером побывать у Маркса: „Я бы охотно съездил в город, чтобы вдоволь посмеяться выходкам Верта. Клянись ему сердечно от меня“.

⁶ Кроме Лассаля, особенно заботился о приискании издателя для труда Маркса по политической экономии Герман Эбнер. Сначала он писал только Фрейлиграту, а впоследствии прямо Марксу и Энгельсу. Последние, повидимому, ему не особенно доверяли, так как Фрейлиграт несколько раз пишет Марксу, что Эбнер жалуется на холодность, с которой ему отвечает Маркс. Так, например, в письме 1852 г. (без числа) встречается такое место: „В только что полученном мною послании Эбнер хнычет: „На последнее мое письмо я от Энгельса еще ответа не получил, а Пипер точно скрылся с моего горизонта. Неужели Маркс, которому я имею кое-что сообщить, все еще не вернулся? Неужели я не получу его брошюры? Передай Дронке, что я надеюсь найти издателя для его брошюры“. В таком же духе Фрейлиграт пишет

Марксу и 21/I—1851 г. Новейшими исследованиями установлено, что в сороковые годы, сотрудничая в франкфуртской „Oberpostamts-Zeitung“, Эбнер состоял платным агентом на службе у австрийской реакции. Продолжал ли он свою полицейскую службу в пятидесятые годы — нам неизвестно.

⁷ К письму от 6/X—1855 г. сделана следующая приписка: „Не можешь ли ты (или Энгельс, или Lurus—очевидно, имеется в виду Вольф) сказать мне, жив ли еще Бестужев, сосланный в 1826 году в Сибирь? И считаете ли вы возможным, что Бакунин еще прозябает где-нибудь в Сибири, а не умер в Кронштадте?“

⁸ В письме от 25/I—1859 г. Энгельс следующим образом характеризует „Hermann“: „Давно уже я не читал вздора, столь тошного, сюсюкающего, во все стороны расшаркивающегося, виляющего, жаждущего примирения и прощения, невероятно скверно написанного, по стилю и содержанию расчитанного разве лишь на деловое немецкое мещанство лондонских предместий и к нему применяющегося, как сие новейшее произведение лже-героя, некогда „Майского жука“. Человек этот позабыл даже то немногое, что прилипло к нему в 1848 г., и стал теперь просто буржуазной переметной сумой“. В том же письме Энгельс высказывается также и по поводу новых попыток Кинкеля к сближению: „Так как ты навел меня на разговор об этом шутнике (Кинкеле), который сейчас торгует распивночно и на вынос своим „горем“ (самоубийством жены), то не могу от тебя скрыть, что недавно некоторые филлисты запрашивали меня, каким это образом ты заключил столь дружественный союз с monsieur Кинкелем. Ты понимаешь, что, хотя я прекрасно видел их преувеличения, я все же оказался в некотором затруднении. Конечно, я постарался многое свалить на пошлую шумиху, поднятую Кинкелем и его присными, которые о простой встрече с тобой протрубили во всех газетах, как о защитительном и оборонительном союзе, заключенном против нас. Я просто стал отрицать самый факт. Что же касается чисто личных сношений с этой почтенной личностью, то я стараюсь отделаться дешевыми шутками, вроде того, например, что поэты живут в особом мире, что Кинкель только тогда сможет сойти за поэта, если он будет ссылаться на встречи с тобой и пр. Словом, несмотря на то, что дипломат я плохой, мне все же удалось спасти положение партии“.

⁹ В наследии Маркса находится копия письма Либкнехта к Фрейлиграту от 23 XI—1859 г. Приводим его полностью, так как тон, в котором Либкнехт обращается к Фрейлиграту, подчеркивает, насколько бережно Маркс относился к поэту. Вот это письмо:

23/XI—1859 г.

„Дорогой Фрейлиграт! На твое странное послание отвечаю тебе следующим. Как ты вскоре сможешь прочесть в „Augsburger Zeitung“, мне и в голову не приходило назвать тебя „обвинителем Фогта“. Если бы я имел на то основания, я бы все же этого не сделал, принимая во внимание твое деловое положение и твои отношения с Фази, ибо я воздерживаюсь от того, чтобы вовлекать моих друзей в неприятности. Правда, на твои показания относительно труса Блинда—единственного известного мне обвинителя Фогта в смысле „Augsburger-Zeitung“—я ссылался дважды и тогда же заметил, что если дело дойдет до процесса в Лондоне, то ты на-ряду с Маркомсом и со мной выступишь в качестве свидетеля против Блинда. Я не сговаривался с тобой об этом заранее по двум причинам. Во-первых, мне казалось само собой разумеющимся, что ты в качестве моего друга пожелаешь совершить действие, которое я в праве, не нарушая гражданских законов, требовать от моих друзей. И кроме того, незадолго до блиндовского „скандала“, когда я пришел к тебе по поводу денежных дел „Volk“, ты принял меня настолько странно, что я счел за благо в течение некоторого времени держаться от тебя подальше.

„Теперь вопрос. Почему ты только теперь от меня требуешь объяснений? Я был у тебя 5 ноября—в тот самый день, когда ты послал свой протест в „Augsburger Zeitung“ и отрекся от бедного „Volk“, который, право же, ни в чем перед тобой не провинился и нисколько не связан со всей этой историей. Почему ты тогда не объяснился со мной прямо, вместо того, чтобы за моей спиной писать этот протест и безо всякой вины с моей стороны поставить меня в неловкое положение? Если бы по отношению ко мне, партийному товарищу, ты проявил лишь половину забот, которые ты считаешь обязательными для себя по отношению к чужим, нынешний скандал не разразился бы.

„Ты сам чувствуешь, что ты неправ, и только потому,

что ты это чувствуешь ясно, тебе не удался легкий в обычных случаях фокус, а именно — делать упреки, чтобы избежать упреков, и поэтому в твоих громовых речах и проглядывает простая растерянность.

„Твое письмо я передал Марксу, и ему же я посылаю мой ответ.

Твой В. Либкнехт“.

¹⁰ Фрейлиграт, повидимому, старался установить сближение между Марксом и Клапкой. На это указывает также и одно место в письме Фрейлиграта к Марксу от 25/X 1858 г.: „Только что получил от Клапки записку; он нездоров и не может, как обещал, быть у меня сегодня вечером. Это мне неприятно, я охотно принял бы тебя вместе с Клапкой, но ничего не поделаешь, и я надеюсь, что мы хорошо проведем время и без него. Когда он поправится, мы с ним зайдем к тебе или как-нибудь иначе устроим встречу“.

¹¹ В тетради с заметками Маркса, помеченной Энгельсом „Разное, 1867“, нашлась копия письма по поводу истории с Рашем, посланного Марксом Фрейлиграту 20 июля 1867 года.

Текст этого письма таков:

20 июля 1867 г.

„Дорогой Фрейлиграт!

Немецких беллетристических глупостей я не читаю, но не могу воспрепятствовать тому, чтобы друзья из Германии присылали мне по временам отрывки, имеющие ко мне отношение. Так, например, вчера я получил все касающиеся меня выдержки из писания некоего Раша, озаглавленного „Двенадцать бойцов революции“. Предлагаю тебе дать мне объяснения по поводу следующего места: „Отношения Фрейлиграта с Марксом... совершенно прекратились. Совершенно недопустимая выходка Маркса, о которой я предпочитаю умолчать, нанесла им окончательный удар. Объяснить ее можно только злобностью марксова характера. Когда я однажды в возмущении спросил Фрейлиграта о подробностях, он деликатно о них умолчал“.

Твой К. М“.

ДОПОЛНЕНИЯ К ПРИМЕЧАНИЯМ.

(К стр. 18, к письму от 31 июля 1849 г.)

Мы даем политические рассуждения Маркса, потому что они написаны вскоре после закрытия „Новой Рейнской Газеты“, т.-е. когда Маркс не имел уже возможности печатно высказывать своих взглядов на политическое положение Европы. Относительно благожелательного отношения английской фритредерской партии к восставшим венграм нужно отметить, что Венгрия до революции имела свои собственные таможенные законы, противоречащие таможенной политике более развитой в промышленном отношении Австрии. Победившая реакция уничтожила и эту автономию в 1850 г.

31 июля 1849 г.

„...В Швейцарии осложнения все увеличиваются, а теперь со стороны Италии прибавляется еще Савойя. Австрия как будто намерена в случае чего возместить себя в Италии за свои неудачи в Венгрии. Между тем, включение Савойи в Австрию сломило бы шею нынешнему французскому правительству, если бы оно его потерпело. Большинство во французской палате находится в явном разлошении. Правые распадаются на филиппистов, легитимистов, голосующих с филиппистами, и чистых легитимистов, которые за последние дни голосовали с левыми. План Тьера и компании состоит в том, чтобы сделать Луи-Наполеона консулом на десять лет, до совершеннолетия графа Парижского, который тогда сменит его. Если Собрание — что почти несомненно — восстановит пошлины на напитки, то оно поселит недовольство во всех виноделах. Каждое из его мероприятий будет отрывать от него новую часть населения.

„Но корень всего в настоящий момент — в Англии. Не надо обманываться в отношении так называемой партии мира, признанным вождем которой является Кобден. Не надо также, чтобы вводил в заблуждение „бескорыстный энтузиазм“ англичан по отношению к венграм, организовавший митинги по всей стране.

„Партия мира, это — замаскированная фритредерская партия: то же содержание, та же цель, те же вожди. Подобно тому как фритредеры атаковали аристократию в ее материальной основе изнутри, отменив хлебные и навигационные

законы, так теперь они атакуют ее в ее внешней политике, в ее европейских связях и разветвлениях, пытаются разрушить Священный Союз. Английские фритредеры — радикальные буржуа, которые хотят радикально порвать с аристократией, чтобы неограниченно властвовать. Они только упускают из виду, что таким образом они, против своей воли, выводят народ на политическую арену и привлекают его к власти. Долой эксплуатацию народов посредством средневековых войн, они должны эксплуатироваться лишь торговыми войнами, — вот что нужно партии мира. Выступление Кобдена в венгерском вопросе было продиктовано чисто практическим соображением. Россия в настоящий момент пытается заключить заем. Кобден, представитель промышленной буржуазии, вмешивается в это дело финансовой буржуазии и накладывает на него свое veto: в Англии промышленность господствует над банком, тогда как во Франции банк господствует над промышленностью.

„Кобден дал русским более страшный бой, чем Дембинский и Гёргей. Он разоблачил жалкое состояние их финансов. Русские, говорит он, это — *most wretched nation* (самая ничтожная нация). Сибирские копи дают государству ежегодно 700 000 ф. стерл.; питьевой сбор дает ему в десять раз больше. Эта сумма вместе с серебряным запасом в подвалах Петербургского банка, правда, достигает 14 000 000 ф. стерл., но она служит металлическим покрытием бумажного обращения в 80 000 000 ф. стерл. Если царь посягнет на подвалы банка, то он обесценит бумажные деньги и вызовет революцию в своей стране. Поэтому абсолютистский колосс не может двинуться, — восклицает надменный английский буржуа, — не заняв у нас, а мы ничего ему не дадим. Мы чисто буржуазным способом поведем еще раз борьбу против феодального абсолютизма. Золотой телец сильнее всех остальных тельцов, сидящих на тронах мира. Разумеется, в отношении венгров у английских фритредеров еще непосредственный интерес. Вместо имевшего доселе место запрещения торговли со стороны Австрии — торговый договор и своего рода свобода торговли с Венгрией. Деньги, которые они теперь тайком препровождают венгерцам, они — в этом они не сомневаются — с прибылью и с процентами получают назад посредством торговли.

„Эта позиция английской буржуазии по отношению к кон-

тинентальному деспотизму является изнанкой похода, который она от 1793 до 1815 г. вела против Франции. Этот процесс развития заслуживает сугубого внимания. Наилучшие пожелания тебе и твоей супруге от меня и жены.

Твой К. Маркс.

(К стр. 20, к письму от 16 января 1850 г.)

Письмо датировано не 11, а 16 января; из „командировки“ Конр. Шрамма в Америку ничего не вышло — вероятно за отсутствием денег.

Письмо гласит:

Лондон 16 января 1850 г.

„Дорогой Фрейлиграт!

Пишу тебе сегодня лишь несколько строк по очень спешному делу.

„Для нашей „Revue“, как и для ее постепенного превращения в двухнедельник, а потом и в еженедельник, и, в зависимости от обстоятельств, в ежедневную газету, — а также для других наших пропагандистских целей нам нужны деньги. Деньги можно достать только в Америке, где теперь все эти полуреволюционеры, — напр., Аннеке, который в Пфальце позорно бежал с поля битвы и доказал, что он даже не военный, — срывают золотые яблоки.

„Поэтому мы решили тотчас же послать в Америку К. Шрамма в качестве эмиссара. Для этого нам нужны по крайней мере 150 талеров. Мы просим тебя как можно скорей собрать взносы для этой цели и кроме того прислать нам рекомендательные письма для Шрамма, пайщика „Новой Рейнской Газеты“. (Его отважное бегство из Везельской крепости вернуло его нашей партии.)

„Об этом денежном деле я написал и Г. Юнгу. Жду твоего ответа.

Твой К. Маркс.

„Здесь чартисты и французские эмигранты тоже вручат мандаты нашему эмиссару. Это — общесоюзное дело.

„Необходимо, дорогой Фрейлиграт, чтобы ты в своем рекомендательном письме отчетливо высказался о положении „Новой Рейнской Газеты“ в Германии и о ее революционном значении“.

(К стр. 26, к письму от 27 декабря 1851 г.)

Меринг приводит только середину письма.

Начало его:

27 декабря 1851 г.

„Мавританский князь!

„При сем — письмо Эбнера.

„Сегодня я снова получил письмо от Вейдемейера. Он между прочим пишет: „На этих днях сюда прибыл посланец лондонского „Агитационного союза“, чтобы воспрепятствовать займам Кинкеля. Эти господа вероятно воображают, что здесь в Америке все делятся на кинкельянцев и анти-кинкельянцев, на том основании, что кучка беженцев наделала много шума из-за ничего. Кошутовская сенсация давно заставила забыть о Кинкеле, и несколько тысяч, которые ему удастся собрать, право не стоят стольких разговоров. Продажу „Review“ я тебе здесь во всяком случае могу устроить. Точно так же здесь можно было бы напечатать некоторое количество новых стихов Фрейлиграта“.

„После того как Вейдемейер еще раз нажал на нас, он пишет: „Но прежде всего какое-нибудь стихотворение Фрейлиграта: оно больше всего потянет“.

Конец:

«Я бы переслал тебе письмо Вейдемейера, если бы не должен был прежде показать его Энгельсу, который, вероятно, пробудет здесь до четверга; он надеялся в прошлый вторник найти тебя в лоне „синагоги“ *)».

„Общество переехало в Farrington Street, City, Market House, у W. J. Masters, Wine st., Spirit Merchant. Отныне заседания будут происходить по четвергам, в 9 час. Общество утверждает, — и с основанием, — что его новое помещение находится в твоём районе.

„Рессель принял отставку Пальмерстона, 1) чтобы по отношению к Бонапарту разыграть конституционалиста и 2) чтобы сделать уступку России и Австрии. Я не разделяю того мнения, что этот факт может оказать влияние на судьбу эмигрантов вообще и на нашу судьбу в частности; однако я вижу в нем предвестника очень беспокойного в политическом отношении года для Англии. После того, что говорил мне

*) Под „синагогой“ подразумевается Союз Коммунистов.

Энгельс, я теперь слышу, что столичные коммерсанты также разделяют наш взгляд на то, что кризис, задержанный всякими случайными эпизодами (напр., политическими опасениями, прошлогодними высокими ценами на хлопок) разразится не позднее ближайшей осени. А после последних событий я убежден более, чем когда-либо раньше, что без торгового кризиса не может произойти серьезной революции.

„Я и моя семья кланяемся тебе и твоим.

Умирающий М а в р“.

(К стр. 29, к письму от 26 января 1852 г.)

Дальнейшая часть письма касается процесса Союза Коммунистов. Под упомянутыми в конце „мисс Женни“ и мастер Вольфганг“ подразумеваются дочь Маркса и сын Фрейлиграта.

Эта часть гласит:

26 января 1852 г.

„Что касается нашего друга Эбнера, то он получал письма от Пипера. Лучшее доказательство этому: у Пипера есть ответ от него. К тому же он на днях опять подробно писал ему и объяснил мое молчание недопомоганием.

„Я получил письмо от Бермбаха, строк в тридцать. Он спрашивает меня, почему я так давно не писал ему. Ответ крайне прост. Я посылаю в Кельн письма величиной в пол печатных листа, а в ответ — после очень продолжительного времени — получаю несколько строк, в которых никогда нет ответов на мои вопросы; например, о здоровье Даниэльса и т. п. — ни слова. Ты получишь это письмо, как только оно вернется из Манчестера. Энгельс использует его для статей в английские газеты. Единственно важно во всей этой ерунде следующее: обвинительная камера, — заметь себе хорошенько! — принимая в соображение, „что не выяснено никаких объективных обстоятельств и обвинение, таким образом, является необоснованным“, — постановляет начать следствие с начала. Итак, прежде всего ты, на основании пустой презумпции, должен отсидеть девять месяцев; затем оказывается, что для твоего сидения нет никаких законных оснований. В итоге: ты должен продолжать сидеть, пока следователь не сочтет возможным представить „объективные обстоятельства“, а если таковых не найдется, то ты можешь сгнить в тюрьме.

„Нельзя себе представить более бесстыдную трусость. Главная вина падает на проклятую „прессу“, которая не проронит ни слова. Несколько статей в „Kölnische Zeitung“, „Nationalzeitung“ и „Breslauer Zeitung“, — и обвинительная камера не рискнула бы на такие штуки. А эти негодия — демократы и либералы — ликуют по случаю устранения их коммунистических противников. Разве мы не выступали за ториев и всякую иную демократическую сволочь, когда у них возникали конфликты с полицией или с судами? Кинкель, которого выпек Беккер и которому сделал ссуду Бюргерс*), из чувства благодарности никогда не упоминает о них в литографированной газете, которую он питает американскими деньгами. Канальи!

„Если бы я знал какой-нибудь верный буржуазный адрес в Кельне, я „бы“ написал госпоже Даниэльс и попытался бы успокоить ее относительно политической ситуации. Из того, что сообщил мне Пипер, вытекает, что каждый контр-революционный успех используется „честными буржуа“, чтобы их напугать и раздражить.

„Прилагаю при сем записку мисс Женни мастеру Вольфгангу.

„Поклоны.

Твой К. М“.

(К стр. 61, к письму от 8 февраля 1860 г.)

Письмо это гласит:

8 февраля 1860 г.

9, Grafton Terrace Maitlandpark, Havestockhill, London.

„Дорогой Фрейлиграт!

„В качестве твоего старого товарища по партии и старого личного друга я считаю своим долгом сообщить тебе о шагах, которые я предпринял в интересах берлинского процесса**) и которые скоро — но не непосредственно — должны стать известны публике.

---

*) Непередаваемая игра слов.

**) Под „берлинским процессом“ подразумевается процесс Маркса против „Национальной газеты“, перепечатавшей клеветнические обвинения К. Фогта против Маркса. К письму приложен „affidavit“ набошника Виге, напечатанный в книге Маркса „Господин Фогт“.

„Ты, конечно, помнишь или, во всяком случае, увидишь из приложенного печатного английского циркуляра, что Блинд ссылается не только на показание Голлингера, но и на письменное заявление наборщика Виге, напечатанное в „Аугсбургской Всеобщей Газете“, как на доказательства того, что я сказал „сущую неправду“, что „ложью было мое предположение“, будто он, Блинд, является автором брошюры „В предупреждение“ и что последнюю напечатал для него Голлингер, — что вообще она вышла из наборной Голлингера. Я сообщаю тебе дословный текст заявления этого Виге, которую он под присягой сделал перед магистратом в Bowstreet'e. Я получил официально удостоверенную копию этого заявления. Другая копия уже отправлена в Берлин, в досье прокуратуры.

„Считаю излишним хоть одним словом комментировать этот документ.

Твой К. М.“

(К стр. 79, к письму от 15 декабря 1862 г.)

В ответ на это письмо Маркс писал:

15 декабря 1862 г.

„Дорогой Фрейлиграт!

„При сем с благодарностью возвращаю тебе 5 фунтов стерлингов. Прости, что они опаздывают на 5 дней. Вследствие внезапной и неожиданной смерти моего зятя, Р. Шмальгаузена, мои родные в Трире были в таком подавленном состоянии, что задержали высылку мне денег.

„Я провел несколько дней в Ливерпуле и Манчестере, — этих центрах „хлопкокрапии“ и рабовладельческого энтузиазма. Среди очень многих представителей средних классов и аристократии этих городов можно наблюдать величайшее затемнение рассудка, которое только знает новейшая история.

„На-днях я зайду к тебе на несколько минут в контору, так как я должен поговорить с тобой об одном литературном деле.

„На „слова верующего“ *) я на-днях отвечу.

„Поклон твоей семье.

Твой К. Маркс“.

---

*) Под „словами верующего“ подразумевается письмо Людвиг Кугельмана к Фрейлиграту от 28 ноября 1862 г., положившее начало дружбе Кугельмана с Марксом.

(К стр. 80, к письму от 23 декабря 1863 г.)

Из писем 1863 г. имеется еще одно письмо Маркса от 23 декабря.

Вот его содержание:

23 декабря 1863 г.
Zalt Bommel.

„Дорогой Фрейлиграт!

„Сегодня я получил твое письмо, после того как жена моя отправила его в Трир *), а сестра переслала его из Трира сюда. Я покинул Лондон на второй день (понедельник) после твоего посещения. Иначе мне пришлось бы, чтобы достать доверенности для душеприказчиков, ездить в City, что при нынешнем моем физическом состоянии труднее, чем переправа через море.

„Д-р Либкнехт“ приблизительно уже с год живет в Берлине. Адрес его — 13, Neuenburger Strasse. Я ничего не знаю о всей истории. Но только одна вещь удивляет меня со стороны книгопродавца. Он все время платил Вильгельму Либкнехту гонорар за „Аугсбургскую Всеобщую Газету“, пока тот был ее корреспондентом. Следовательно, он всегда мог вычесть то, что Либкнехт ему был должен.

„Во всяком случае со стороны Либкнехта было непостижительно, что он злоупотребил твоим именем. Но по отношению к книгопродавцу ты свободен от ответственности, потому что Вилльямс мог сам добиться уплаты **).

„Наилучшие пожелания.

Твой К. М.“

(К стр. 81, к письму от 12 июля 1864 г.)

В переписке сохранилось еще одно письмо Маркса от 12 июля 1864 г.

---

*) Маркс ездил в г. Трир и в Голландию для урегулирования вопроса наследства умершей в это время его матери.

**) Дело состояло в том, что Либкнехт когда-то при поручительстве Фрейлиграта занимал деньги у лондонского книгопродавца С. Вилльямса и не возвращал их. Вилльямс просил Фрейлиграта воздействовать на Либкнехта. Фрейлиграт в свою очередь сообщил об этом Марксу,

Оно гласит:

12 июля 1864 г.
1, Modena Villas. Maitland Park.

„Дорогой Фрейлиграт!

„Сегодня (только что) я получил письмо с адресом, написанным, — как мне показалось, — твоей рукой. Если это так, то я хотел бы знать, как к письмо это попало к тебе. Оно от негодяя Брасса (в Берлине), имеющего наглость поручить мне пересылку какой-то ерунды Бискампю. Ввиду того, что я уже несколько лет тому назад потерял из виду мерзавца Бискампю*), я недоумеваю, как мне отделаться от этой ерунды, потому что я не знаю, где проживает этот субъект.

„Пишу тебе, лежа в постели; несколько дней я должен лежать из-за бывшего у меня очень опасного карбункула. Проклятая болезнь то и дело возобновляется.

„15-го сего месяца я пришлю тебе с Ленхен 30 фунтов стерл., за которые благодарю. Впрочем, я надеюсь, что буду в состоянии сам до 15-го (вкл.) отправиться в City, где у меня есть еще другие дела.

„Привет.

Твой К. М.⁴

---

4) В своем письме к Э. Бискампю А. Брасс просил его сотрудничать в издаваемой им в Берлине газете.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.

Агамемнон—один из главных героев древне-греческого национального эпоса.

Альбертс—секретарь прусского посольства в Лондоне и агент тайной полиции.

Андерс (прозвище: „Лапландец“) —член Союза Коммунистов. Ему, вероятно, принадлежит изданный в 1846 году сборник социальных стихотворений под заглавием „Долой капитал!“

Андерсен, Ганс-Христиан (1805—1875) — знаменитый датский поэт, популярный автор сказок; по происхождению — сын бедного сапожника.

Аннеке, Фридрих (1817—1866) — член Союза Коммунистов, бывший прусский офицер. Во время баденской революции 1848 года командовал артиллерией в революционной армии; впоследствии полковник в американской гражданской войне.

Антипатр Фессалонийский — греческий поэт, воспевший изобретение водяной мельницы.

Ауэрбах, Бертольд (1812—1882)—немецкий писатель, известный новеллист и автор обративших на себя всеобщее внимание рассказов из деревенской жизни Шварцвальда.

Ауэрсвальд, Ганс-Адольф-Эрдман (1792—1848)—член Франкфуртского Национального Собрания, генерал, убитый вместе с князем Лихновским.

Ауэрсвальд, Рудольф, фон (1795—1866)—прусский премьер-министр и министр иностранных дел с 25 июня по 7 сентября 1848 года. С 1858 по 1862 год министр внутренних дел.

Ахилл—древне-греческий сказочный герой времен Троянской войны.

Бакунин, Михаил Александрович (1814—1876).

Бауэр, Генрих—сапожник, член Союза Коммунистов.

Бауэр, Эдгар (1820—1886) — брат известного радикального богослова и историка Бруно Бауэра, младогегельянец. После разгрома революции эмигрировал в Лондон, где редактировал выходивший там в 1858—1859 годах немецкий журнал „Neue Zeit“. По возвращении на родину—правый журналист.

Бек, Карл (1817—1879) — немецко-венгерский социальный поэт, оказавший влияние на поколение социалистических поэтов 40-х годов. Важнейшие его произведения—эпическая поэма „Янко, венгерский пастиух“ и „Песни бедняка“.

Беккер, Бернгард (умер в 1882 году) — после смерти Лассалья был избран председателем Всеобщего Германского Рабочего Союза.

Беккер, Герман, „Красный“ (1820—1885)—член Союза Коммунистов, был осужден в кельнском процессе; редактор „Westdeutsche Zeitung“, впоследствии обербюргермейстер города Кельна.

Бермбах, Адольф—демократ, был доверенным лицом Маркса в Кельне, через которого он посылал материал для защиты обвиняемых в процессе против Союза Коммунистов.

Бернштейн, Эдуард (род. в 1850 году)—немецкий социал-демократ, теоретик ревизионизма.

Бестужев, Александрович (1797—1837) (псевдоним: Марлинский)—беллетрист и критик, штабс-капитан; за участие в заговоре декабристов 1825 года был сослан в 1826 году в Якутск. В 1928 г. был переведен рядовым солдатом на Кавказ, где в сражениях с горцами и погиб.

Бета (Бетцинге), Генрих, д-р (1813—1876)—немецкий демократический писатель, эмигрант, временный редактор эмигрантского журнала „Hermapf“, состоял также корреспондентом нескольких немецких журналов на материке.

Бискамп, Элард—демократ, журналист, основатель лондонской немецкой газеты „Das Volk“, в которой сотрудничали Маркс и Энгельс.

Бисмарк, Отто, князь (1815—1898)—с 1862 года министр-президент Пруссии, а с 1871 по 1890 год имперский („железный“) канцлер Германии.

Блан, Луи (1811—1882)—французский политический деятель и историк, член временного правительства в 1848 году, защищавший права рабочих; в 1871 году примкнул к версальскому правительству и таким образом поддержал расправу над Парижской Коммуной.

Блинд, Карл (1826—1907)—демократический писатель, представитель баденского революционного правительства в Париже; в 1852 году эмигрировал в Англию; играл жалкую роль в процессе Фогта с „Augsburger Allgemeine Zeitung“.

Блюм, Роберт (1807—1848)—лидер левых во Франкфуртском Национальном Собрании; сражался на баррикадах в Вене против императорских войск, взят в плен и расстрелян 9 ноября.

Борхардт, Луи—врач, близкий друг Вильгельма Вольфа, которому Маркс посвятил первый том „Капитала“.

Брайт, Джон (1811—1889)—английский политический деятель, сотрудник газеты „Morning Star“. Выступал против введения билля о десятичасовом рабочем дне.

Браас, А.—бывший революционер, в 60-х гг.—сторонник Бисмарка.

Бризида—пленница, из-за которой возник спор Агамемнона с Ахиллом.

Брокгауз—известная издательская фирма в Лейпциге, основанная в 1814 году Фридрихом-Арнольдом Брокгаузом.

Бухер, Лотар (1817—1892)—демократ, член Прусского Национального Собрания. В лондонской эмиграции состоял корреспондентом „Nationalzeitung“; по возвращении в Германию—друг и душеприказчик Ласала. Впоследствии сотрудник министерства иностранных дел и доверенное лицо Бисмарка.

Бухнер, Карл (1800—1872)—юрист, политический писатель, интимный друг Фрейлиграта.

Бухнер, Вильгельм — писатель, сын предыдущего. Обработал и издал переписку Фрейлиграта.

Бюргерс, Генрих (1820—1878) — член Союза Коммунистов. Сотрудничал в „Rheinische Zeitung“ и состоял членом редакции „Neue Rheinische Zeitung“. По кельнскому процессу коммунистов в 1852 году осужден на 6 лет крепости. Впоследствии — член рейнского ландтага и рейхстага от прогрессивной партии.

Вагнер, Рихард (1813—1883) — великий композитор и поэт.

Валесродэ, Людвиг-Рейнгольд (1810—1889) — демократический писатель и друг Иоганна Якоби.

Валленштейн, Альбрехт (1583—1634) — герцог Фридрихский, императорский фельдмаршал в Тридцатилетней войне, герой драмы Шиллера под таким же названием.

Веерт, Георг (1821—1856) — один из талантливейших немецких социалистических писателей эпохи раннего социализма, член Союза Коммунистов и редакции „Neue Rheinische Zeitung“, близкий друг Маркса, Энгельса и Фрейлиграта.

Вейдемейер, Иосиф (1818—1866) — бывший лейтенант артиллерии, верный приверженец и друг Маркса, один из пионеров рабочего движения в Северной Америке.

Вейс, Гвидо (1822—1899) — радикальный журналист, друг Молешотта, Германа Беккера и Иоганна Якоби, редактор газет „Die Zukunft“ и „Die Wage“. Сотрудник „Vossische Zeitung“ и „Frankfurter Zeitung“.

Вестфален, Фердинанд, фон (1799—1876) — шурин Маркса, реакционный прусский министр внутренних дел с 1852-го по 1858 год.

Виге, Иоганн Фридрих — наборщик, свидетель в процессе Фогта.
Видок, Франсуа (1775—1857) — французский авантюрист и агент тайной полиции.

Виллих, Август (1810—1878) — бывший капитан артиллерии, член Союза Коммунистов, комендант вольного отряда баден-пфальцской революционной армии, впоследствии — дивизионный генерал в американской гражданской войне.

Вильямс, С. — лондонский книгопродавец.

Винс, Генрих (умер в 1896 году) — купец в Лондоне, муж дочери Фрейлиграта, Луизы.

Вольф, Вильгельм (1809—1864) (прозвище „Лупус“, т. е. „Волк“ или „Красный Волк“) — писатель, родом — крепостной силезский крестьянин, один из вернейших друзей Маркса и Энгельса, член Союза Коммунистов, член Франкфуртского Национального Собрания от города Бреславля, сотрудник „Neue Rheinische Zeitung“. После подавления революции эмигрировал в Англию; с 1854 по 1864 год учительствовал в Манчестере. Маркс посвятил ему I том „Капитала“.

Вольф, Юлий (род. в 1834 году) — немецкий публицист и писатель, друг Фрейлиграта, из Дюссельдорфа.

Габсбурги — германо-австрийская династия с 1273 г. по 1918 год.

Гагерн, Фридрих-Балдуин, барон (1794—1848) — голландский и прусский генерал. Убит в битве против революционного отряда Геккера.

Гатцфельдт, София, графиня (1805—1881) — старинного прусского дворянского рода, она в 1822 г. вышла замуж за молодого графа Эдмунда фон-Гатцфельдт-Вильденбурга, одного из богатейших

магнатов Рейнской провинции. Разошлась с мужем и после длительного процесса получила формальный развод в 1854 г. Лассаль был главным защитником графини и выиграл процесс. За это время графиня сделалась его интимным другом и политической единомышленницей и своими средствами поддерживала рабочее движение. После смерти Лассаля она пыталась настроить германское рабочее движение в духе культа Лассаля.

Гезекиль, Георг-Людвиг (1819—1874) — консервативный писатель; с 1849 года до своей смерти состоял редактором консервативной прусской „Kreuzzeitung“.

Гейне, Генрих (1799—1856) — знаменитый немецкий поэт, друг Маркса.

Гельти, Людвиг-Генрих-Кристоф (1748—1776) — рано умерший от чахотки немецкий поэт; его меланхолическая поэзия слабо отражала жизнь.

Гервег, Георг (1817—1875) — немецкий поэт, друг Бакунина и Герцена, автор „Стихов живого человека“ и „Песней труда“. Сыграл роковую роль в семейной жизни Герцена. В 1842 году совершил триумфальное путешествие по Германии и, уступая настояниям некоторых берлинских друзей, сделал визит королю, которому очень хотелось познакомиться с талантливым поэтом. Когда вскоре после этого указ запретил распространение в Пруссии журнала, который должен был издаваться под редакцией Гервега в Цюрихе, возмущенный поэт написал королю письмо, в котором протестовал против поведения его министров. Хотя оно не предназначалось для печати, оно было опубликовано в „Лейпцигской Всеобщей Газете“, и Гервег немедленно был выслан из Пруссии. Во время революции 1848 года он организовал из немецких ремесленников и других эмигрантов в Париже добровольческий отряд.

Гергей, Артур (1818—1916) — известный венгерский революционный генерал, главнокомандующий венгерской революционной армии в 1849 г.; получил от Л. Кошута диктаторскую власть, он при Вилагоше сложил оружие перед русскими царскими войсками.

Герстенберг, Исидор (умер в 1876 году) — друг и школьный товарищ Лассаля. Впоследствии банкир в Лондоне; приверженец Кинкеля.

Гете, Иоганн-Вольфганг (1749—1832).

Гиршфельд, Карл - Ульрих - Фридрих (1791—1859) — прусский генерал.

Гирш, Карл (1841—1900) — талантливый немецкий журналист, в семидесятых годах редактор нескольких социал-демократических газет,

Голлингер, Фиделио — собственник типографии в Лондоне, где печаталось большинство немецких эмигрантских газет.

Гораций (65—8 до нашей эры) — римский поэт.

Готтшальк, Андрей (1815—1849) — врач, член Союза Коммунистов, основатель и председатель кельнского рабочего союза с апреля по июль 1848 года.

Гофер, Андрей (1767—1810) — руководитель освободительной войны в Тироле против французской оккупации, — расстрелян в Мантуе 20 февраля 1810 года.

Гофман фон-Фаллерслебен, Август-Генрих (1798—1874) — профессор, политический писатель 40-х годов и поэт.

Г р а б б е, Христиан-Дитрих (1801—1836) — немецкий писатель, драматург и поэт.

Г р ю н, Анастасий (граф Ауэрсберг) (1806—1876) — австрийский политический писатель и поэт.

Г у ц к о в, Карл (1811—1878) — немецкий писатель, один из руководителей „Молодой Германии“, издатель и редактор журнала „Телеграф“ в Гамбурге, в котором сотрудничал Энгельс.

Г ю н е р б е й н, Ф. В. — портной, участник революции 1848 года.

Д а н а, Чарльз-Андерсон (1819—1897) — американский журналист, друг Маркса, Энгельса и Фрейдрихта, издатель газеты „New-York Tribune“ и большой „Американской Энциклопедии“. В обоих изданиях Маркс и Энгельс принимали деятельное участие.

Д а н и э л ь с, Роланд, доктор (1818—1855) — один из друзей Маркса, Энгельса и Фрейдрихта в Кельне, член Союза Коммунистов. Он умер в 1855 году от чахотки, приобретенной им в тюрьме во время следствия по кельскому процессу.

Д а н и э л ь с, Амалия — жена предыдущего, близкая знакомая семьи Маркса.

Д а у м е р, Георг-Фридрих (1800—1875) — немецкий религиозный философ и писатель.

Д е м б и н с к и й, Генрих (1791—1864), — польский революционный генерал, сражавшийся в венгерской революционной армии в 1849 г.

Д е м у т, Елена („Ленхен“) — долголетняя домашняя работница в семье Маркса, а после смерти последнего и у Энгельса.

Д ж о н с, Эрнст-Чарльз (1819—1869) — друг Маркса, чартист и писатель, защитник Эйхгофа в процессе Штибера, издатель газеты „People's Paper“ и автор экономической работы „Труд и капитал“.

Д р о н к е, Эрнст (1823—1891) — член Союза Коммунистов, член редакции „Neue Rheinische Zeitung“, автор известной книги о домартовском Берлине.

Д у н к е р — чиновник берлинской полиции, следивший за коммунистическим движением.

Ж и л п и н — Главный директор Швейцарского Генерального Банка.

Ж и с к э, Ари-Жозеф (1792—1866) — префект парижской полиции, прославившийся преследованием революционеров и демократов.

З е й д — содержатель гостиницы в Лондоне, где собирались немецкие эмигранты.

З и б е л ь, Карл (1836—1868) — рейнский социальный поэт, родственник Энгельса.

З и к к и н г е н, Франц, фон (1481—1523) — немецкий рыцарь времен Реформации, участник Великой крестьянской войны.

И м м е р м а н, Карл-Леберехт (1796—1840) — немецкий писатель.

К а р д е н — английский политический деятель.

К а у т с к и й Карл (род. в 1854 году).

К е л л е р, Готфрид (1819—1890) — швейцарский немецкий писатель; в 40-х годах — политический поэт.

Кестер, Генрих (1807—1881) — филолог, педагог, близкий друг Фрейлиграта.

Кинкель, Готфрид (1815—1882) — немецкий поэт, демократ, профессор по истории искусства.

Кинкель, Иоганна, урожденная Моккель (1810—1858) — талантливая писательница, жена предыдущего. По невыясненным причинам 15 ноября бросилась из окна и разбилась на смерть.

Клапка, Георг (1820—1892) — генерал венгерской революционной армии, комендант крепости Комаром, впоследствии один из директоров „Генерального Швейцарского Банка“, в лондонском отделении которого служил Фрейлиграт.

Клейн, Иогани Якоб д-р — член Союза Коммунистов, осужден по кельнскому процессу.

Кляурен, Генрих (1771 — 1854). Под этим псевдонимом писал Карл Гейн (Hein) свои многочисленные, модные в 40-х гг. новеллы и романы; они не имеют никакой литературной ценности и апеллируют к сантиментальным чертам немецкого мещанства.

Кобден, Ричард (1804—1865) — английский государственный деятель, пропагандист свободной торговли, противник десятичасового рабочего дня.

Кольб, Густав-Эдуард (1798—1865) — немецкий публицист и редактор „Augsburger Allgemeine Zeitung“ с 1837-го по 1865 год.

Комп, Альбрехт — друг И. Вейдемейера, корреспондент фирмы Г. фон-Бауер и К^о, филиала Дармштадтского банка в Нью-Йорке. В 1858 г. Комп организовал в Нью-Йорке „клуб коммунистов“ из пятидесяти человек и 15 июня 1858 г. обратился с письмом к Марксу, в котором предлагал объединить революционные клубы Старого и Нового света в боевую организацию.

Котта — известная издательская фирма в Аугсбурге и собственница „Allgemeine Zeitung“. Фирма основана в 1640 году Иоганном-Георгом Коттой.

Кошут, Людвиг (1802—1894) — глава венгерского революционного правительства 1848—1849 гг.

Кугельман, Людвиг (1830—1902) — в юности был купцом, принимал участие в революции 1848 года, жил в эмиграции (в Швейцарии и Франции), по возвращении на родину поселился в Ганновере. Врач, близкий друг Маркса.

Кюнцель, Генрих (1810—1873) — старый друг Фрейлиграта, артист, учитель и поэт, переводчик с английского.

Лапландец — см. Андерс.

Лассаль, Фердинанд (1825—1864).

Латур, Теодор-Франц, граф (1780—1848) — австрийский фельдцейхмейстер, военный министр, убит в Вене 6 октября 1848 года.

Левальд — защитник Вильгельма Эйхгофа в процессе Штибера.

Леви, Густав — купец из Дюссельдорфа, социалист-лассальянец, кассир Всеобщего Германского Рабочего Союза.

Ленау, Николай (1802—1850) — австрийский поэт, автор „Савонаролы“, „Альбигойцев“, „Фауста“ и др.

Ленхен — см. Демут, Елена.

Лесснер, Фридрих (псевдоним: Карстенс) (1825—1910) — портной, член Союза Коммунистов, участник революции 1848 года, осу-

жден по кельнскому процессу, эмигрировал в Лондон; близкий друг Маркса и Энгельса; принимал активное участие в работах I Интернационала, незадолго перед смертью издал интересные „Воспоминания“.

Либкнехт, Вильгельм (1826—1900)—основатель германского социал-демократического рабочего движения.

Лихновский, Феликс, князь (1814—1848)—прусский офицер, член Франкфуртского Национального Собрания, убит во Франкфурте.

Лонгфелло, Генри (1807—1882)—известный американский поэт, друг Фрейлиграта, переведшего многие из его стихов на немецкий язык.

Лютов, Адольф (1782—1834)—прусский генерал, герой освободительной войны 1813 года.

Маркс, Карл (1818—1883).

Маркс-Лафарг, Лаура (1846—1911)—вторая дочь Маркса, вышла замуж за Поля Лафарга в 1868 году, кончила самоубийством вместе с мужем в 1911 году.

Менцель, Вольфганг (1798—1873)—немецкий писатель и критик.

Мильтиад—знаменитый греческий полководец и победитель персов при Марафоне в 490 году до нашей эры.

Муш (или „Тилль“)—сын Маркса Эдгар, умерший шести лет от роду 6 апреля 1855 года.

Наполеон I (Бонапарт) (1769—1821)—французский император.

Наполеон III (Луи Бонапарт) (1807—1873)—французский император с 1851-го по 1870 год.

Нотьюнг, Петр (1821—1880)—портной, член Союза Коммунистов. Его арест 10 мая 1851 года в Лейпциге дал прусской полиции первый материал для кельнского процесса. Нотьюнг был приговорен к шести годам крепости.

Оксфорд, Джозеф—собственник магазина шелковых изделий в Лондоне, в котором Фрейлиграт служил три года.

Ом—агент тайной полиции.

Оргес, Герман, фон (1821—1874)—публицист, редактор военного отдела „Augsburger Allgemeine Zeitung“.

Орсини, Феличе (1809—1858)—итальянский заговорщик, известный своим покушением (14 января 1858 года) на Наполеона III, как на противника освобождения Италии.

Отто, Карл—химик, член Союза Коммунистов, осужден по кельнскому процессу на пять лет крепости.

Пальмерстон, Генри-Джон Темпл, лорд (1784—1865)—английский государственный деятель.

Паницци, Антони, сэр (1797—1879)—директор Британского музея с марта 1856 го по 1879 год.

Пауэр, Э.—немецкий музыкант в Лондоне.

Петч—издатель книги Маркса „Господин Фогт“.

Приам—последний троянский царь, павший при взятии города греками.

Пипер, В.—филолог, журналист, друг Маркса и Энгельса.

Пфендер, Карл (умер в 1876 году)—один из старейших членов Союза Коммунистов, живописец, друг Маркса.

8 Фрейлиграт и Маркс в их переписке.

Раш, Густав — немецкий писатель, друг Карла Блинда, принимал участие в революции 1848 года.

Резер, Петер-Гергард — рабочий; вместе с Бюргерсом и Германом Беккером руководитель кельского комитета Союза Коммунистов; присужденный к шести годам тюрьмы, он в 1853 или 1854 году, после неудачной попытки бегства, чтобы улучшить свое положение, предложил полиции свои услуги.

Рейфф, Вильгельм-Иосиф — присужден в кельском процессе к пяти годам тюрьмы.

Рессель, Джон, лорд (1792—1878) — английский государственный деятель.

Рип ван-Винкле — герой рассказа американского писателя Вашингтона Ирвинга (1783—1859). Рип ван-Винкле, голландский колонист, однажды ушел в горы, провел там ночь с духами, а когда вернулся к себе в деревню, оказалось, что он отсутствовал 20 лет и его родина успела превратиться из английской колонии в самостоятельную республику. Фрейлиграт сравнивает себя с Рипом ван-Винкле в стихотворении „Im Teutoburger Wald“ („В Тевтобургском лесу“).

Роденберг, Юлий (1831—1914) — писатель, редактор нескольких литературных журналов, основатель и редактор ежемесячника „Deutsche Rundschau“ (Берлин, с 1874 г.).

Ронге, Иоганнес (1813—1887) — немецкий католический богослов, основатель „христианско-католической церкви“; во время революции — демократ, эмигрант в Лондоне.

Руге, Арнольд (1802—1880) — немецкий философ, писатель и радикальный политик. В начале 40-х годов издатель „Deutsche Jahrbücher“ и „Deutsch-Französische Jahrbücher“, в которых сотрудничали Маркс и Энгельс. Эмигрант в Лондоне.

Рязанов, Давид Борисович.

Симон, Людвиг (1810—1872) — демократ, адвокат из города Трира, член Франкфуртского Национального Собрания, впоследствии журналист.

Струве, Густав (1805—1870) — бывший русский подданный, немецкий радикальный писатель и политик, один из главных руководителей баденской революции 1848 года, впоследствии эмигрировал в Америку.

Теллеринг (Мюллер-Теллеринг) — венский корреспондент „Neue Rheinische Zeitung“, редактор отдела иностранной жизни в „Westdeutsche Zeitung“. Лондонский эмигрант, интриговал против Маркса и Энгельса.

Техов, Густав-Адольф — прусский лейтенант; во время штурма берлинского цейхгауза перешел на сторону народа, за что был присужден к 15 годам каторги; начальник генерального штаба баденской революционной армии в 1848 году.

Трейчке, Генрих, фон (1834—1896) — известный немецкий консервативный историк и журналист.

Тьер, Луи-Адольф (1797—1877) — известный французский государственный деятель и историк, впоследствии палач Парижской Коммуны.

Уркарт, Давид (1805—1877) — английский дипломат и публицист; ярый противник русской царской захватнической политики на Ближнем Востоке.

Ф а у е р, Юлий (1820—1878)—немецкий публицист; до революции принадлежал к кругу Бруно Бауэра, в 60-х годах экономист, защитник свободной торговли.

Ф а з и, Жан-Жак (1794—1878)—лидер швейцарской радикальной партии, старый друг Наполеона III, директор „Швейцарского Генерального Банка“, в лондонском отделении которого служил Фрейлиграт. Подробнее о нем у К. Маркса в „*Neig Vogt*“.

Ф е г е л е — наборщик, свидетель в процессе Фогта.

Ф е м и с т о к л (525—460 до нашей эры)—знаменитый афинский полководец и политический деятель эпохи греко-персидских войн; победитель в знаменитой морской битве при Саламине.

Ф и ш е р, Фридрих-Теодор (1807—1887)—писатель и южно-немецкий политический деятель.

Ф л е р и (наст. фамилия Краузе)—лондонский купец, шпион.

Ф о г т, Карл (1817—1895)—член Франкфуртского Национального Собрания, видный естественник, материалист, состоял на службе у Наполеона III. См. книгу Маркса „*Neig Vogt*“.

Ф р е й л и г р а т, Фердинанд (1810—1876).

Ф р е й л и г р а т-В и н с, Луиза (род. в 1849 году)—дочь Фрейлиграта, вышедшая замуж за Генриха Винса в мае 1869 года. В настоящее время живет в Лондоне.

Ф р е й л и г р а т-К р ё к е р, Екатерина (1845—1904)—дочь Фрейлиграта, писательница, в 1867 году вышла замуж за немецкого купца в Лондоне, Эдуарда Крёкера.

Ф р и д р и х-В и л ь г е л ь м IV (1795—1861)—король Пруссии с 1840-го по 1857 год.

Ш а б е л и ц, Яков (умер в 1899 году)—радикальный издатель и книгопродавец в Базеле.

Ш а д, Христиан-Конрад (1821—1871)—филолог и поэт; в 1868 году издал в Лейпциге совместно с Игн. Губом „Альбом Фрейлиграта“.

Ш а д о в, Вильгельм, фон—директор дюссельдорфского союза художников „*Mahlkasten*“, один из главных виновников исключения Фрейлиграта из союза.

Ш а й б л е, Карл (1824—1899)—врач, участник баденской революции 1848 года, эмигрировал во Францию, в 1853 году выслан в Англию, где работал в течение 28 лет в качестве экзаменатора лондонского „Учительского Института“ и других учебных заведений; переехал на родину в 1883 году.

Ш м а л ь г а у з е н, Роберт (умер в 1862 г.)—зять Маркса, был женат на старшей сестре Маркса, Софии.

Ш а м и с с о, Адальберт, фон (1781—1838)—известный немецкий поэт, по происхождению французский дворянин, эмигрировавший во время Великой французской революции в Германию, один из предшественников политических писателей 40-х годов. С 1815 по 1818 год совершил кругосветное путешествие на русском корабле „*Рюрик*“.

Ш е р ц е р, Андреас—старый вейтлингианец, председатель лондонского „Союза Рабочего Образования“, умер в эмиграции.

Ш и л и, Виктор—адвокат из Трира, офицер и участник баденского восстания, близкий друг Маркса.

Ш и л ь, Фердинанд-Баттиста (1776—1809)—пруссский офицер-партизан; во время освободительной войны 1813 года его имя было окружено ореолом народного героя.

Шиллер, Фридрих (1759—1805).

Шлезингер, Макс (умер в 1881 году)—журналист, лондонский корреспондент „Кельнской Газеты“, член лондонского комитета празднования столетия рождения Шиллера.

Шмидт-Штирнер, Мария-Вильгельмина, урожд. Денгардт (1818—1902),—жена известного философа-анархиста Макса Штирнера; ей посвящен его главный труд „Единственный и его собственность“. Воспитанная на идеях „Молодой Германии“ об эмансипации женщины, она свободно вращалась в кружке берлинских „свободных“, где и познакомилась с Штирнером. Свадьба состоялась 21 октября 1843 г. В начале апреля 1846 г. они разошлись, несколько лет спустя развелись и официально. Она уехала 16 апреля 1846 г. в Лондон, где давала частные уроки и скоро стала любимицей эмигрантских кругов: Луи Блан, А. Герцен, Ф. Фрейлиграт и др. посещали ее часто. В 1852 или 1853 г. она эмигрировала в Австралию, перенесла большие материальные лишения, вышла вторично замуж и перешла в католичество. В начале 70-х годов вернулась в Лондон, где вела замкнутый набожный образ жизни и где оставалась до самой смерти.

Шнейдер II, Карл— адвокат, защитник Лассаля и коммунистов по кельскому процессу (1852).

Шрамм, Конрад (умер в 1858 году)—член Союза Коммунистов, издатель „Neue Rheinische Rundschau“, друг Маркса и Энгельса.

Шрамм, Рудольф (1813—1882)— немецкий политик и публицист, член Прусского Национального Собрания, председатель берлинского клуба демократов, эмигрант в Лондоне, впоследствии — германский консул в Милане.

Штибер, Вильгельм (1818—1882)—чиновник прусской политической полиции. В кругах революционеров он пользовался легендарной известностью. В 1853—1854 годах он издал в Берлине совместно с Вермутом известную книгу: „Коммунистические заговоры XIX века“.

Штольберг, Христиан, граф, фон (1748—1821)—немецкий поэт и талантливый переводчик древних классиков.

Штротман, Адольф-Генрих (1829—1879)—революционный писатель 1848 года, биограф Гейне и Кинкеля, переводчик многих английских и датских поэтов.

Штрон, Вильям—друг Маркса и Энгельса.

Збнер, Герман — журналист и демократ.

Эйхгоф, Вильгельм — социалист, написал несколько статей в лондонском „Негтаппе“, разоблачивших шпионскую деятельность Штибера. В 1860 году издал книгу „Полицейские силуэты“ и, чтобы избежать тюрьмы, эмигрировал в Англию и примкнул к Марксу и Энгельсу.

Эйхман, Теодор (род. в 1804 году) — купец, старый друг Фрейлиграта в Дюссельдорфе.

Эккартус, Георг (1818—1889)—портной, член Союза Коммунистов, генеральный секретарь I Интернационала.

Энгельс, Фридрих (1820—1895)

Энгельский, Луи-Антуан-Анри Бурбон, герцог (1772—1804)—принц французского королевского дома, эмигрировал в Германию и командовал в 1796—1799 годах отрядом эмигрантов против республиканских войск. Расстрелян, по распоряжению Наполеона I, 21 марта

1804 года, чтобы отомстить Бурбонам за заговор Кадудая и Пишегрю в пользу монархии.

Юнг, Георг (род. в 1814 г.) — один из основателей „Рейнской газеты“, банкир в Кельне, личный друг Марса; в 40-х гг. сочувствовал коммунистическому движению, в 1848—1849 г. принимал деятельное участие в революционном движении, состоял членом (левым) Прусского Национального Собрания, а после революции национально-либеральным депутатом парламента.

Юх, Г., д-р — немецкий журналист, редактор „Негтапп'а“.

УКАЗАТЕЛЬ ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ.

„A b e n d p o s t“ („Вечерняя Почта*)—немецкая радикальная газета, проповедывала идеи свободной торговли; она издавалась в начале 50-х гг. в Берлине, но вскоре была закрыта правительством. Главными ее сотрудниками были: Ю. Фаухер, О. Михаэлис, Принс-Смит, Макс Вирт и др.

„A t h e n a e u m“ („Атенеум*)—еженедельный журнал английской и иностранной литературы, науки, искусства, музыки и драмы; основан в 1827 г. Дж.-С. Букингэмом; в 1830 г. перешел в собственность Ч.-В. Дилька. Фрейлиграт сотрудничал в нем.

„A u g s b u r g e r A l l g e m e i n e Z e i t u n g“ („Аугсбургская Всеобщая Газета*)—основана И.-Ф. Коттой 1 января 1798 г.; благодаря хорошо поставленному иностранному обозрению и особенно достоверным сведениям из дипломатического мира, на протяжении всего XIX века пользовалась мировой известностью. До 1866 г. газета защищала австрийскую политику в немецком вопросе, а после 1866 г. переменила вехи и стала на сторону Пруссии. Существует и сейчас.

„B r e s l a u e r Z e i t u n g“ („Бреславльская Газета*)—в 30-х и 40-х гг. либеральная газета, с 1848 до 1859 г. консервативная, резко выступавшая против коммунистического движения. С 1859 г.—национально-либерального направления.

„D a i l y T e l e g r a p h“ („Ежедневный Телеграф*)—очень распространенная английская газета; основана 29 июня 1855 г. полковником Слегом. Была либеральной, но в конце XIX века приняла унионистское направление; ныне близка к министерству иностранных дел.

„D e u t s c h e R u n d s c h a u“ („Немецкое Обозрение*)—берлинский историко-культурный и беллетристический журнал, основан в 1874 г. д-ром Юлием Роденбергом, долголетним редактором был д-р Вальтер Пэтов. Выходит и сейчас.

„E x a m i n e r“ („Исследователь*)—английский политический и литературно-критический еженедельник, основан 7 января 1808 г. братьями Джоном и Ли Гэнт. Особенно в первые годы своего существования придерживался радикального направления; за характеристику короля Георга IV Ли Гэнт был оштрафован на 3.000 ф. ст. и присужден к лишению свободы на два года. Главными сотрудниками журнала после Гэнтов были А. Фонбланк и Джон Фостер. До 26 февраля 1881 г. выходил еженедельно, после — ежегодно.

„Free Press“ („Свободная Печать“) — орган Уркарта, ярого противника царской захватнической политики на Ближнем Востоке. Газета была основана в 1855 г., выходила под этим названием до 1865 г., а под названием „Diplomatic Review“ с 1866 по 1877 г. Маркс и Энгельс сотрудничали в ней.

„Gartenlaube“ („Садовая беседка“) — немецкий иллюстрированный семейный еженедельник; основан в 1853 г. Эрнстом Кейлем; один из самых распространенных журналов во второй половине XIX века в Германии; в год смерти Кейля (1878) имел свыше 300.000 подписчиков.

„Handelscourier“ („Торговый Курьер“) см. „Schweizer Handels-courier“.

„Hermann“ („Герман“) — немецкий журнал в Лондоне, выходивший с 1 января 1859 г. под руководством Г. Кинкеля. Спустя полгода журнал освободился от его влияния и стал демократическим. Собственником и долголетним редактором был д-р Юх. Всего вышло 573 номера с 8 января 1859 г. до 24 декабря 1869 г., после чего журнал стал выходить уже под названием „Londoner Zeitung“.

„Illustrated (London) News“ („Иллюстрированные Новости“) — один из первых больших иллюстрированных семейных журналов в Англии, основан 14 мая 1842 г. Гербертом Ингрэмом; существует и сейчас.

„Kölnische Zeitung“ („Кельнская Газета“) — поныне существующая влиятельная газета рейнской тяжелой индустрии; она основана германским имперским почтовым ведомством 1 января 1763 г. в Кельне как „Oberpostamtszeitung“. После оккупации Кельна французами в 1794 г. газета была переименована в „Kölnische Zeitung“ и 9 мая 1802 г. перешла в собственность наследников Дюмона и Шайберга, являющихся ее владельцами и поныне. Так как владельцы всегда преследовали материальные выгоды, то газета очень часто меняла свое направление: в зависимости от политической ситуации она стояла то за Пруссию, то против нее; до 1843 г. она была консервативной; в 1844 — 1846 гг. симпатизировала коммунизму; в период 1847 — 1855 гг. была либеральна и т. д.

„Kreuzzeitung“ („Крестовая Газета“), — см. „Neue Preussische Zeitung“.

„Magazin für Literatur des Auslandes“ („Журнал Иностранной Литературы“) — выходил с 1832 по 1843 г. как приложение к „Allg. Preuss. Staatszeitung“; Журнал был основан Иосифом Леманом и редактировался им с 1832 по 1843 г. и с 1865 по 1873 г. С 1843 г. журнал выходил самостоятельно; закрылся в 1905 г.

„Morning Advertiser“ („Утренний Указатель“) — поныне существующая английская газета, основанная в 1794 г. союзом патентованных пивоваров. В первой половине XIX века была одной из самых распространенных газет в Лондоне. Главный контингент ее читателей представляли посетители трактиров и пивных, благодаря чему в кругах respectable журналистики она третировалась. Позиция газеты была либеральной, но очень мало выдержанной, почему на страницах

ее иногда выступали крупные писатели с независимым образом мыслей.

„Morning Star“ („Утренняя Звезда“) — английская газета, выходившая с 17 марта 1856 г. по 13 октября 1869 г. в Манчестере; была основана членами либеральной „манчестерской школы“ и велась под руководством Ричарда Кобдена и Джона Брайта. К 1870 г. она слилась с либеральной газетой „Daily News“, существующей и до сих пор.

„Nationalzeitung“ („Национальная Газета“) — основана 1 апреля 1848 г. в Берлине акционерным обществом в составе: Дистервега, Калиша, Мюгге, Науверка, Рунге, Рутенберга, Цабеля и др. на платформе единого национального государства. Редакторами политического отдела были Цабель и Рутенберг, фельетона — известный писатель-романист Т. Мюгге; оба последние скоро вышли из редакции. Душой всего предприятия был Фр. Цабель. Из выдающихся сотрудников можно назвать: Э. Маттея, О. Михаэлиса, Лотара Бухера, Эд. Ласкера, Ад. Штара, Фанни Левальд, Юлиана Шмидта и др.

„Neue Preussische Zeitung“ („Новая Прусская Газета“) — (обычно называемая „Kreuzzeitung“) основана 16 июня 1848 г. ставшим впоследствии государственным канцлером Отто фон-Бисмарком. Политическим отделом руководил Герман Вагнер, иностранцам — Георг Гезекиль. Бисмарк в первые годы также был активным сотрудником. Газета защищает интересы прусского юнкерства и протестантской ортодоксии. Выходит и сейчас, как боевой орган реакционно-фашистского направления.

„Neue Rheinische Zeitung“ („Новая Рейнская Газета“) — орган Союза Коммунистов и революционной демократии, издавался К. Марксом в Кельне с 1 июня 1848 г. по 19 мая 1849 г. Кроме Маркса в редакцию входили: Ф. Энгельс, Г. Бюргерс, Г. Веерт, В. Вольф, Э. Дронке, Ф. Вольф, а с октября 1848 г. также и Фрейлиграт.

„Neue Zeit“ („Новое Время“) — немецкий журнал, орган Лондонского коммунистического просветительного рабочего союза, издавался в Лондоне с 5 июля 1858 г. по 16 апреля 1859 г. Эдгаром Бауэром; в руководстве принимал также участие и старый вейтлингианец А. Шерцер. После основания Кинкелем „Neumann“ в январе 1859 г. Э. Бауэр перешел к нему, и „Neue Zeit“ закрылась.

„Neue Zeit“ („Новое Время“) — ежесыльный научно-политический журнал германской социал-демократии, основан К. Каутским в 1883 г. в Штуттгарте. Журнал являлся марксистским теоретическим органом международного рабочего движения эпохи II Интернационала; закрылся в 1923 г.

„New-York Tribune“ („Нью-Йоркская Трибуна“) — поныне существующая нью-йоркская газета, основана в апреле 1841 г. Г. Грили; в первые годы газета проповедывала фурьеристские идеи, а в эпоху гражданской войны 1861—1865 гг. защищала интересы северян; в 1846 г. в редакцию вступил Ч. Дана, впоследствии друг Маркса и Фрейлиграта. Через Дана же Маркс и Энгельс стали долголетними сотрудниками этой газеты.

„Oberpostamtszeitung“ („Газета Почтового Ведомства“) — одна из старейших немецких газет, основана еще в XVII столетии во Франкфурте н/М. По этим заглавию она начала выходить с 1 ян-

варя 1748 г. Во время французской оккупации перешла на сторону Наполеона, затем на сторону Австрии. Наибольшее влияние она имела в 40-е годы вследствие своего ярко антипрусского направления; в 1866 г. была закрыта.

„Pensiero ed Azione“ („Мысль и Действие“) — итальянская газета, издававшаяся Дж. Мадзини с 1858 по 1860 г. в Лондоне.

„People's Paper“ („Народная Газета“) — орган чартистов, издавался Э. Джонсом с 8 мая 1852 г. по 4 сентября 1858 г. в Лондоне. Одним из виднейших его сотрудников был К. Маркс.

„Reform“ („Реформа“) — немецкая демократическая газета, основана 23 марта 1848 г. книготорговцем И.-Ф. Рихтером в Гамбурге (она скоро перекочевала в Альтону). Долголетним редактором (1848—1868 гг.) состоял Морриц Рейхенбах. После смерти Рихтера (в 1875 г.) газета перешла к его родственнику Фр.-Эд. Банксу, а затем к д-ру С. Бельмонтеусу; они старались превратить ее в национально-либеральный орган, но потерпели фиаско: газета потеряла почти всех своих подписчиков. После 1888 г. она стала опять демократической, но не могла больше оправиться; закрылась 29 февраля 1892 г.

„Rheinische Zeitung“ („Рейнская Газета“) — орган поднимающейся рейнской буржуазии; выходила в Кельне с 1 января 1842 г. по 31 марта 1843 г.; самый радикальный орган предромановского либерализма в Германии. Газета была основана акционерным обществом во главе с Георгом Юнгом и Дагобертом Оппенгеймом; в качестве ответственного редактора подписывался книгопродавец И.-Э. Ренар. Фактическим руководителем газеты был кружок молодых людей в Кельне, в большинстве случаев сыновей фабрикантов и банкиров, воспитывавшихся на идеях младогегельянской школы. Редакторами в первой половине 1842 г. были М. Гесс и А. Рутенберг, а главными сотрудниками Бруно Бауэр, весь кружок берлинских „свободных“ и К. Маркс. В начале октября Маркс переселился в Кельн и стал фактическим редактором и руководителем газеты до 17 марта 1843 г. За это время газета по значению выросла до руководящего органа немецкого радикализма и приобрела свыше 3.000 подписчиков, — по тогдашним условиям огромное количество; в ней сотрудничали: А. Руге, Ф. Энгельс, Г. Гервег, К. Гуцков, Б. Ауэрбах, Фр. Дингельштедт, О. Кампгаузен, Г. Мевиссен, Р. Пруц, Ю. Фребель и многие другие. Газета была запрещена правительством и, несмотря на многочисленные петиции рейнских городов к Фридриху-Вильгельму IV, 31 марта 1843 г. закрыта.

„Schweizer Handels courier“ („Швейцарский Торговый Курьер“) — немецко-швейцарская демократическая газета, основана в 1853 г. эмигрантом-учителем Эрнстом Шюлером в г. Биле; поэтому она иногда и называется „Bieler Handels courier“. После смерти Э. Шюлера (1878), под руководством которого газета стала одной из выдающихся газет Швейцарии, она в течение двадцати лет редактировалась его сыном Альбертом. Из других выдающихся сотрудников можно назвать: Вальтера Меца, Руд. Гохера и Герм. Фурера. С середины 1909 г. газета стала называться просто „Kurier“; но она продержалась уже не более двух лет и 30 июня 1911 г. закрылась.

„Spectator“ („Зритель“) — поныне существующий английский политический и литературно-критический еженедельник, основан 5 июля 1828 г. шотландцем Р.-С. Ринтулем. После смерти Ринтуля (1831) главными сотрудниками журнала стали Мередит Таунсенд и Ричард-Г. Гэтон; под их руководством журнал скоро сделался одним из самых влиятельных органов в Англии в вопросах этики, богословия и общественных наук.

„Volk“ („Народ“) — немецкий социалистический эмигрантский журнал в Лондоне, основан 7 мая 1859 г. Эландом Бискампом при поддержке Лондонского коммунистического просветительного союза. Маркс и Энгельс также поддерживали его и сотрудничали в нем. Из-за отсутствия средств он, однако, закрылся уже 20 августа 1859 г.

„Vorwärts“ („Вперед“) — основанный в 1884 г. под названием „Berliner Volksblatt“, с октября 1890 г., согласно постановлению партийного съезда в Галле, стал центральным органом германской социал-демократии. Выходит и поныне.

„Westdeutsche Zeitung“ („Западно-Немецкая Газета“) — немецкая демократическая газета, основана 25 мая 1849 г. Германом Беккером („Рыжим“); она была задумана как замена только что закрытой „Новой Рейнской Газеты“ Маркса, но далеко не справлялась с этой задачей. Несмотря на это она все время преследовалась правительством и 21 июля 1850 г. была, наконец, закрыта.

*ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ
Ф. ФРЕЙЛИГРАТА*

ЛЮБИ, ПОКА ЛЮБИТЬ ТЫ МОЖЕШЬ.

Люби, пока любить ты можешь,
Иль час ударит роковой, —
И станешь с поздним сожаленьем
Ты над могилой дорогой!

О, сторожи, чтоб сердце свято
Любовь хранило, берегло,
Пока его другое любит
И неизменно, и тепло.

Тем, чья душа тебе открыта, —
О, дай им больше, больше дай!
Чтоб каждый миг дарил им счастье, —
Ни одного не отравляй!

И сторожи, чтоб слов обидных
Порой язык не произнес;
О, боже! он сказал без злобы,
А друга взор уж полон слез!

Люби, пока любить ты можешь,
Иль час ударит роковой, —
И станешь с поздним сожалением
Ты над могилой дорогой!

Вот ты стоишь над ней уныло,
На грудь поникла голова...
Все, что любил, навек сокрыла
Густая влажная трава...

Ты говоришь: „Хоть на мгновенье
Взгляни! Изныла грудь моя!

Прости язвительное слово:
Его сказал без злобы я!

Но друг не видит и не слышит,
В твои объятия не спешит;
С улыбкой кроткою, как прежде,
„Прощаю все“ — не говорит!

Да, ты прощен... Но много, много
Твоя язвительная речь
Мгновений другу отравила,
Пока успел он в землю лечь...

Люби, пока любить ты можешь,
Иль час ударит роковой, —
И станешь с поздним сожаленьем
Ты над могилой дорогой!

(Перев. А. Плещеев.)

ЛЕДЯНОЙ ДВОРЕЦ.

I.

Про этот ледяной дворец,
наверное, слышали вы!
Он, как хрустальный, весь сверкал
в снегах замерзнувшей Невы!
Таков был взбалмошный приказ
императрицы, и отлит
Дворец роскошный целиком
из ледяных граненых плит!

Снаружи вокруг него буран,
полярный ветер и мороз,
Внутри же веянье весны,
гирлянды из тепличных роз.
Повсюду канделябров блеск
и музыка, и танцевал
В пролетах ледяных колонн
потешный пестрый карнавал!

Так гордо красовался он
до марта зиму напролет;
Но и в России есть весна
и на Неве есть ледоход!
Лишь буря с юга принеслась,
и вот сверкающий колосс,
Подтаяв, сам собой упал
Волнам ликующим на снос!

И вскрылась радостно Нева.
Она, которая вчера
Спала окованная льдом,
потеха царского двора,
Покорно на себе несла
блеск роскоши и мишуры,
Царица на нее ногой
ступала точно на ковры!

Свободной сделалась Нева!
И к морю напролом, вперед,
Стихия проложила путь,
взломав и сокрушивши лед!
Оковы раздробив свои
и рабства смыв с себя позор,
Величественно потекла
в свободный и морской простор!

II.

Народам все хотите вы
закреть свободы океан,
Иль непонятен вам урок,
который был Невою дан?
Ведь сбросит тирании лед
поток народный, наконец,
И рухнет, точно ледяной,
подтаяв, деспотов дворец!

Еще пируете вы в нем,
самодовольные пока,

Как будто не придет весна
и не подыметса река!
Уж ветер теплый потянул,
и все сильнее солнца свет,
И каплет с крыши, на полу
опасный скользкий гололед!

Но гибели хотите вы!
Не хочется вам уступать,
Вы ждете, что придет зима
и подморозит все опять!
Напрасно ждете, господа, —
весну зимой не сделать вам.
Поверьте: если треснул лед,
он расплзется по кускам!

И будет то же, что тогда:
и к морю напролом, вперед,
Стихия свой проложит путь,
сломав и сокрушивши лед!
Оковы раздробив свои
и рабства смыв с себя позор,
Величественно потечет
в свободный и морской простор!

(1846 г.).

(Перев. М. Зенкевич.)

СНИЗУ НАВЕРХ.

Бежит по Рейну пароход
и роет волны за собой,
Колесами шумя дымит
и вправо, влево шлет прибой.
Увешан вымпелами весь
и, флаги в ветре шевеля,
Из Пруссии везет он вниз,
в прирейнский замок, короля.

И солнце — слиток золотой,
Как панорама — города,

И белизна, и чистота,
и точно зеркало — вода.
И по сверканью половиц,
по палубе вощенной вдоль
Разгуливают, веселясь,
и королева и король.

Так живописно все кругом,
и королевская чета
Разглядываньем берегов,
бегущих мимо, занята.
Глядят на горы и на Рейн,
и на бурлящий белый след,
Ходить по палубе легко,
как будто в Сан-Суси паркет.

А там, запрятана внизу
под роскошью и белизной,
Могущая взорвать их всех
стихия накаляет зной.
Там в копоти, в чаду котлов,
под неумолчный шум и свист,
Стоит и управляет всем
он, пролетарий-машинист!

Снаружи зелень, синева
и серебрится Рейн светло,
А он лишь целый день глядит
в печное красное жерло.
В фуфайке, полуголый он
стоит, весь пламенем объят,
В то время как король вверху
Вдыхает горный аромат.

Идет все гладко, хорошо,
и вот, покуда пышет пыл,
Себе на несколько минут
Он рабский отдых разрешил.
Из пекла вылез своего
и, приподняв тяжелый люк,
По пояс высунулся он
и бросил беглый взгляд вокруг.

С горячей кочергой в руке
и от жары разгорячен,
Мохнатой грудью оперся
на тонкие перила он.
Все осмотрел и королю
ворчит негромко, про себя:
„Как государство — пароход!
Здесь в роскоши везут тебя,

А там внизу, в нужде, во тьме,
в труде приравненный рабу,
Растапливаю я огонь
и сам кую свою судьбу.
Мою, но и твою, монарх!
Колесам кто дает удар?
Своей мозолистой рукой
железо держит кочегар!

Король, ведь, ты совсем не Зевс!
Пожалуй, я скорей титан, —
Я сдерживаю под тобой
всегда kloкочущий вулкан.
Ведь все зависит от меня:
лишь поворот руки один —
И роскоши твоей конец,
и ты падешь с своих вершин.

И палубу разметет взрыв,
и с ней взлетишь на воздух ты.
Освобождаясь, выйдем мы
на свет дневной из темноты.
Мы — сила! Государство вновь
скуем, — оно пришло в разлад.
И божьей ненавистью мы
до сих пор пролетариат!

Тогда, ликуя, в мир пойду,
чтоб на плечах во все места,
Как новый Христофор святой,
нести всем нового Христа.

Непобедимый исполин,
не дрогну я, и буду тот,
Через кого по бурям в мир
спаситель новый снизойдет!“

Так в бороду свою ворчал
циклоп, рассержен и угрюм,
И вновь под палубу нырнул
к машинам в пароходный трюм.
Снуют, скрежещут рычаги,
и пламя мечет красный свет,
Бушует пар, а он им всем:
„Стихия, не сегодня, нет!“

Вот, наконец, свистя, шипя,
причаливает пароход,
Величества их в Штольценфельд
какета шестерней везет.
Смеется истопник им вслед,
и слушает огонь один:
„О, сколько создают хлопот
из этих будущих руин!“
(1846 г.).

(Перев. М. Зенкевич.)

В ГОРАХ РАЗДАЛСЯ ПЕРВЫЙ ГРОМ.

В горах раздался первый гром —
И над попами грянул!
И вот в стремленье роковом
Пошла лавина напролом, —
Трех стран народ воспрянул!
И отдыхает от побед
Уже швейцарских гор хребет,
Дрожа до основанья!

Италию поднял порыв,
И вот Везувий, Этна
Грохочут, красный зев открыв, —
Везде гремит за взрывом взрыв.

И разговор секретно
Из Берлина в Вену, из Вены в Берлин
Идет о событиях все один:
„Опасно ваша милость!“

Вновь разворочено камней
Из мостовых немало,
Свобода вновь в несколько дней
На улицу двух королей
Из пышных зал прогнала.
Один из них к тому ж казнен, —
О, слишком долго мучил он
Народ, король июльский!

Смыкай ряды. Команда: „пли!“
И вновь клади заряды!
Народ, что сталь. Скорей вали
Омнибус, тачки. Из земли
Растут пусть баррикады!
К смерти готовы налегке
Поют с булыжником в руке:
«Mourir pour la patrie!»

И знамя реет, засвистал
Булыжник с пулей вместе!
С коня слетает генерал —
Ça ira, и хлынул вал
Блуз синих из предместий!
Тесней! Не дрогнет здесь никто.
В отставку вышел уж Гизо,
Бледен, дрожа губами.

„Vive la Réforme! Le Système à bas!“
Отличные ребята!
Сегодня сбор плодов — сюда
Трясите груши, ça ira!
Восстаньем все объято!
Новых войск не подойдет:
Разрушил, разобрал народ
И телеграф, и рельсы!

Что будет дальше, — положим!
Но будет все ж свобода!
Свобода здесь и там, кругом —
На всем пространстве мировом
Для всякого народа!
В горах раздался первый гул
И молниею вниз сверкнул, —
Лавина пришла в движение!

Уж катится и приведет
Ломбардию в движение!
С поляков, венгров сбросит гнет,
Затем в Германию падет!
Бессильно принужденье!
Но волею пахнет весна,
И медленно сама она
Сойдет, лавина гнева!

Сейчас еще нам нужен гнев,
Пока, до той зари.
В глазах моих слеза, напев
В душе моей звенит: «Mourir,
Mourir pour la patrie!
Привет тебе, о славный год!
Февраль торжественно течет —
Allons, enfants! — Mourir, mourir,
Mourir pour la patrie!»

(Лондон, 25 февраля 1848 г.)

(Перев. М. Зенкевич.)

ПЕСНЯ О СМЕРТИ.

На холме стоит, и над ней заря,
И в руке у нее обнаженный меч.
„За свободу смерть, вот кто я!
За человечество, родину зову вас лечь!
Не сиделка я у постели больных,
Не кладу в гроба стариков и детей,
Но беру, как боец, в рядах боевых
Из мужей и юношей тех, кто сильнее!

Под лазоревым небом, сверкая мечом,
Пролетаю я сквозь ликующий строй,
И на пашню бросаю их навзничь, ничком,
На цветы, на булыжники мостовой.
Когда в сердце гнев боевой и порыв,
Хорошо умирать: и, оставив взгляд
В высоту и смертельные раны открыв,
Головой в крови они лежат!

Лежат пристреленные храбрецы,
Республиканцы, в Вене и на Шпре,
На Эйдере, и там, где зубцы
Шварцвальда блестят в снеговом серебре.
Повсюду сотнями лежат вразброс,
Их в строй призвали Март и Апрель,
А Май бросает бутоны роз
На их могилы и сыплет хмель!

О, розы Мая! Что Май с собой
Несет вам? Открою: укол и удар,
Ружейный залп, барабанный бой,
И еще в придачу меня, как дар.
Оружием вы сами себя должны
Навсегда и совсем освободить скорей,
Знамен ваших золото — не галуны
Камердинерских и лакейских ливрей!

Ведь вами не все еще свершено!
И кто остановит ядра полет?
Свистя и воя, несется оно,
Покуда жертв своих не найдет.
Хотите „мятежником“ того назвать,
Кто требует, не отступая и не дрожа?..
Забыли, что можете заседать
Во Франкфурте милостью мятежа!

„Демократический базис“, чтоб был он „широк“!
„Конституция“, „парламент“, „народ“, „государь“!
Одно только ясно между строк:
Для себя вам нужен „базис“, как встарь!

Для удобного сиденья вам нужен стул,
„Широкий“ — дремать, развалившись в нем!
Вы хотите, чтоб, как тридцатый, блеснул
И сорок восьмой бесплодным огнем!

Но мы пишем сорок восьмой год,
И гроза пришла, и ее, господа,
Не сдержать вам, и вас она сметет,
Доберется и к вам наверх туда!
За молнией молния, за ударом удар,
И голос громов раскатист и глух:
Слишком гнилостен мир и слишком стар,
И его очищает божественный дух!

Я ниспослана к вам! И пришла, как март,
Сурово и строго иду по полям,
И бойцов, охмелевших и впавших в азарт,
Самых лучших и смелых, бросаю средь ям!
И я буду итти, и убивать я должна,
Пока солнце над красной зарей не взойдет!
О, мучительная и радостная весна!
Я — смерть за свободу! За мной, вперед!“

(Лондон, 30 апреля 1848 г.)

(Перев. М. Зенкевич).

МЕРТВЫЕ ЖИВЫМ.

В крови и со свинцом в груди,
с раскroенными лбами, —
Так нас несли вы на досках,
Подняв над головами!
Убийце трупы напоказ —
среди яростного крика,
Чтоб был их вид навек ему
проклятье и улика!
Чтоб день и ночь они пред ним
кровавые вставали, —
Откроет Библию иль пьет
шампанское в бокале.
Чтоб никогда не мог он смыть
с себя клеймо позора

И чтоб нигде не мог спастись
от страшного укора.
Чтоб каждый скошенный их рот
и каждая их рана,
Мерещась, и в предсмертный час
страшили бы тирана.
Чтоб стон их каждый слышал он,
в бреду последнем маясь,
И видел — каждая рука
грозит, в кулак сжимаясь,
Хотя б он умирал, как все,
в подушках на перине,
Иль распростертый на досках
в крови на гильотине!
Так было! Со свинцом в груди,
с раскroенными лбами,
К балкону подняли вы нас —
к нему над головами!
„Сюда“! И к трупам он сошел
испуганно с балкона.
„Прочь шляпу!“ И покорно снял
(марионетка трона,
Обманщик и комедиант),
стоял дрожащим, бледным,
И шли из города войска
под натиском победным.
„Христос — моя защита“, так
читалось в книге прежде,
Теперь „защита наша — сталь“,
иной не быть надежде!
На утро после ночи той,
когда в бою мы пали,
Вы нас торжественно несли,
могилу нам копали.
Пробиты в дырах черепа,
на лицах пятна крови,
Но блеск победы на челе,
и гордо сжаты брови.
Мы думали: не даром, нет,
мы головы сложили.
Теперь навеки можем мы
спокойно спать в могиле.

Вы обманули нас! Позор
        живым! Вы проиграли
В четыре месяца все то,
        что мы завоевали.
И подвиг наш, и нашу смерть, —
        вы предали их тоже!
Все слышим мы, все знаем мы,
        в могилах братских лежа!

. . . . .
Тот хлеб, что зрел, как пали мы,
        лежит снопами брошен;
Кровавый мартовский посев
        свободы тоже скошен.
Лишь уцелевши кое-где,
        еще пылают маки.
О, если б так же красный гнев,
        оставшись, тлел во мраке!
Он жив! И знаем мы, близка
        конечная расплата,
Завоевали много мы,
        назад не меньше взято.
О, слишком много каждый день
        паденья и позора!
И верьте мертвым нам: опять
        тот гнев воскреснет скоро!
Он в вас живет. И вспыхнет вновь,
        От спячки всех пробудит,
И революция уже
        не половинной будет!
Он лишь мгновенья ждет в тиши
        и ширится неслышно,
И в буре рук, голов опять
        пожаром встанет пышно!
И с ружей ржавчину сотрет,
        нальет свинец в зарядах;
И знамя красное опять
        взовьет на баррикадах.
Оно пылает над толпой,
        и с ним идут солдаты,
И троны рухнули, князья
        бегут, боясь расплаты.

Ни львов и ни орлов! Когтей
не держит герб державный!
И сам свою судьбу кует
народ самодержавный!
Пока же не пробил тот час,
пусть наш могильный голос
Вольет вам мужество в сердца,
чтоб дальше вы боролись.
С оружием знака ждите все
и будьте все готовы
С земли, в которой мы лежим,
разбить и снять оковы!
Чтоб мысль ужасная не жгла
наш череп под гробами —
„Свободны были и опять
навек они рабами!“

(Дюссельдорф, июль 1848 г.)

(Перев. М. Зенквич.)

ВОПРЕКИ ВСЕМУ!

Был март горяч, и вопреки
Дождю, и снегу, и всему,
Теперь ложатся лепестки,
И холод вопреки всему.
Да, вопреки всему, всему,
Берлину, Вене и всему —
Пронизывает ветер нас
Морозом вопреки всему!

Реакция со всех сторон,
И иней, ржавчина всему,
И вновь буржуазии трон
Стоит, и вопреки всему.
Да, вопреки всему, всему,
Лжи, и убийствам, и всему
Стоит он и позорит нас,
Как прежде, вопреки всему!

Но все же мы, не оробев,
Бодримся вопреки всему!

В груди глубоко тлеет гнев,
Нас греет вопреки всему!
Да, вопреки всему, всему,
Крепимся вопреки всему!
Встряхнемся: ветра злой порыв,
Не больше, вопреки всему!

Вы то, что гибнет и падет,
Вы касты, вопреки всему!
Мы человечество, народ,
Мы вечны, вопреки всему!
Да, вопреки всему, всему!
Мешайте, — нас сломить нельзя!
Весь мир — наш, вопреки всему!

(Июнь 1848 г.)

(Перев. М. Зенкевич).

РЕВОЛЮЦИЯ.

Пусть ваши палачи ее,
как дичь, затравят и возьмут,
Держите в крепости ее,
отдайте под военный суд;
Иль схороните под холмом,
чтобы над ней росла трава,
И девушки плели венки, —
и все ж скажу: она жива!
Иль остригите наголо
волнистый шелк ее кудрей,
Шпану, воров, убийц одних
товарищами дайте ей,
Пусть носит серый свой халат,
ест из тюремного котла,
Прядет и ткет, но все ж скажу:
она свободна, как была!
Великий день и близок он.
Как бог ваш в оные года,
Она пророчит так: Я есмь,
была и буду я всегда!

Всегда я буду, и пройду
    перед народами опять,
И на коронах буду я,
    на ваших головах стоять!
И мстительница, и судья,
    приду карать вас и судить,
С мечом, сверкающим в руке,
    приду весь мир освободить!
Вы только видите меня
    в могилах, в тюрьмах и в цепях,
Гонимой видите меня,
    изгнанницей в чужих углах.
Слепцы, вы гоните меня, —
    ужели думаете вы,
Что можете меня изгнать
    из сердца и из головы?
Ведь те, кто горды и смелы,
    и человечны, — те дают
В своей душе, тайком от вас,
    убежище мне и приют.
Я в каждой хижине живу,
    живу я в каждой мастерской!
Все человечество сейчас
    свободы жаждет, дышит мной!
Всегда я буду, и пройду
    перед народами опять!
И на коронах буду я,
    на ваших головах стоять!
То не угроза, не хвальба, —
    таков истории закон!
И будет жарко, а сейчас
    ты веешь стужей, Вавилон!

(1851 г.)

(Перев. М. Зенкевич)

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО „НОВОЙ РЕЙНСКОЙ ГАЗЕТЫ“.

Не честный удар в лихом бою,
Но обманы коварной клики
Сломили внезапно мощь мою;
Те западные калмыки

Из мрака в меня метнули копьё,
Мне в тыл стрела полетела,
И вот бессильно лежит мое
Мятежное гордое тело.

С улыбкой презрительной я лежу,
Сжимая меч кровавый,
Я и в смертный час зову к мятежу,
Я пал, покрытый славой!
Вот известь несут для могилы моей!
И царь и пруссаки люты!
Но Венгрия храбрая и Пфальц за ней
Мне шлют за салютом салюты.

И приходит бедняк полунагой
И земные комья покорно
Мне на гроб кидает прилежной рукой,
Рукой мозолистой, черной.
Из цветов венок принес мне он,
Он мне раны покрыл цветами,
Тот венок был женою его сплетен,
Утомленной дневными трудами.

Так прощай же, воюющая земля,
Так прощайте, лихие солдаты!
Так прощайте, покрытые дымом поля,
Так прощайте, мечи и латы!
Так прощай же, мир, но не навсегда!
Дух они не убили, о братья!
Скоро, скоро опять я вернусь сюда
И за меч свой возьмусь опять я!

И лишь молния битвы опять сверкнет,
Лишь венцы, как стекло, разлетятся,
Лишь „виновен“ скажет великий народ,
Вновь мы встанем и будем сражаться.
Над Дунаем, над Рейном, мудра и сильна,
Пролетит она, чудо-девица...
И над миром навек воцарится она,
Величаяя бунтовщица.

СРАЖЕНИЕ У БЕРЕЗЫ.

I.

Стрелок молодой на опушке сидел
Над Гаарой в высокой траве.
Как кровь были листья, иней блестел,
Но солнце цвело в синеве.
Он молвил: „Не стало слышно гончей,
Напрасно лисицы я ждал.
Все дальше рога, все тише и звонче, —
Без выстрела нынче день пропал.

Плестись ли за ними? Пусть к чорту идут!
Так тепел здесь луч золотой!
Полянку найду в можжевельнике тут
И камень от моха седой.
На нем растянусь, как на мягкой постели,
Двустволку повешу на бук.
Явись из своей поэтической щели
Мой Байрон, охотника друг“.

И сняв свой мешок, извлекает на свет
Давнишнего спутника он:
На тонкой бумаге великий поэт
Цвикауером плохо тиснен.
И книгу раскрыв, он „Мазепу“ читает:
Его срифмовать по-немецки сумей!
Так пусть же прохожий на смех подымает:
Охотник-де наш — грамотей!

Читает, думает, пишет в тетрадь
И, верную рифму найдя,
Он радость не в силах в сердце унять
И в воздух палит из ружья.
Так времени здесь он провел немало.
Поэт и чудак смешной,
Пока не явилось поэмы начало
В тетради его записной.

Он руки потер: „Ну пора и домой!
Мне ходу туда два часа.
Но прежде — с вершины этой крутой
Взгляну на поля и леса.
Пусть воздух и блеск вольются мне в душу!
Будь звонок в ней радости зов,
Когда обаяние воли разрушу
Я серой тюрьмой городов.

Вон город: он учит искать доход,
Он башнями мрачно одет,
Он в стойло прозы поэта замкнет:
Бездельник — всякий поэт!
Когда б я порой на коня не садился,
Денька порой не имел,
Как нынче — тоской бы я вечно томился
И строк срифмовать не умел.

Лежит он, — и осенью пахнет наряд
В пожаре вечерней зари.
А дальше, куда ты ни кинешь взгляд,
Там Мюнстера степи — смотри!
Там Липпа серебристыми блещет волнами,
Левее — Хелльвег золотой,
А там, направо, лежит за кустами
Мой Оснинг, маня синевою.

Какие просторы! Такою была
Мазепы степь в старину;
Такая — России царя обняла,
Подъявшего с Карлом войну.
Но только там почва обильней, тучнее.
Луга здесь, болота цветут,
Здесь дикий кустарник, земля здесь краснеет.
Ужели кипели битвы и тут?“

Он так подумал и молвил вслух.
И вдруг предстал перед ним
Мужик, одинокой коровы пастух,
С обличем странным таким:

На длинном теле льняная рубашка,
Стальной пронзителен взор,
И губы дрожат, и ступает тяжко,
И шепчет, глядя в упор.

II.

— „Здорово, сударь! На этих полях
Бывали ль битвы, — как знать?
Про то вы прочтете в книжных строках,
А мне на былое плевать!
Гляжу я в грядущее только, и ныне
Так старый пастух говорит:
Я битву видел на этой равнине,
Ту битву, что впредь закипит.

Я трижды ту битву, трижды видал!
Пустынна Гаара в ночи!
Но ровно в полночь с постели я встал, —
Меня подхватили смерчи.
Да, сударь, сюда, на скалы эти
Меня принес ураган,
И велено было — в полуночном свете
Глядеть на равнину, в туман.

Я вниз взглянул и увидел я:
Алела на ржи роса,
И кровью алели вокруг поля,
И пламенем жгли небеса.
Пылали деревни, как травы сухие,
Дворы горели светло:
Казалось, на мир, на равнины ночные
В цветное глядел я стекло.

Два войска, несметны, как листья дерев,
Там сшиблись, смятеньем полны:
Одно неслось под трубный напев
С прирейнской стороны.
То с Запада мчались народы свободы!
Звенели до Гарвега звоны копыт, —
И в грохот пороха гордые взводы,
И красное знамя над ними парит!

О, красное, красное! Красная кровь!
Иного здесь знамени нет!
Оно подымало их вновь и вновь
И гнало их в гибель и бред!
Кидало навстречу рабам Востока,
А те — звериной гурьбой
Несли по полям неоглядно, жестоко,
На грозный, на смертный бой!

Я знал, хоть того мне никто не сказал:
Последнего боя здесь страсть:
Восток свирепо на Запад встал,
Борясь за победу и власть.
Здесь рабства великого бой исходный,
Здесь кинуты кости рукой,
Рукой королевской, дрожащей, холодной, —
Последняя ставка в игре роковой.

Вокруг березы та битва была.
Глядел я на белый ствол:
И слезы береза тихо лила,
И был ее шелест тяжел.
И листья сырели от брызжущей крови,
Которою дикий плескал хоровод,
И ветви свисали грустней и суровой
Под градом картечи с горящих высот.

И дерево вдруг зашумело сильнее,
И свет над Гаарой сверкнул:
То дрогнул Восток всей силой своей,
И мощь его — Запад согнул.
Поводья порваны, смяты знамена,
И бурей подков побиты вожди,
И грозной Свободы трубные звоны
За лавой бегущих летят позади.

Там! Мчатся и мчатся! Там, видите вы?
Летят по лугам и скалам!
Там! Призраки те же в волнах синевы,
И то же сияние там!

Бегите же прочь, чтобы плащ тяжелый,
Летящие вам удила не смели!
С главою у стремени конь веселый
Влачит чье-то тело в пыли!

Глядите! Упал он! О грозный бой!
Растерзанный воин в папортник лег, —
И через него несется волной
Лафетов, двуколок поток.
И что до него! Колесами рвите,
Не встанет! И нет гробниц!
Вы видите, — только об этом молчите, —
Последний король здесь падает ниц!“

III.

Пошел в голове у стрелка кавардак.
Он дух тяжело перевел
И шепчет тихонько: проклятый чудак,
Куда ты меня завел!
Но старый пастух зловеще смеется
И сухо молвит в ответ:
— „Бранись, не бранись, — пережить придется;
Тебе лишь семнадцать лет“.

Он свистнул тихонько и в поле ушел.
Но слово еще не сбылось.
Но белой березы стоит еще ствол,
Два стана вокруг собралось.
Бывали и стычки. Но долго сражаться
Придется, — упорен бой.
И в сердце охотника думы томятся:
— О скоро ль народы к победе примчатся
И вспыхнет день мировой!

(Перев. С. Заяицкий.)

ПАМЯТИ ТРУЖЕНИКА.

Честь тому, кто над сохой
Спину гнет и в жар и в холод,
Кто могучею рукой
Подымает тяжкий молот!

Кто в подземной глубине
Целый век свой должен рыться,
С тачкой, с ношей на спине,
Чтоб с семьей своей кормиться!

Слава, труженики, вам!
Похвала тебе, работа!
Честь трудящимся рукам!
Честь и слава капле пота,

Что на ниве, средь села,
За серпом или за плугом,
Пала с мокрого чела,
Незнакомого с досугом!

Но вспомянем и того,
Кто в нужде, как раб в неволе,
Плугом мозга своего
Бороздит иное поле.

В складе ль книжном он сидит
И архивной пылью дышит,
Чтением ли глаза слепит,
Иль стихи и драмы пишет;

Иль, за плату, вздор чужой
Поправляя, ум свой мучит,
Иль грамматике сухой
Он детей с терпением учит —

И ему „трудись, потей“
Неотвязный шепчет голос;
От забот и от скорбей
И его седеет волос;

От безмерного труда
Он ведь тоже тратит силу,
И его сведет нужда
Преждевременно в могилу.

Узник будничных забот,
Не парит он мыслью в небе;

Вечный голод, вечный гнет,
Вечный крик детей о хлебе.

Много я таких знавал!
Был один: он к небу рвался,
Но он хлеб свой добывал
И во прахе пресмыкался.

Был он бодр, его мечты
Были пламенны и живы;
Но, под гнетом нищеты,
Он сдержал свои порывы.

Лист писал он за листом
В душной комнате, бывало,
Между тем как все кругом
Полной жизнью трепетало.

Все цвело; певец полей,
К небу жаворонок взвивался;
Громко щелкал соловей;
Мир сиял и улыбался.

Но на мир он не смотрел,
Точно был без глаз и слуха;
Он в стенах своих корпел,
Бедный раб, поденщик духа.

А когда, бывало, в нем
Сердце чуткое застонет —
Бодрый духом и умом
Он тоску оттуда гонит.

Говорит он сам себе,
Заглушив свое страданье:
„Есть поэзия в борьбе
За свое существованье!“

Наконец, больной, он слег:
Сил уж не было трудиться,
Хоть порой еще он мог
Светлой мыслью возноситься.

По ночам его манил
Рой таинственных видений;
И на небо воспарил
Злобой дня разбитый гений.

Без креста, без камня он
Уж давно лежит в могиле...
Мир ему! спокойный сон
В злой борьбе угасшей силе!

Детям бедного борца
Тяжко будет малолетство:
Имя честное отца —
Вот одно у них наследство!

Да, вспомянем и того,
Кто в нужде, как раб в неволе,
Плугом мозга своего
Пашет умственное поле!

(Перев. Д. Михаловский).

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Предисловие редакции	III
Ф. Фрейлиграт и революционная поэзия 40-х годов (вступит. статья Ф. Шиллера) . .	VII
Ф. Мер и н. г. Фрейлиграт и Маркс в их переписке	1
Примечания	93
Указатель имен	107
Указатель газет и журналов	118
 Приложение. 	
Избранные стихотворения Ф. Фрейлиграта . .	123

Г. ФРЕЙЛИГРАТ И МАРКС В ИХ ПЕРЕПИСКЕ

1929